

А.Х. Абазов

**МОЗДОКСКИЙ
ВЕРХНИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СУД
В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
в 1793–1822 годах**

Институт гуманитарных исследований
– филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

А.Х. АБАЗОВ

**Моздокский верхний пограничный суд
в системе органов власти
на Центральном Кавказе в 1793–1822 годах**

Нальчик 2024

УДК – 63.2(2Р.К.-Б.)53-36

ББК – 94(470.64)08

А – 13

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор Е.Г. Муратова

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент Т.А. Дзуганов

кандидат исторических наук, доцент Д.Н. Прасолов

А – 13

Абазов А.Х. Моздокский верхний пограничный суд в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1793-1822 годах. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 216 с.

В монографии определены роль и место Моздокского верхнего пограничного суда в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг. Подведены итоги изучения деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ в исследовательской практике, охарактеризованы нормативно-правовая и делопроизводственная документальная база, на которой выстраивалось исследование. Работа проведена в рамках исторического институционализма. Для этого охарактеризованы нормативно-правовое, документальное, финансовое и кадровое обеспечение деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ, изучены компетенция и особенности правоприменительной практики.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и этнографией народов Кавказа.

© А.Х. Абазов, 2024

© ИГИ КБНЦ РАН, 2024

© Издательская типография «Принт Центр», 2024

ISBN 978-5-907951-17

INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCHES
– branch of the Federal state budgetary scientific institute
«Federal scientific center «Kabardino-Balkarian scientific center
of the Russian academy of sciences»

A.KH. ABAZOV

**Mozdok Upper Border Court
in the system of authorities
in the Central Caucasus in 1793-1822**

Nalchik 2024

УДК – 63.2(2Р.К.-Б.)53-36
ББК – 94(470.64)08
А – 13

Printed according to the decision
of the Scientific Council IHR KBSC RAS

Scientific editor:

Doctor of Historical Sciences, Professor E.G. Muratova

Reviewers:

PhD (in history), Associate Professor T.A. Dzuganov

PhD (in history), Associate Professor D.N. Prasolov

A – 13

Abazov A.Kh. Mozdok Upper Border Court in the system of authorities in the Central Caucasus in 1793-1822. Nalchik: Print Center Publishing House, 2024. 216 c.

The monograph defines the role and place of the Mozdok Upper Boundary Court in the system of government and local judicial administrative control in the Central Caucasus in 1793-1822. The results of the study of the activities of the Border Court and related courts and reprisals in research practice are summarized, the regulatory and clerical documentary base on which the study was built is characterized. The work was carried out within the framework of historical institutionalism, for this purpose, the normative legal, documentary, financial and personnel support for the activities of the Border Court and generic courts and reprisals were characterized, the competence and features of law enforcement practice were studied.

The book is addressed to researchers, teachers, students, as well as anyone interested in the history and ethnography of the peoples of the Caucasus.

© A.Kh. Abazov, 2024

© IHR KBSC RAS, 2024

© Print Center Publishing House, 2024

ISBN 978-5-907951-17

ВВЕДЕНИЕ

Исследование деятельности органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. по-прежнему сохраняет актуальность для понимания исторических условий и обстоятельств складывания и развития здесь российского аппарата государства, изучения специфики политогенеза и правогенеза в региональном измерении, характеристики особенностей инкорпорации коренного населения в политико-правовое пространство империи, выявления у местных жителей истоков российского гражданского самосознания и т.п.

Настоящая монография продолжает цикл наших исследований о деятельности органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля и представляет собой дополненную и переработанную версию полученных в 2019 г. предварительных результатов исследования по определению роли Моздокского верхнего пограничного суда в политике Российской империи на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг.

Исходная гипотеза исследования заключается в том, что именно с внедрением Россией первых форм локального судебно-административного контроля в последней трети XVIII в. в виде приставских управлений и пограничных судов началось непрерывное развитие органов российской государственности на Центральном Кавказе в длительной исторической перспективе. Этот процесс продолжается до настоящего времени. Зародившаяся в этих условиях инерция вектора государственно-политического развития в последующем выражалась в расширении сети учреждений локального судебно-административного контроля по мере продвижения России вглубь Кавказа в первой трети XIX в., преобразовании административной системы и введении в регионе военнопольного управления, образования национальных административных округов в конце 50-х гг. XIX в. и их объединении в составе Терской области в 1860 г., административно-территориальных преобразований по итогам революции 1917 г. и гражданской войны, образовании Горской автономной советской социалистической республики в составе РСФСР в 1921 г. и поэтапном образовании национальных автономных областей в составе РСФСР в 1922-1924 гг., преобразовании некоторых автономных областей в автономные республики в 1936 г., перестройке системы государственного управления в начале 90-х гг. XX в. и в последующем развитии республик региона как демократических право-

вых государств в составе Российской Федерации. В краткосрочной исторической перспективе исследование деятельности органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. также представляет определенный научный интерес, т.к. именно в это время стали формироваться принципы администрирования, которые в последующем легли в основу учреждения системы военно-народного управления в крае. В этой системе коренное население имело представительство в новых структурах власти, а при регулировании общественных отношений широко применялись традиционные формы народного правосудия. В то же время высшая административная власть в регионе принадлежала офицеру российской армии, который одновременно являлся и начальником дислоцировавшихся на подведомственной ему территории воинских подразделений.

Учреждения локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XIX в. представляли собой специализированные звенья российского аппарата государства, создававшиеся на Кавказе на базе линейных военизированных структур (военных крепостей и укреплений, пунктов кордонных линий, промежуточных редутов) для выстраивания первичного контроля над основными сферами жизнедеятельности проживавшего на порубежных территориях лояльного России населения. Так, в последней трети XVIII в. российские власти активизировали деятельность по созданию учреждений такого типа в отношении населения прилегавшей к Моздокской крепости (построенной в 1763 г.) территории и других пунктов построенной в 1777-1778 гг. Азово-Моздокской линии. В это время были учреждены: в 1769 г. кабардинское приставство; в 1793 г. – Моздокский верхний пограничный суд и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, а также 4 приставства в отношении ногайского населения региона: для Калаусо-Саблинских и Бештово-Кумских, Калаусо-Джембойлукских, Ачикулак-Джембойлукских и Едиганских, Едишкульских и Караногайских ногайцев. Также в документах встречаются отдельные сведения о функционировавшем на рубеже 70-80-х гг. XVIII в. приставстве Малой Кабарды с присутственным местом в крепости Моздок. К 1798 г. относятся сведения о приставе «трухменских татар»; к началу XIX в. – приставе части осетинского населения, а также ногайском и абазинском приставе и т.п. Основным критерием отнесения этих учреждений к анализируемому типу

властных структур является то, что они создавались российскими властями для контроля основных сфер жизнедеятельности коренных народов, проживавших в то время за пределами Азово-Моздокской (позже – Кавказской) кордонной линии. Такая модель управления была разработана в отношении населения порубежных территорий с целью их постепенной инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи. Так, к началу XIX в. в этом регионе была сформирована целая сеть учреждений такого типа, к подведомственности которых была отнесена значительная часть народов Центрального Кавказа (кабардинцы, ногайцы, абазины, часть осетин и т.п.). Кроме того, одним из основных направлений инкорпорации народов региона в состав России было налаживание коммуникации между представителями российской власти и региональной этноэлитой путем организации документооборота по основным направлениям взаимодействия.

Учреждения локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в последней трети XVIII в. создавались и функционировали на основании схожих принципов: выстраивание контроля над основными сферами жизнедеятельности местных жителей и их вовлечение в российское правовое поле, назначение приставами и председателями пограничного суда представителей российской военной администрации, включение в штат судов делегатов (иногда на выборных началах) от местного населения, определение в качестве надведомственной организации – высшего военного командования в регионе или Коллегии иностранных дел и т.п. Во второй половине XVIII в. назначение на должность пристава проходило на основании специального разрешения из Коллегии иностранных дел. Назначение председателя Пограничного суда санкционировалось императором.

Все это позволяет рассматривать деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ как специфичной группы учреждений локального судебно-административного контроля в рамках исторического институционализма, в том числе: характеризовать особенности нормативно-правового, документального, финансового и кадрового обеспечения их деятельности, определить их место в системе органов власти в регионе, рассматривать компетенцию, динамику территориальной подведомственности и кадрового состава и т.п. Это возможно еще и на том основании, что в конце XVIII – начале XIX в. наметилась тенденция учреждения вышестоящих (промежуточных) инстанций для группы расположенных по соседству учреждений локального судебно-административного контроля. Так, с 1793 г. такую роль

по отношению к родовым судам и расправам выполнял Моздокский верхний пограничный суд, а с началом XIX в. для нескольких частных (локальных) приставств – Главное приставское управление.

Кроме того, учреждение Моздокского верхнего пограничного суда, родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде основывалось на сочетании российской модели управления и традиционных институтов соционормативной культуры народов северокавказского региона. Исследование этой проблематики с опорой на принципы институционализма дает возможность подробнее проанализировать становление российской государственности в регионе, выявить истоки формирования многоуровневой иерархии государственного управления, охарактеризовать механизмы закрепления социального статуса региональных этноэлит в новых условиях.

В научно-исследовательской практике сведения о Моздокском верхнем пограничном суде и родовых судах и расправах приводились зачастую для описания общих подходов российских властей и организации административной и судебной системы в регионе, характеристики сложившейся военно-политической ситуации, реакции местного населения на нововведения и их последствия. Наиболее акцентированное внимание к деятельности этих учреждений уделено в трудах П.Г. Буткова, Н.Ф. Грабовского, В.Н. Кудашева, С.К. Бушуева, Т.Х. Кумыкова, М.М. Блиева, З.М. Блиевой, Ж.А. Калмыкова, В.Х. Кажарова, Х.М. Думанова и Ю.М. Кетова, А.Н. Маремкулова, А.Н. Кубатко, А.Д. Дзидзоева, Х.С. Вартаняна, Э.Ю. Хубиева, некоторых наших работах, а также – в целом ряде обобщающих работ по истории народов Центрального Кавказа. Моздокский верхний пограничный суд в исследовательской практике рассматривался как учреждение Российской империи, наделенное судебно-административными функциями в отношении народов Центрального Кавказа. В научной литературе охарактеризованы его штатная структура, объем полномочий и нормативно-правовая основа судопроизводства, а также определена его роль в аккультурации обычаев и традиций этих народов с институтами российской правовой системы. Т.е. все это дополнительно подчеркивает важную роль и видное место Пограничного суда как основной институции российского аппарата государства на Центральном Кавказе и усиливает необходимость выявления динамики прироста научных знаний и особенностей складывания историографической традиции по этой проблематике. Такой анализ проведен в п. 1.1 настоящей монографии.

Кроме того в настоящее время сохраняется значительный корпус исторических источников (в основном, нормативно-правовых и делопроизводственных), которые позволяют значительно расширить диапазон знаний о Пограничном суде и родовых судах и расправах, а также ставить и решать новые исследовательские задачи. Доступные источники дают возможность охарактеризовать их правоприменительную практику на протяжении всего этапа функционирования, определить особенности коммуникации с другими управленческими структурами в регионе, определить динамику кадрового состава и установить механизмы закрепления социального статуса местных жителей в рамках устанавливавшейся политико-правовой системы, изучить специфику финансового обеспечения их деятельности. В свою очередь, все это дает возможность провести комплексное исследование роли и места Пограничного суда в на этапах включения народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., определить его роль в условиях их интеграции в социально-культурную и экономическую жизнь российского общества и обозначить его место в системе органов власти. Для этого настоящее исследование выстраивалось с опорой на документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), Архива Русского географического общества (Архив РГО, Санкт-Петербург), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО – Алания, г. Владикавказ), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД, г. Махачкала), Государственного архива Ставропольского края (ГА СК, г. Ставрополь), Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР, г. Нальчик), Государственного архива Астраханской области (ГА АО, г. Астрахань), Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ, г. Тбилиси), а также документов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), и тематических сборников¹. Наиболее обстоятельно в монографии представлены

---

¹ АКАК. Т. 1-2; Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах: Сб. док. Назрань, 1995; Документальная история образования многонационального государства Российского. М., 1998. Кн. 1. В 4 кн. Кн. I: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. М., 1998; Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Нальчик, 2000; Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.). М., 2006; Обычное право,

делопроизводственные документы Ф. 244 «Моздокский верхний пограничный суд» из ЦГА РСО-Алания. Фонд в этот архив поступил в 1950 г. из ГА СК¹ и содержит большой объем протоколов суда, дел по рассмотрению рапортов родовых судов и расправ Большой и Малой Кабарды, прошений членов суда по разным вопросам, жалоб и прошений представителей местного населения, докладных реестров, входящих и исходящих регистров, финансовых и других документов. Полагаем, что накопленный массив разных по видовой принадлежности документов Пограничного суда и родовых судов и расправ может сам рассматриваться как комплексное явление по фиксации основных направлений инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в конце XVIII – первой четверти XIX в. Поэтому осмысление и уточнение эвристического потенциала сохранившихся до наших дней документальных источников в этом направлении представляется актуальной исследовательской задачей современной исторической кавказологии. В п. 1.2 настоящей монографии предложены предварительные итоги исследования особенностей нормативно-правового и документального обеспечения деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ, предпринята попытка определить их информативную отдачу на основе анализа делопроизводственной документации, в том числе отчетной и учетной документации, документов с элементами статистического обобщения, документов по управлению кадрами и финансами, процессуальных документов и т.п.

В теоретическом плане исследование поставленной проблемы дает возможность охарактеризовать Пограничный суд как связующее звено в механизме коммуникации имперских государственных органов и учреждений для управления порубежными территориями и народами, выявить и охарактеризовать новые каналы социальной мобильности в

мусульманское право и акты российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Хрестоматия. Ростов н/Д, 2008; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1. Памятники права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства. Ростов н/Д, 2009; Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): Сборник документов. Владикавказ, 2012; Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI в.): учебное пособие. Нальчик, 2015; Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. Т. 1. Нальчик, 2018.

¹ Путеводитель по фондам Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания: досоветский период. Владикавказ, 2023. С. 54.

переходные исторические периоды, понять особенности трансформации и смены социально-политических элит и способы закрепления их статусов в новых политико-правовых реалиях, особенности формирования фронтирных идентичностей и т.п. В прикладном – глубже изучить особенности взаимодействия коренного населения региона и российского государства, механизмы внедрения государственных органов на присоединяемых территориях, принципы конфессиональной и этнической политики на национальных окраинах империи в изучаемый период и т.п. Кроме того, основные результаты монографии могут быть применимы для более глубокого исследования узловых проблем социально-политической истории Центрального Кавказа в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., а также – для составления обобщающих работ по истории и этнографии народов региона.

Хронологические рамки исследования охватывают 1793-1822 гг. Нижний хронологический рубеж связан с учреждением Пограничного суда, верхний – с датой его ликвидации. Географические рамки ограничиваются территорией Центрального Кавказа, которая относилась к его подсудности. В некоторых случаях хронологические и территориальные рамки рассматриваются в монографии в более широком контексте с учетом ряда сложностей, которые возникали вслед за присоединением народов региона к России и их инкорпорацией в административно-правовые структуры государства.

Методология работы построена с опорой на основные принципы и методы исторических исследований. В работе использовались методы, связанные с:

- извлечением информации из исторических источников (методы поиска, систематизации и классификации исторических источников);
- интерпретацией данных, полученных в ходе анализа исторических источников (историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, ретроспективный и историко-типологический методы);
- репрезентацией данных (методы системного анализа, институциональный и междисциплинарный подходы).

Специфика исследования с учетом современных общественных и этнополитических реалий привела к необходимости купировать имена и фамилии некоторых фигурантов судебных разбирательств. Для этого в тексте были оставлены инициалы их фамилий. Кроме того, имена и фамилии служащих суда и других людей, которые приводятся в монографии без сокращений, помещены здесь в тех формах, в которых они

встречаются в оригиналах исторических источников. Такой же подход применялся и в отношении обозначения наименования народов, проживавших на подведомственной Пограничному суду территории.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников и списка сокращений. Работа адресована представителям гуманитарного научного сообщества, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и этнографией народов Кавказа.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗДОКСКОГО ПОГРАНИЧНОГО СУДА И РОДОВЫХ СУДОВ И РАСПРАВ

1.1 Моздокский верхний пограничный суд в исследовательской практике

Изучение особенностей накопления научных знаний в исследовательской практике и определение информативной отдачи источников по деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ Большой и Малой Кабарды позволяет определить эвристический потенциал и информативную отдачу материалов по различным аспектам инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. В рамках исторического институционализма такое исследование открывает дополнительные возможности для понимания особенностей и факторов прироста научных знаний о формировании и деятельности здесь институтов российской судебной-административной системы, вовлечении в их деятельность представителей коренного населения региона, накопления документального массива по их работе, отражавшего этнодемографические, социально-политические, экономические, миграционные и т.п. процессы.

В настоящее время накопление научных знаний о деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ протекает как с опорой на устоявшуюся историографическую традицию, так и в условиях проблем и вызовов современной историографии. С одной стороны, практически ни одно исследование социально-политической, военной, экономической истории народов Центрального Кавказа конца XVIII – первых десятилетий XIX в. немислимо без учета и характеристики этой группы учреждений локального судебного-административного контроля. При этом исследователи в основном эксплуатировали ограниченный набор характеристик их деятельности (об условиях и обстоятельствах их образования; кадровом составе, объеме полномочий, реакции коренного населения) и опирались на введенные в научный оборот источники (в большинстве случаев, материалы Кавказской археографической комиссии и первоисточники из работ П.Г. Буткова). С другой стороны, изучение истории их деятельности по аналогии с другими объектами исторических исследований в настоящее время развиваются в условиях формирования плюрализма точек зрения

ученых, накопления большого количества тематической (в том числе, научной) литературы, расширения источниковой базы и ее доступности для широких масс читателей, усиления тенденции к многофакторному подходу, и в некоторых случаях – стирания граней между научным историческим исследованием и публицистикой. Вместе с тем, с течением времени на фоне социально-политических трансформаций и развития методики и методологии в области гуманитаристики менялся характер интерпретации рассматриваемых вопросов, расширялся круг исследуемых источников, ставились новые проблемы, отвечающие требованиям времени и т.п. Поэтому историографию проблемы можно традиционно условно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный (постсоветский).

Труды дореволюционных авторов по социально-политической истории Центрального Кавказа представляют определенный интерес во многом для понимания той историко-культурной среды, в рамках которой протекали судебные преобразования. Важное значение в этом плане имеют работы, посвященные особенностям Кавказской войны¹, становлению и развитию системы управления в регионе² и т.п. Анализ содержания этих работ раскрывает такие моменты политической истории региона, как: ход военных действий в период Кавказской войны, описание обстоятельств и условий возникновения и развития населенных пунктов на Кавказской линии по мере продвижения России вглубь Кавказа, образование российских государственных органов власти и динамика административно-территориального устройства и т.п.

Наиболее обстоятельным описанием истории создания и деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ в дореволюционной историографии, подготовленным с опорой на

---

¹ Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Романовский П. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1887. Т. 1-6; Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 132-231 и т.п.

² Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823; Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске с 1816 по 1826 год. СПб., 1829; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т. 3; Толстов В.Г. Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Екатеринодар, 1896; Загурский Л. Краткий очерк ермоловского времени на основании VI Актов, собранных Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1876; Эсадзе С.Э. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис, 1907; Потто В.А. Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991 и т.п.

нормативно-правовые и отдельные делопроизводственные источники и во многом задававшим вектор дальнейших исторических исследований в этом направлении, был труд видного историка и государственного деятеля П.Г. Буткова. Первичный материал по этой части был собран им в 1801-1802 гг. в бытность правителем канцелярии главнокомандующего войсками на Кавказе К.Ф. Кнорринга. В «Материалах для новой истории Кавказа» П.Г. Буткова были характеризованы обстоятельства и условия учреждения Пограничного суда, описывалась его структура и т.д.¹ Все сведения даются на основании нормативных актов и делопроизводственных документов того времени. Однако наиболее обстоятельное описание Пограничного суда и родовых судов и расправ было подготовлено П.Г. Бутковым в 1806-1807 гг. в работе под названием «Топография обоих Кабард»². Отдел 3 рукописи посвящен обзору политического устройства Кабарды до и после 1793 г. Для обобщения сведений о деятельности родовых судов и расправ П.Г. Бутков опирался на именные указы императора Правительствующему Сенату и главнокомандующему войсками на Кавказской линии, рапорта главнокомандующего войсками на Кавказской линии императору и в вышестоящие инстанции, Наставлении Екатерины II родовым судам и расправам от 1793 г., уточнениях к ним И.В. Гудовича от 1794 г., положений, утвержденных 3 октября 1794 г. на общем собрании судей родовых судов и расправ при участии членов Пограничного суда подполковника князя Уракова и секунд-майора Рослаббека Мисостова и т.п. Его описание содержит сведения о предпосылках и проектах учреждения Пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде, их территориальной организации и подведомственности, объемах финансирования, некоторых определявших порядок правосудия правилах, особенностях совмещения должности председателя Пограничного суда и т.п. Однако рукопись оставалась неизвестной для массового читателя, была введена в научный оборот лишь в 2020 г. Р.К. Кармовым³ и до настоящего времени в должной мере не осмыслена представителями научного сообщества. При том, что некоторые приведенные в рукописи сведения были восстановлены исследователями с опорой на разные исторические источники.

---

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 266.

² РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 69. Л. 70-124 об., см.: Неопубликованная рукопись П.Г. Буткова по истории Кабарды. Нальчик, 2020. С. 11-57.

³ Неопубликованная рукопись П.Г. Буткова... С. 11-57.

В описании кабардинцев, составленном в 1815-1818 гг. анонимным автором, приводится обзорная характеристика учреждённых в 1807 г. духовных судов («мехкеме») (1807-1822), в которой «мехкеме» назван судом, «имеющим власть судопроизводственную»¹. При этом подчеркивалось, что основу судопроизводства в «мехкеме» составляли религиозные нормы. Автор отмечал, что «первосвященник» и несколько находившихся при нем духовных особ разбирали споры «по Алкорану»². Кроме того, здесь же характеризовались процедура подачи жалоб и порядок их решения в этих судах.

Ш.Б. Ногмов связывал преобразования 1807 г. с именами князя Адиль-Гирея Атажукина и эфенди Исхака Абукова. Он упоминал их в своей работе, как людей, которые ввели «между народом кабардинским шариат, по которому преступники все без изъятия по степени важности преступления подвергались смертной казни и телесному наказанию»³. Далее были приведены конкретные меры наказаний за различные преступления. Говоря о значимости этих преобразований, Ш.Б. Ногмов отмечал, что «установление этого положения принесло большую пользу народу; каждый боялся совершить что-либо противозаконное»⁴.

Некоторые характеристики деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ приводились в других работах дореволюционных авторов, в том числе и с опорой на труд П.Г. Буткова. Так, в работе Н.Ф. Грабовского исследована динамика судебных преобразований и криминогенной ситуации в Кабардинском округе с конца XVIII до 60-х гг. XIX в.⁵ Он помимо прочего описал деятельность учрежденных в 1793 г. Пограничного суда и родовых судов и расправ, привел сведения о составе и структуре этих судов, основной предмет их ведения, охарактеризовал реакцию местного населения на это нововведение⁶. Свои суждения по этому вопросу он основывал на материалах, подготовленных П.Г. Бутковым. Н.Ф. Грабовский отмечал, что они «были учреждения чисто сословные и доступные только привилегированным классам»⁷. Основные аспекты деятельности духовных

---

¹ Неизвестный автор. Описание кабардинцев, 1815-1818 гг. // Ученые записки КБНИИ. Т. XIII. Нальчик, 1957. С. 387.

² Там же.

³ История адыгейского народа, составленная по кабардинским преданиям Ш.Б. Ногмовым. Тифлис, 1861. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцев (Далее. – ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 1-72;

⁶ Там же.

⁷ Там же.

судов «мехкеме», Николай Францевич описывал на основе анализа «Народного условия, сделанного 1807 года, июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев».

В некоторых случаях дореволюционные авторы обращались к сведениям о Моздокском верхнем пограничном суде и родовых судах и расправах для характеристики не только истории судебных органов, но и других социально-правовых явлений и процессов. Например, Ф.И. Леонтович связывал появление первых сборников правил поведения и обычаев у кабардинцев со временем, последовавшим после учреждения Пограничного суда, большинству членов которого, по его мнению, «были вовсе неизвестны местные адаты по преданию»¹.

Позднее В.Н. Кудашев, описывая историю Моздокского верхнего пограничного суда, родовых судов и расправ писал, что «в 1793 г. кабардинцы дали свое согласие на введение у них родовых судов и расправ»². Однако для характеристики этого вопроса он опирался на сведения из работы Н.Ф. Грабовского.

В целом, в трудах, опубликованных до революции, были предприняты попытки характеристики этой группы учреждений локального судебно-административного контроля. Сведения о Пограничном суде и родовых судах и расправах, подготовленные на основе описания документальных источников, составили основу знаний о нем и практически без приращения новыми знаниями применялись в работах последователей. Преобразования 1807 г. в системе судоустройства региона, когда сменилась нормативная основа судопроизводства, характеризовались в большинстве своем с опорой на «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10 после прекращения в Кабарде заразы в отмену прежних обычаев» и народных преданий. Некоторые из этих сведений и по настоящее время требуют дополнительной проверки и верификации. Однако именно они заложили устойчивый вектор исследований на последующие годы, а также в них были предприняты первые попытки теоретического осмысления данной проблемы.

В 20-е – первой половине 50-х гг. XX в. деятельность Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде не получили определенного внимания в историографии. Со второй же половины 50-х гг. XX в. внимание исследователей к

---

¹ Леонтович Ф.И. Предисловие // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 47.

² Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 80.

ним стало усиливаться. Так, некоторые аспекты преобразования судебной системы в Кабарде в конце XVIII – начале XIX в. затрагивались в работе С.К. Бушуева¹. Однако описание этих судебных учреждений ограничивалось лишь самой общей характеристикой их составов и перечислением круга разбираемых ими дел.

Кроме того, со второй половины 50-х гг. XX в. история суда и судебных органов стала одной из важных тем в обобщающих работах по истории северокавказских республик. Сведения по истории судебной системы в регионе приведены в обобщающем труде по истории Кабарды. Учреждение родовых судов и родовых расправ и Пограничного суда в 1793 г. рассматриваются в контексте политики России в Кабарде и ее борьбе против турецко-крымской агрессии в XVIII в.² Особое внимание акцентируется на «классовом характере» этих структур. Сведения о преобразованиях 1807 г. и характеристика духовных судов здесь не приведены. В обобщающей работе по истории Северо-Осетинской АССР динамика судебных преобразований специально не рассматривается³. Данный труд имеет определенное значение лишь для понимания эволюции социально-политической системы, в рамках которой происходили правовые изменения в дореволюционный период.

Анализируя особенности политики Российской империи на Центральном Кавказе в конце XVIII – 30-е гг. XIX в., М.М. Блиев⁴ затронул вопрос об учреждении родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде⁵ и охарактеризовал реакцию местного населения на судебные преобразования в регионе⁶.

В 1963 г. Т.Х. Кумыков исследовал этапы развития судебной системы Кабарды в конце XVIII – XIX в.⁷, не касаясь процессуальных вопросов и анализа судебной практики. Исследователь первым среди советских ученых обратил внимание на недостаточную изученность данной проблемы в историографии и подчеркнул, что ее «разработка даст

---

¹ Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956.

² История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. С. 64-65 (автор раздела З.В. Анчабадзе).

³ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.

⁴ Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1861; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970.

⁵ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения... С. 269.

⁶ Там же.

⁷ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII-XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик, 1963. С. 90-102.

возможность глубже понять сложные процессы, происходившие в политической жизни кабардинцев и балкарцев в конце XVIII-XIX веках»¹. Для этого он значительно расширил источниковую базу проблематики. Например, он ввел в научный оборот документы по судопроизводству, извлеченные им из фондов Центрального государственного исторического архива Грузии (г. Тбилиси). Некоторые из разработок Т.Х. Кумыкова легли в основу соответствующего обобщающего труда по истории Кабардино-Балкарской АССР (1967)². Часть исследования Т.Х. Кумыкова по истории судебных органов Кабардино-Балкарии посвящена родовым судам и расправам и Пограничному суду. Он писал, что главная цель этих преобразований для российских властей заключалась в том, чтобы, «прибрав к своим рукам основные рычаги управления краем, ослабить влияние местной феодальной верхушки и прочно укрепить свою колониальную позицию»³. При этом родовые суды он называет судами княжескими, а расправы – дворянскими⁴. В этой работе Т.Х. Кумыкова при описании Пограничного суда и родовых судов и расправ был обобщен набор их характеристик, которые впоследствии использовались исследователями при изучении основных направлений социально-политической истории Центрального Кавказа: территориальная организация (2 родовых суда и расправы в Большой Кабарде и по одному в Малой); родовой принцип преобразований; выборность судей и расправных заседателей и некоторые особенности проведения выборов; компетенция в решении споров и конфликтов; место в иерархии органов власти; реакция этнических элит и представителей духовенства на нововведения в судоустройстве; учреждение духовных судов «мехкеме» взамен родовых в 1807 г. и т.п. При этом он считал ошибочным сложившееся в историографии мнение о том, что последовавшие за введением новых судебных органов народные волнения являлись исключительно результатом судебной реформы и носили феодальный характер⁵. И предлагал рассматривать проблему в расширенном контексте, дополнительно учитывая «антифеодальную» и «антиколониальную» борьбу горцев в контексте столкновения на почве судебной реформы двух классов (социальных групп) и двух идеологий – крестьянской и феодальной.

---

¹ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений Кабардино-Балкарии... С. 90.

² История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1. С. 222-224.

³ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений Кабардино-Балкарии... С. 91.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 93.

Наиболее обстоятельное исследование судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. в позднесоветской историографии принадлежит З.М. Блиевой. Данная проблематика затрагивалась в ее кандидатской диссертации и ряде других публикаций¹, где она рассмотрела особенности создания родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабаде (1793), изучила мероприятия кавказской администрации, направленные на реформирование системы управления в регионе и т.п. Опираясь на документальные источники, исследовательница осветила вопросы формирования административно-судебного аппарата по российскому образцу у чеченцев и ингушей в конце XVIII – первой трети XIX в.²

В целом, в советской историографии значимость характеристики деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ стала возрастать со второй половины 50-х гг. XX в. С начала 60-х гг. XX в. данная проблематика стала осмысливаться как объект самостоятельного исследования, в историографии подчеркивалась значимость изучения истории этой группы учреждений локального судебно-административного контроля за счет поиска и введения в оборот новых источников. При этом несмотря на то, что круг характеристик этих учреждений существенно не расширился, в историографии стали накапливаться соответствовавшие времени, политической и научной риторике толкования проводимых преобразований и их последствий.

История деятельности учреждений локального судебно-административного контроля в трудах исследователей современного (постсоветского периода) стала занимать видное место при изучении широкого круга социально-политических и экономических проблем интеграции народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи. Значительное количество исследований проводилось в контексте изучения административных преобразований. В частности, выход в свет в 1992 г. работы З.М. Блиевой, посвященной изучению

---

¹ Блиева З.М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Автореферат дис. канд. ист. н-к. Ленинград, 1984; Блиева З.М. Развитие административных и судебных учреждений в Кабарде (1769-1822) // Молодые ученые Осетии 75-летию Великого Октября. Орджоникидзе, 1988; Блиева З.М. Из истории становления российской системы управления в Чечне (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Вопросы истории и историографии Севиного Кавказа (дореволюционный период): сборник научных трудов. Нальчик, 1989 и др.

² Блиева З.М. Из истории становления Российской системы управления в Чечне... С. 85-99.

особенностей становления системы управления на Центральном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в., стал видным событием в историографии поставленной проблемы¹. В ней рассматривается развитие административных и судебных органов у народов региона в период становления российского аппарата управления. При изучении истории судебных органов, создаваемых в регионе в конце XVIII – первой трети XIX в. (родовых судов и расправ, духовных судов «мехкеме») З.М. Блиева пользовалась в основном документами Кавказской археографической комиссии, материалами П.Г. Буткова и Ф.И. Леонтовича, записками А.П. Ермолова и трудами Н.Ф. Дубровина, Н.Ф. Грабовского, Т.Х. Кумыкова и др. Ее данные дополняют общий исторический контекст административных преобразований в регионе в конце XVIII – первой трети XIX в. Впоследствии она неоднократно возвращалась к сюжетам о деятельности учреждений локального судебно-административного контроля для характеристики различных аспектов российского управления Центральным Кавказом на рубеже XVIII-XIX вв.

Определенное внимание вопросам учреждения Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ на этапах интеграции Кабарды и Балкарии в общеимперскую систему управления было уделено в работах Ж.А. Калмыкова². Некоторые результаты исследования данной проблематики он получил ещё в 70-80-е гг. XX в. Однако, обобщённые сведения о деятельности этой группы локального судебно-административного контроля для характеристики отмеченных процессов этот автор применял уже в постсоветское время. При этом он сделал ряд значимых предположений. Так, образование родовых судов и расправ он связывает с невысокой эффективностью деятельности кабардинского пристава и назревшей необходимостью введения в регионе новых дополнительных органов власти, способных «поставить вопросы внутреннего управления кабардинцев под жесткий и эффективный контроль Кавказской администрации, без чего включение Кабарды в состав России оказалось невозможным»³. В работе Ж.А. Калмыкова также выявлены предпосылки и описаны подготовительные

---

¹ Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 1992.

² Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1995; Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). Нальчик, 2007. С. 48-52.

³ Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии... С. 48.

меры по их учреждению. В качестве основного повода к началу судебных преобразований в регионе он называет гибель в 1791 г. капитана Бегидова с пятью товарищами и обвинение в этом К. Джанхотова – сына верховного князя Кабарды¹. Далее вслед за предшественниками Ж.А. Калмыков рассмотрел вопросы территориальной организации Пограничного суда и родовых судов и расправ, их компетенцию, особенности комплектования кадрами (в том числе и выборность судей и расправных заседателей от местного населения), описывал процедуру их выборов для суда и расправы Атажукиной и Мисостовой княжеских фамилий, указывал на признаки кризиса их деятельности, начиная с 1794 г., характеризовал протестные меры этноэлиты и духовенства. В числе последствий этих преобразований он называл укрепление позиций России в Кабарде, ограничение местных князей в юридических правах и т.п. В качестве источников Ж.А. Калмыков использовал уже известные к тому времени в историографии документы (донесение И.В. Гудовича императрице от 16 января 1792 г., ее рескрипт от 28 февраля 1792 г.) и опирался на работы Н.Ф. Грабовского, Т.Х. Кумыкова, С.Н. Бейтуганова, В.Х. Кажарова.

Исследуя основы геополитики Российской империи на Центральном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в., А.Н. Маремкулов уделил определенное внимание и вопросам судебных преобразований в Кабарде². Он считал, что «учреждение родовых судов и родовых расправ, духовного суда, Временного кабардинского суда – звенья одной цепи формы реализации геополитической стратегии Российской империи»³. Позже автор провел обстоятельное исследование юридических форм российской политики в регионе в XVIII-XIX вв., в котором проанализировал широкий круг нормативных актов российской власти в сфере Кавказской политики. Выявляя особенности трансформации обычного права народов Центрального Кавказа в условиях судебных преобразо-

---

¹ Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии... С. 48.

² Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX в.: политико-правовой аспект. Нальчик, 2003; Маремкулов А.Н. Трансформация судебной системы в Кабарде в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: историко-правовой аспект // Проблемы совершенствования правовой системы Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции. Кабардино-Балкарский государственный университет. М., 1999. С. 25-31; Маремкулов А.Н. Трансформация обычного права в процессе реализации политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 34-38.

³ Маремкулов А.Н. Основы геополитики... С. 126.

ваний конца XVIII в., А.Н. Маремкулов изучил основные подходы властей к учреждению в Кабарде родовых судов и расправ, их территориальную организацию и принципы комплектования кадрами, нормативную основу судопроизводства, сложности перехода от традиционных форм решения споров и конфликтов к установленным в российской правовой системе¹ и т.п. Эту часть исследования А.Н. Маремкулов выстраивал в основном с опорой на материалы Кавказской археографической комиссии².

Монография Х.М. Думанова и Ю.М. Кетова о судебной системе Кабарды и «адыгэ хабзэ» у кабардинцев во второй половине XVIII – XIX вв. содержит обобщение накопленных знаний об основных судебных органах (родовых судах и расправах, духовных судах – мехкеме)³. В их работе характеризуется не только состав, структура и подсудность этих учреждений, но и приводятся факты решения споров и конфликтов из повседневной практики. Некоторые аспекты судебных преобразований в Кабарде рассматриваются и в других работах Х.М. Думанова⁴.

---

¹ Маремкулов А.Н. Трансформация обычного права...

² Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов н/Д, 2005; Маремкулов А.Н. К вопросу создания и развития нормативно-юридической системы в ходе реализации судебной реформы на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение (к 150-летию окончания Кавказской войны): Материалы IV Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2015. С. 127-129.

³ Думанов Х.М., Кетов М.Ю. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX в. Нальчик, 2000. С. 41-50.

⁴ Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX века). Автореферат дис. докт. ист. н-к. М., 1991; Думанов Х.М., Смирнова Я.С. К уточнению понятия «обычное право» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2000. № 1. С. 77-82; Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX веке. Нальчик, 2000; Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х. Право и судебные органы адыгов // Исторический вестник. 2006. № 4. С. 111-142; Думанов Х.М., Першиц А.И. Полиюридизм у народов Северного Кавказа // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2006. № 6. С. 56-64; Прасолов Д.Н., Калмыков Ж.А., Думанов Х.М. Кабарда и Балкария в административной и судебной системе Нальчикского округа // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 214-219; Думанов Х.М. Взаимодействие адыгэ хабзэ, норм шариата и русского законодательства в Кабарде в XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник. 2008. № 7. С. 93-106; Думанов Х.М. Полиюридизм в судебной системе Кабарды второй половины XIX и в начале XX в. // Парламентаризм в КБР: становление, проблемы, перспективы: Материалы региональной научно-практической конференции (к 70-летию Высшего законодательного органа КБР и 15-летию Парламента КБР). Нальчик, 2008.

Далее ряд авторов уже традиционно опирался на сведения об этой группе учреждений локального судебно-административного контроля для изучения вопросов становления и развития системы российского управления регионом и интеграции проживавшего здесь населения в состав России. Так, проблемам становления и развития российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. посвящены диссертационная работа и монографическое исследование Г.Н. Малаховой¹. Кандидатская диссертация А.Н. Кубатко посвящена истории становления российской судебной системы в регионе в указанное время². Однако небольшой объем работы не позволил автору дать глубокий анализ этих процессов, к тому же ряд его обобщений не соответствует анализируемым материалам. Б.В. Виноградов рассматривал введение Пограничного суда и родовых судов и расправ в 1793 г. как один из этапов интегрирования представителей местного населения в российскую государственную систему в конце XVIII – начале XX в.³ Свое исследование по этой части он основывал на опубликованных источниках (АКАК) и результатах некоторых исследований (П.Г. Бутков, Н.Ф. Грабовский, Р.У. Туганов, Ж.А. Калмыков). Он полагал, что введение родовых судов и расправ не следует рассматривать как масштабное введение российских судебных порядков в Кабарде. Эту роль он в большей мере отводил Пограничному суду, который решал важные дела на основе российских законов. При этом он сделал некоторые предположения о формах влияния российской правовой культуры на кабардинскую, политической ориентации представителей местного населения и т.п. И говорил о том, что противодействие местных этнической и духовной элит свидетельствует об их устойчивом нежелании

С. 62-72; Думанов Х.М., Крымшожалова (Думанова) Ф.Х. Вхождение Кабарды в правовое пространство Российского государства в конце XVIII – первой четверти XIX веков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 25-29.

¹ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов н/Д, 2001.

² Кубатко А.Н. История становления российской судебной системы на Северном Кавказе: Конец XVIII – начало XX в. Дис. канд. ист. н-к. Пятигорск, 2002; Кубатко А.Н. История становления российской судебной системы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX в.). Пятигорск, 2003.

³ Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар, 2004; Виноградов Б.В. Из опыта интегрирования северокавказских горцев в российскую государственную систему в конце XVIII – начале XIX вв. // Научная мысль Кавказа. 2005. № 2. С. 56-60.

«любых проявлений интеграции Кабарды в российскую государственную систему»¹. Однако он не учитывал, что эти обобщения могут быть применимы лишь в отношении части этого народа.

Большой вклад в исследование истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. (в основном на материалах Осетии) внесла Е.И. Кобахидзе². Диапазон ее научных интересов в этой сфере варьировался от исследования традиционного судопроизводства и обычно-правовой основы социальной жизни у осетин до выявления особенностей судебных преобразований в Осетии в дореволюционный период. В части исследования истории судебных преобразований Е.И. Кобахидзе выстраивала свои выводы на анализе нормативно-правовых актов, регламентировавших административно-территориальные преобразования³. Вместе с тем Е.И. Кобахидзе полагала, что Пограничный суд продемонстрировал «принципиальную несовместимость российского судопроизводства с традиционной юридической практикой северокавказских народов, поскольку изъятие из подсудности посреднического суда дел «кровомщения» и причисление их к разряду уголовных, каковыми они представлялись в соответствии с российским законодательством, не только предусматривало иную систему наказаний, несвойственную обычно-правовым механизмам регулирования подобных конфликтов, но и отнимало у суда одну из важнейших

---

¹ Виноградов Б.В. Из опыта интегрирования северокавказских горцев... С. 59.

² Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской Империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003; Кобахидзе Е.И. К истории становления судебно-административной системы в дореформенной Осетии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 2. С. 54-59; Кобахидзе Е.И. Традиционная юридическая практика у осетин и ее трансформация в ходе российских судебно-административных преобразований конца XVIII – 50-х гг. XIX в. // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 215-243; Кобахидзе Е.И. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Дисс. д-ра ист. н-к. СПб., 2010; Кобахидзе Е.И. "Не единою силою оружия...": Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010; Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. "Будущие дети России...": проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ, 2011; Кобахидзе Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской Империи // Российская история. 2012. № 4. С. 3-15 и др.

³ Кобахидзе Е.И. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Автореф. дисс. д-ра ист. н-к. СПб., 2010.

его функций защитника гражданских прав общинников»¹. Некоторые другие примеры автора также подтверждают этот тезис.

Вместе с тем в это время З.М. Блиева продолжала рассматривать некоторые аспекты истории учреждений локального судебно-административного контроля при изучении особенностей становления и развития российского аппарата управления Центральным Кавказом. Часть ее докторской диссертации посвящена изучению административных и судебных реформ в Кабарде и управления в Осетии, Ингушетии и Чечне в последней трети XVIII – первой четверти XIX в.² Изучение новой судебной системы в Кабарде у З.М. Блиевой начинается с характеристики родовых судов и расправ³. При этом, по ее мнению, родовой принцип основы судостройства Кабарды являлся лишь дополнением к сословному⁴. Определенное внимание в ее работе уделено и Пограничному суду – обстоятельствам учреждения, компетенции, штатной структуры с указанием размеров вознаграждения по должностям⁵. При этом фактология и набор характеристик их деятельности во многом сопоставимы с теми сведениями, которые применялись в ее исследованиях начала 90-х гг. XX в.

Некоторые аспекты судебных преобразований Российской империи на Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. также затрагивались в работах А.Д. Дзидзоева⁶. Он рассматривал территориальную организацию родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде, определял Пограничный суд как апелляционную инстанцию по отношению к ним, описывал их компетенцию и штатный состав и т.п. А.Д. Дзидзоев отмечал, что введение Пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде привело к снижению влияния представителей кабардинской этноэлиты и духовенства, что спровоцировало массовые волнения населения и открытое недовольство проведенными нововведениями в сфере судостройства⁷. Он считал, что в результате этого имперские власти ликвидировали родовые расправы, оставив только родовые суды, которые продолжили функционировать в форме духовных судов

---

¹ Кобахидзе Е.И. К истории становления судебно-административной системы в дореформенной Осетии... С. 54.

² Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дисс. д-ра ист. н-к. Владикавказ, 2004. 476 с.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 250.

⁵ Там же. С. 117-119.

⁶ Дзидзоев А.Д. Судебная политика Российской империи на Кавказе в дореформенный период // Юридическая мысль. 2010. №. 5(61). С. 11-16.

⁷ Там же.

(«мехкеме») до 1822 г.¹ Свое исследование по этой части он выстраивал с опорой на разработки предшественников (В.Н. Кудашев, Т.Х. Кумыков, З.М. Блиева) и опубликованные источники (в основном, материалы АКАК).

Ш.А. Гапуров и С.Ш. Саралиева отмечали, что в глазах части кабардинского общества, родовые суды и расправы ассоциировались с общим наступлением царизма на Кабарду в последней трети XVIII в.: строительством военных укреплений и казачьих станиц на кабардинских землях, массовой конфискацией пастбищных и пахотных земель, полнейшим произволом со стороны царских властей на российско-кабардинской границе, карательными экспедициями², т.е. позиционировали их как один из этапов освоения Россией Центрального Кавказа и включения его регионов в свой состав.

В некоторых случаях исследователи рассматривали эти нововведения как форму апробации Россией разных моделей управления регионом. Так, характеризуя введение родовых судов и расправ и Пограничного суда в 1793 г., А.Т. Урушадзе назвал Кабарду своеобразным «испытательным полигоном», т.к. здесь эти преобразования проводились раньше, чем в других кавказских субрегионах³.

Кроме того, в 2010-х гг. стали появляться работы, в которых информация о событиях, связанных с судебными преобразованиями на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., применялась для характеристики различных этнокультурных процессов у народов региона под влиянием различных факторов. В частности, описывая преобразования 1793 г. в контексте усиления исламизации черкесов и чеченцев, В.Х. Кажаров характеризует его как «отрицательную реакцию на деятельность духовных судов со стороны российской администрации и показатель победы России над Кабардой в их военно-политическом и идеологическом противостоянии»⁴. Основным итогом судебных преобразований на Центральном Кавказе конца XVIII в. В.Х. Кажаров видит в том, что учреждение родовых судов и расправ «вышло за рамки судебных реформ и повлекло за собой значительные измене-

---

¹ Дзидзоев А.Д. Судебная политика... С. 11-16.

² Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Страницы политической истории Кабарды (рубеж XVIII-XIX вв.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2(15). С. 83.

³ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 33.

⁴ Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории... С. 678.

ния в различных сферах общественной и политической жизни кабардинцев»¹. В качестве аргумента приводит запрещение деятельности сословно-представительных собраний кабардинцев «хасэ», и в совокупности с другими мерами, называет эти преобразования «средством полной ликвидации последних остатков ее [Кабарды] политической самостоятельности»². В свою очередь, Д.Н. Прасолов называл принятие основного регламента духовных судов «мехкеме» интеграционным компромиссом между кавказскими властями Империи и кабардинской элитой³. При этом судебные реформы воспринимались как один из факторов последовавших за ними глубинных трансформаций в духовной сфере жизнедеятельности народа.

В 2013 г. В.Х. Кажаров, проводя историографический анализ политической истории кабардинцев в XVI – первой половине XIX в., в качестве одной из актуальных проблем адыговедения выделял исследование форм интеграции Кабарды в политическую и судебную систему российского государства в период Кавказской войны⁴. Выделяя труды Н.Ф. Грабовского, В.К. Гарданова, Т.Х. Кумыкова, С.Н. Бейтуганова, К.Ф. Дзамихова, Б.К. Мальбахова и некоторые свои работы, В.Х. Кажаров в числе наиболее разработанных вопросов выявлял причины, обстоятельства и смысл введения родовых судов и расправ, характер «антиколониального» движения, направленного на их отмену, историческое значение учреждения «духовных судов» (1807), что, по его мнению, привело к восстановлению политической самостоятельности Кабарды⁵. В целом же сведения В.Х. Кажарова о Пограничном суде, родовых судах и расправах и духовных судах в части их территориальной организации, штатной структуры, объема полномочий, соподчинённости в рамках иерархии учреждений локального судебно-администра-

---

¹ Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории... С. 682.

² Там же.

³ Прасолов Д.Н. вопросу о преемственности представительных институтов кабардинцев и балкарцев в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1(36). С. 55; Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 2019. С. 13.

⁴ Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории кабардинцев в XVI – первой половине XIX в.: историографический анализ // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 1 (51). С. 161-166.

⁵ Там же. С. 158.

тивного контроля вполне сопоставимы со сведениями работ других исследователей¹. Свои выводы в этом направлении В.Х. Кажаров выстраивал с опорой на результаты исследований предшественников и на доступную источниковую базу (в основном, АКАК, материалы П.Г. Буткова и некоторые другие источники). Новаторство его работ для своего времени заключается в характере интерпретации последствий судебных преобразований конца XVIII – первых десятилетий XIX в. и их влияния на разные сферы общественной жизни кабардинского населения региона (в том числе, трансформации их традиционных институтов общественной саморегуляции, вопросы политического развития и их влияния на этноконфессиональные процессы и т.д.).

В подготовленной к середине XX в. и ставшей доступной для массового российского читателя в 2013 г. работе Б.Э. Нольде по истории формирования Российской империи² некоторое внимание уделено судебным преобразованиям в Кабарде в первой половине 90-х гг. XVIII в. и их последствиям. Для этого он также опирается на известные в историографии высочайшие указы от 28 февраля 1792 г., 19 апреля 1793 г. и некоторые другие документы, подготовленные и опубликованные во второй половине XIX в. Кавказской археографической комиссией. Раздел монографии, посвященный родовым судам и расправам в Большой и Малой Кабарде, не содержит принципиально новых сведений, однако позволяет рассматривать их в едином и многоаспектном процессе российского революционного империостроительства на Центральном Кавказе.

Выявлению информативной отдачи труда первого тома лейпцигского издания подготовленной в 1799 г. работы П.С. Палласа «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794» («Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.») для изучения российских административно-судебных преобразований в регионе в конце XVIII в. (в том числе, и учреждения родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде, очевидцем которого стал автор) посвящена статья Е.Г. Муратовой и Ф.А. Эржибовой³. Они обращают внимание на то, что «будучи 14 сентября 1793 г. в Георгиевске Паллас

---

¹ Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014.

² Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 740.

³ Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А. История Кабарды и Балкарии в научном наследии Петра Симона Палласа // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 3. С. 12-28.

стал очевидцем учреждения родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде»¹. Также из описания П.С. Палласа следует, что он сопровождал оренбургского муфтия Мамеджан-Хусейна к месту проведения выборов на р. Баксан в родовые суды и расправы с 19 сентября 1793 г.² В своем описании П.С. Паллас охарактеризовал реакцию местного населения на эти преобразования, приводил сведения о территориальной организации родовых судов и расправ, описывал процедуру проведения выборов судей и расправных заседателей, приводил данные об их персональном составе, обращал внимание на финансирование их деятельности за счет средств российской казны. В целом, Е.Г. Муратова и Ф.А. Эржибова в этой части характеризуют труд П.С. Палласа как «важный источник по истории судебной реформы 1793 г., которая повлекла за собой ряд изменений в функционировании традиционной системы институтов общественной саморегуляции у кабардинцев»³. Вместе с тем введение в научный оборот этого источника в определенной мере расширяет представления о судебных преобразованиях 1793 г., подкрепляя сведения из нормативных актов и делопроизводственных источников материалами личного происхождения.

В современной историографии деятельность учреждений локального судебно-административного контроля в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. также связывается с необходимостью сбора представителями военной администрации в регионе сведений о культуре и быте местного населения. Так, А.Х. Боров и соавторы полагают, что «с учреждением в 1793 г. Верхнего пограничного суда в Моздоке, в качестве апелляционной инстанции по отношению к родовым судам и расправам в Кабарде, необходимость его обеспечения записями обычного права стала неотложной»⁴.

К настоящему времени стала усиливаться тенденция к теоретическому осмыслению информативной отдачи первоисточников и документальному измерению деятельности органов имперской власти на Центральном Кавказе в дореволюционное время. Так, например, А.А. Журтова рассмотрела теоретико-методологические основы изучения делопроизводственной документации на примере анализа источников по

---

¹ Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А. История Кабарды и Балкарии... С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 20.

⁴ Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М. Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 109.

дореволюционной истории Центрального Кавказа, осуществила историографический обзор основных исследований, посвященных разработке теоретической базы для изучения данного вида источников, проанализировала накопленный в кавказоведении опыт исследования делопроизводственных материалов российского управления на Центральном Кавказе, в том числе и некоторые наши исследования о Пограничном суде¹.

В 2024 г. некоторые сведения о судебных преобразованиях в Кабарде в конце XVIII в. затрагивались в монографии И.К. Шаова в контексте исследования правовых аспектов инкорпорации Северо-Западного и Центрального Кавказа в Российскую империю в XVIII-XIX вв.² Он рассматривал учреждение Пограничного суда и родовых судов и расправ как первую судебно-административную реформу, нацеленную на «включение кабардинской территории в правовое поле Российской империи»³. Также он рассматривал эти преобразования как «отправную точку длительного конфликта между кабардинской знатью и российским правительством»⁴, рецепцию исламского права в систему «российского местного права»⁵, начало формирования «полиюридического поля», объединявшего «адатные, шариатские и российские судебные институты и практики»⁶. Для этого он охарактеризовал территориальную организацию деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ, их иерархические связи, состав и подсудность, реакцию местного населения на нововведения в формате «категорического нежелания кабардинцев отказываться от утвердившейся у них мусульманской правовой системы»⁷ и трансформации некоторых сторон их общественно-политической жизни (ограничении возможностей проводить общественные собрания и принимать самостоятельные решения; установлении контроля за перемещением путем введения «билетной системы» и т.п.). Для характеристики этих преобразований И.К. Шаов опирался на материалы, опубликованные Кавказской археографической комиссией, а также труды Н.Ф. Грабовского, В.Х. Кажарова,

---

¹ Журтова А.А. Теоретико-методологические основы исследования делопроизводственных материалов по проблемам кавказоведения // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 4. С. 237-260.

² Шаов И.К. Правовые аспекты инкорпорации Северо-Западного и Центрального Кавказа в Российскую империю. XVIII-XIX вв. М., 2024.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Там же. С. 209.

⁷ Там же. С. 66.

А.Б. Мамхегова, С.Н. Бейтуганова, З.Х. Мисрокова, обобщающие труды по истории региона и некоторые наши разработки, посвященные административно-судебным преобразованиям в 1793 г. и их последствиям.

Помимо прочего некоторые исследователи позиционировали Пограничный суд как первый официальный государственный орган, в котором «апробировались законы Российской империи применительно к населению преимущественно предгорных территорий Северного Кавказа»¹; первое мероприятие российской власти в регионе по становлению судебной власти²; первый опыт привлечения коренного населения к управлению через участие в выборе судей³; первый специальный судебно-административный орган для горцев Центрального Кавказа⁴; важная веха в становлении российской политики на Кавказе⁵; один из этапов становления российской административной системы⁶; опыт становления здесь института государственной службы⁷; применение меха-

---

¹ Кобахидзе Е.И. К истории становления судебно-административной системы в дореформенной Осетии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2009. № 2. С. 54-59; Кобахидзе Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. № 4. С. 7.

² Айдарова Н.Г. Эволюция судебной системы в Осетии в конце XVIII-XIX вв. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6 (54). С. 105-108; Айдарова Н.Г. Административные и судебные реформы в Осетии (конец XVIII – начало XX в.). Дисс. канд. юрид. н-к. Ставрополь, 2009; Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Страницы политической истории Кабарды (рубеж XVIII-XIX вв.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). С. 81-90.

³ Айдарова Н.Г. Государственно-административная политика Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12 (60). С. 132-134.

⁴ Дзотцоева А.А. Первые специальные судебно-административные учреждения для горцев Центрального Кавказа // Новая наука: От идеи к результату. 2015. № 6-1. С. 178-181; Глашева З.Ж. Введение // Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. Том II. Нальчик, 2020. С. 5-68.

⁵ Кидирниязов Д.С. Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е гг. XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2(38). С. 18-32.

⁶ Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Автореф. дисс. канд. юрид. н-к. Краснодар, 2007.

⁷ Чегарнова В.Н. Становление института государственной службы на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Дисс. канд. ист. н-к. М., 2015.

низмов «мягкой силы» по отношению к представителям местного населения¹. А также исследователи позиционировали Кабарду как своеобразную экспериментальную площадку по распространению новых судебных институтов и выявляли тенденции универсализации судебно-административной практики Российской империи на Центральном Кавказе²; применяли знания о них для характеристики вклада в государственно-политическое развитие региона военных и политических деятелей³; называли Моздок «символом российского присутствия в регионе, вынесенным уже за пределы традиционного пространства жизнедеятельности кабардинцев»⁴; характеризовали возможность местных жителей решать споры и конфликты в том числе и на основе норм их обычного права как механизм мирного освоения региона⁵ и т.п.

Также исследователи затрагивали тему учреждения Пограничного суда и родовых судов и расправ для характеристики судебной политики России в Дагестане в конце XVIII – начале XIX в.⁶ в некоторых других регионах Кавказа.

При этом основная часть исследователей считает, что образование Пограничного суда в 1793 г. было началом становления судебной системы по российскому образцу преимущественно в отношении кабардинского населения Центрального Кавказа, а для представителей других народов называют другие даты (например, 1828 г. для жителей современной Северной Осетии⁷). Практически не затрагивались вопросы инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи, помимо кабардинцев, тех народов, представительство которых в Пограничном суде было квотировано (ногайцев, кочевавших в районе

---

¹ Малахова Г.Н., Чегарнова В.Н. Исторические аналогии политики soft power на Северном Кавказе (конец XVIII-XIX вв.) // Дискурс-Пи. 2014. № 4 (17). С. 86-92.

² Дзарасов А.О. Универсалистские тенденции в судебно-административной практике Российской империи на Северо-Восточном и Центральном Кавказе в первой трети XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2016. № 1. С. 23-28.

³ Урушадзе А.Т. Кабарда в политике А.П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 12-16.

⁴ Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 54.

⁵ Фарои Т.В. Проблемы эффективности правовой политики России на Северном Кавказе в XIX в. – начале XX в. // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 19. Краснодар, 2016. С. 71-75.

⁶ Сулейманов Б.Б., Магомедов Б.М. О судебной политике царской России в Дагестане в конце XVIII – первой половине XIX в. // Российское правосудие. 2011. № 8 (64). С. 101-106.

⁷ Айдарова Н.Г. Эволюция судебной системы в Осетии... С. 105-106.

Пятигорья, грузин и армян, проживавших в окрестностях Моздока). Хотя некоторые исследователи полагали, что «первоначально под российской юрисдикцией находились только моздокские осетины»¹. Вместе с тем в некоторых случаях обращалось внимание на то, что в Пограничном суде разбирались дела с участием тех групп населения, представители которого не избирались в судьи. Однако эти сведения представляют определенный интерес для понимания того, что Моздокский верхний пограничный суд разбирал дела с участием представителей большего числа народов, нежели получивших квоты в его составе. Эти сведения подтверждаются нами в ходе исследования с опорой на делопроизводственную документацию Пограничного суда.

Оценивая вклад исследователей в разработку вопросов истории деятельности учреждений локального судебно-административного контроля, отметим, что некоторые историографические факты по этой проблематике вполне применимы для изучения истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. в рамках исторического институционализма. Так, современные исследователи связывают преобразования 1793 г. с началом «реального установления российской власти», которое, по их мнению, завершилось к 1822 г.² Также некоторые авторы затрагивали эту тематику в контексте укрепления «колониального режима» в Кабарде и нарушения традиционного общественного порядка кабардинского общества³; выявления истоков формирования нормативно-правовой базы по управлению «инородцами» региона⁴; одним из факторов миграции населения⁵; установления форм первичного контроля за внешними миграциями⁶ («билетная система»); изучения языка судопроизводства по

---

¹ Дзарасов А.О. Универсалистские тенденции в судебно-административной практике... С. 24.

² Гапуров Ш.А., Магамадов С.С. Из истории российско-горских отношений в дореволюционный период: попытки нового прочтения // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: Сборник научных статей. Краснодар, 28 февраля – 02 марта 2014 года. Краснодар, 2015. С. 63.

³ Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. С. 50.

⁴ Охонько Я.Н. Управление инородцами Северного Кавказа по Учреждению для управления Кавказской области 1827 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 3. С. 118-123.

⁵ Алов Т.Х. "Беглые" кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799-1829 гг. Дисс. канд. ист. н-к. Нальчик, 2006; Бзасежева Р.К. Исторические предпосылки и этапы этнической миграции кабардинцев в Закубанье в первой четверти XIX века // Успехи современного естествознания. 2006. № 11. С. 74-75; URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12164> (дата обращения: 10.11.2024).

⁶ Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории... С. 452.

тяжебным делам с участием коренного населения Центрального Кавказа¹; трансформации его обычного права²; проведения историко-правового анализа статуса российских судебных органов на Центральном Кавказе³; выделения в качестве условия формирования полиюридического пространства, в рамках которого при решении споров и конфликтов в качестве источников права применялись российское право, обычай и традиции коренного населения и шариат⁴; характеристики конфессиональной политики России и социально-правового взаимодействия с мусульманским населением Центрального Кавказа⁵; а также в контексте подчинения кабардинцев власти военной администрации на Кавказе, разрушения их традиционного жизненного уклада и начала кризиса их самобытных общественных институтов (в том числе, сословно-представительских собраний, кровной мести, наездничества, гостеприимства, куначества, покровительства, аталычества и т.д.)⁶; стремлении российских властей упрочить свои позиции в наиболее

---

¹ Арсанукаева М.С., Халифаева А.К., Джалилов Ш.Н. Язык судопроизводства по делам с участием горцев Северного Кавказа (XIX – начало XX века) // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 4-7.

² Маремкулов А.Н. Трансформация обычного права в процессе реализации политики...; Альханов Н.М., Хажиханова Х.Л., Дахаева З.И. Становление и развитие правовых институтов на северном Кавказе // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 15-21.

³ Волгина А.П. Историко-правовой анализ статуса российских судебных учреждений на Северном Кавказе в XIX в. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 104-110.

⁴ Шаов И.К., Дзыбова С.Г., Хлебникова А.А. Некоторые аспекты инкорпорации Кавказа в Российскую Империю // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9-1. С. 67-75.

⁵ Хатуев Р.Т. Российское имперское право и шариатский суд на Центральном Кавказе: начальный опыт сосуществования (конец XVIII в. – первая треть XIX в.) // История государства и права. 2010. № 22. С. 27-31; Шаов И.К. Рецепция исламского права в систему российского местного права (Центральный Кавказ 1793-1822 гг.) // Право и практика. 2019. № 4. С. 36-41; Блейх Н.О. Конфессиональная стратегия Российской державы в социально-правовом взаимодействии с мусульманами Северного Кавказа (конец XVIII – начало XIX вв.) // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 2. С. 23-29.

⁶ Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов... С. 124; Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46; Хачеглова С.М. Институт кровной мести у адыгов в XVIII-XIX вв.: проблема трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1(56). С. 200-203; Мирзоев А.С. Трансформация института кровной мести у народов Центрального Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: факторы, механизмы, казусы // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 79-110.

стратегически важных районах Кавказа¹; реализации политических и административно-судебных преобразований в Кабарде после российско-турецкой войны 1787-1791 гг.² и т.п.

Круг работ, в которых вопросы учреждения и функционирования Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ затрагивались отчасти, гораздо шире проанализированных в настоящем историографическом очерке. В современной исследовательской практике сведения о них так или иначе упоминались в трудах В.Х. Кажарова³, П.А. Кузьмина⁴, Б.К. Мальбахова⁵, А.Х. Карова⁶, З.Х. Мисрокова⁷,

---

¹ Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Россия и Северный Кавказ в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (некоторые аспекты политических взаимоотношений) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 2(17). С. 150-162.

² Нагоев И.Б. Обострение политических противоречий Российской империи и Кабарды в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2015. № 1(24). С. 27-36.

³ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994; Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999; Кажаров В.Х. Кабарда в период "духовного правления" (1807-1822 гг.) // Исторический вестник. 2006. № 4. С. 255-271; Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения "духовных судов" в Кабарде // Исторический вестник. 2006. № 3. С. 398-425; Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60-90-е гг. XVIII в. // Исторический вестник. 2006. № 4. С. 206-254; Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX-начале XXI в. Нальчик, 2012; Кажаров В.Х. Историческое кабардиноведение и историческое сознание кабардинцев в 60-80-е гг. XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4 (42). С. 16-22; Кажаров В.Х. Политическая история Кабарды в XVI-XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 21-28; Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории кабардинцев в XVI – первой половине XIX в.: историографический анализ // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 1 (51). С. 161-166.

⁴ Кузьминов П.А. Становление российской административно-судебной системы в Центральном Предкавказье в конце XVIII – начале XIX в. // Труды современного гуманитарного университета (СГУ). Проблемы гуманитарных наук. М., 2000. Вып. 18; Кузьминов П.А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4. С. 64-83.

⁵ Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998.

⁶ Каров А.Х. Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX в. Дис. канд. ист. н-к. Нальчик, 2000.

⁷ Мисроков З.Х. Проблема официального и неформального полиюридизма на Северном Кавказе: истоки и природа // История государства и права. 2002. № 4. С. 15-18.

Ш.А. Гапурова¹, З.Б. Думанова², М.И. Афауновой³, З.Б. Кипкеевой⁴, Р.Т. Хатуева⁵, Д.С. Кидирниязова⁶, А.Т. Урушадзе⁷, М.В. Абазовой⁸,

---

¹ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004; Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дисс. д-ра ист. н-к. М., 2004; Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Страницы политической истории Кабарды (рубеж XVIII-XIX вв.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2 (15). С. 81-90; Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Кабарда в кавказской политике России (конец XVIII – первая четверть XIX века). Грозный, 2012; Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.). Монография. Грозный, 2016;

² Думанов З.Б. Из истории Реформы системы судопроизводства в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История науки и техники. 2007. № 9. С. 17-23; Думанов З.Б. Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX века). Дисс. канд. ист. н-к. Майкоп, 2010.

³ Афаунова М.И. Попытки установления родовых судов и расправ в Кабарде (1793-1807) // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 37-54.

⁴ Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.

⁵ Хатуев Р.Т. Российское имперское право и шариатский суд на Центральном Кавказе: начальный опыт сосуществования (конец XVIII в. – первая треть XIX в.) // История государства и права. 2010. № 22. С. 27-31.

⁶ Кидирниязов Д.С. Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е гг. XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 18-32; Кидирниязов Д.С. Административная программа Российского государства на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Кавказ: история и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2014. С. 104-116; Кидирниязов Д.С. Административная политика российского правительства на Северном Кавказе (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Научные известия. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2020. Т. 16. № 1. С. 35-41.

⁷ Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – начало XIX в.). Ростов н/Д, 2016.

⁸ Абазова М.В., Бечелов З.Ш. Из истории становления судебной системы в Кабарде // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2016. № 1 (11). С. 128-131.

А.Б. Мамхегова¹, З.Ж. Глашевой², Х.С. Вартамян³, З.М. Блиевой⁴, П.В. Манакова⁵, Н.В. Белогуб⁶, А.Х. Борова, Е.Г. Муратовой, Ю.М. Азиковой⁷, З.А. Кожева⁸, Л.В. Бурькиной и Л.Д. Федосеевой⁹, И.Р. Нахушевой (Марзей)¹⁰, Е.А. Ташевой¹¹ и др. Также общие сведения о Пограничном суде, родовых судах и расправах приводились в обобщающих трудах по истории и этнографии народов Кавказа¹².

---

¹ Мамхегов А.Б. Состав Верхнего пограничного суда и родовой расправы 1793 года в Моздоке // Заметки. Вып. III: Публикации в газете «Газета Юга» (2001-2006 гг.). Нальчик, 2017. С. 91.

² Глашева З.Ж. Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 5 (79). С. 78-88.

³ Вартамян Х.С. Проблемы интегрирования горцев Центрального и Северо-Восточного Кавказа в государственно-правовое поле Российской империи в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (86). С. 54-56.

⁴ Блиева З.М. Российские судебные учреждения в Осетии: опыт, особенности организации (конец XVIII – 50-е годы XIX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2018. № 3. С. 31-35.

⁵ Манаков П.В. Динамика деятельности генерала П.Д. Цицианова в Кабарде в контексте тенденций и противоречий в российско-кабардинских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (90). С. 45-48.

⁶ Белогуб Н.В. Судостроительство и судопроизводство в центральной части Северного Кавказа в конце XVIII – середине XIX вв. // Экономика, политика, право: актуальные вопросы, тенденции и перспективы развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 июня 2019 года. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 257-259.

⁷ Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М. Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор // Электронный журнал "Кавказология". 2020. № 1. С. 79-119.

⁸ Кожев З.А. Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI-XVIII вв.) // Электронный журнал "Кавказология". 2020. № 4. С. 12-26.

⁹ Бурькина Л.В., Федосеева Л.Д. К вопросу об административно-судебной реформе на Северном Кавказе в XIX в.: историографический аспект // Кубанские исторические чтения: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30 июня 2020 года. Краснодар, 2020. С. 243-251.

¹⁰ Нахушева И.Р. Приставское управление Кабарды в 1807-1822 гг.: особенности деятельности и динамика кадрового состава // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 4 (96). С. 104-110; Нахушева И.Р. Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 60-78; Нахушева И.Р. Деятельность генерал-майора И.П. Дельпоццо в должности пристава кабардинцев в 1805-1810 гг. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 3(46). С. 48-53; Марзей И.Р. Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769-1864 гг. Дисс. канд. ист. н-к. Нальчик, 2021.

Некоторые аспекты судебных преобразований на Центральном Кавказе затрагиваются в ряде наших работ. Мы рассматривали эту группу локального судебно-административного контроля в контексте исследования преобразований 1793 г. и их последствий (2010); различных аспектов деятельности родовых судов и расправ (2010; 2019); применения норм мусульманского права в судопроизводстве (2010); формирования многоуровневой судебной системы (2011); интеграции в их деятельность моздокской группы кабардинского населения региона (2013); интеграции народов Центрального Кавказа в судебную систему Российской империи (2011; 2014; 2016); исследования информативной отдачи делопроизводственных источников по истории судебных преобразований (2017; 2022); выявление каналов социальной мобильности на примере внешней кадровой ротации Пограничного суда (2018; 2019); характеристики основных направлений его деятельности на разных этапах (2018; 2019) и коммуникации российской власти с северокавказскими этническими элитами (2019); изучения особенностей функционирования приставских управлений в регионе (2020); характеристики институционального аспекта инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство России (2021); изучения гендерного и социального состава участников процесса (2021); определения его места в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля (2022); изучения объектов нематериального наследия народов региона в его документах (2022); нормативно-правового обеспечения деятельности учреждений локального судебно-административного контроля (2023); финансового обеспечения деятельности Пограничного суда (2024). А также общая характеристика деятельности учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. давалась нами в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора исторических наук (2017), в монографических исследованиях, посвященных изучению истории народов Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. (2016) и определению места Пограничного суда в поли-

---

¹¹ Ташева Е.А. Внедрение российских институтов управления в Малой Кабарде // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2023. № 33. С. 17-26.

¹² История Востока. Т. 4, кн. 1: Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 149; Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). Нальчик, 2017; История Северного Кавказа: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2017.

тике Российской империи в регионе в 1793-1822 гг., а также на страницах коллективных монографий о народах Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (Века совместной истории, 2017), социокультурной дистанции и движению к государственно-политическому единству (Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века, 2018) и историко-этнографическом обобщении об адыгском народе в серии «Народы и Культуры» (2022). Эти исследования представляли собой в основном обобщение накопленных в исследовательской практике знаний, а новые задачи ставились и решались в основном за счет анализа широкой документальной базы, в том числе и из специального фонда Пограничного суда из ЦГА РСО – Алания.

Таким образом, знания о Моздокском верхнем пограничном суде и родовых судах и расправах накапливались в исследовательской практике с начала XIX в. и до настоящих дней. Заложенная П.Г. Бутковым историографическая традиция определила основной вектор изучения этой проблематики вплоть до настоящего времени. Основу источниковой базы положили акты, опубликованные Кавказской археографической комиссией. В дореволюционный период сложился основной набор характеристик суда, в составе которых выделялось изучение территориальной организации их деятельности, кадрового состава, объема полномочий, реакции местного населения (в основном, кабардинского). При этом с течением времени информационный фон вокруг судебных преобразований конца XVIII в. постоянно расширялся. С начала 60-х гг. XX в. эта информация стала осмысливаться как самостоятельный предмет исследования и появились соответствовавшие духу времени авторские характеристики (в основном, с позиции противостояния антагонистических социальных групп). В современной исследовательской практике интерес к истории Пограничного суда и родовых судов и расправ значительно увеличился. При относительно устоявшемся перечне характеристик деятельности этой группы локального судебно-административного контроля существенно расширился диапазон явлений и процессов, для описания которых применялись эти сведения: от становления и развития основ российской государственности в регионе до глубинных социальных трансформаций у коренных жителей региона. Прирост научных знаний осуществлялся низкими темпами в основном за счет введения в оборот новых документов и единичных источников личного происхождения. При этом расширение источниковой базы и введение в оборот новых документов дает возможность ставить новые задачи и рассматривать события, связанные с судебными преобразова-

ниями конца XVIII – первых десятилетий XIX в., в рамках исторического институционализма. К настоящему времени сложились предпосылки комплексного исследования по определению роли и места Пограничного суда в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг.

1.2 Документальное измерение деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ

С конца XVIII в. интеграция народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи и расширение ее аппарата государства протекали в нескольких направлениях: от образования временных переходных управленческих структур с большим объемом полномочий до нивелирования сложностей межъязыковой коммуникации представителей власти и жителей приграничных территорий. Основные направления работы Пограничного суда и родовых судов и расправ, а также органов и учреждений, с которыми они взаимодействовали, тщательно документировались. Поэтому научное осмысление на основе современных теоретико-методологических подходов и оценка информативной отдачи источников по истории инкорпорации народов Центрального Кавказа в состав России, в том числе и по деятельности изучаемой группы локального судебно-административного контроля, является актуальной задачей современного гуманитарного знания. Мы уже отмечали, что за последнее время в историческом кавказоведении накоплен определенный массив научной информации о событиях и процессах, происходивших здесь в период судебных преобразований конца XVIII – первых десятилетий XIX в. Однако ряд ключевых проблем, связанных с комплексным изучением массива исторических документов о деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ, и оценкой его эвристического потенциала, так и не получил концептуально нового решения. Между тем, корпус исторических источников по истории их деятельности обширен и многообразен. Документальный массив (как опубликованные, так и неопубликованные материалы) можно условно дифференцировать на несколько групп: документы нормального и законодательного характера, делопроизводственная документация, документы с элементами статистического обобщения, источники личного происхождения, картографический материал и т.п. Так, деятельность учреждений локального судебно-административного контроля, помимо кадрового, финансового и т.п. обеспечения,

должна была выстраиваться и с опорой на нормативно-правовые и документальные акты. Император, высшие и центральные органы российского самодержавия издавали акты нормативного характера, определявшие объем полномочий и подведомственность учреждений локального судебно-административного контроля, их место в административной иерархии, иногда содержавшие сведения о персоналиях и т.п. Кроме того, их деятельность выстраивалась с учетом достижений российской делопроизводственной культуры того времени, в определенной мере приспособленной к локальным особенностям коммуникации между российской властью и представителями региональных этноэлит. Все это дает возможность комплексно исследовать особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности учреждений локального судебно-административного контроля, рассматривая нормативные акты императора и органов высшей и центральной власти с элементами учредительных документов, а также документы по обеспечению коммуникации между ними и управлению ими собственной деятельностью.

Исследование особенностей нормативно-правового и документального обеспечения деятельности российских органов власти на Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. имеет важное значение для более глубокого осмысления инкорпорации проживавших здесь народов в политико-правовое пространство империи. Представители российской власти постоянно предпринимали попытки регламентировать, упорядочить и оптимизировать модели их взаимодействия с региональными этноэлитами, определить объем полномочий должностных лиц и учреждений – основных исполнителей их решений на местах. Это способствовало появлению большого массива различных по видовой принадлежности нормативных актов и делопроизводственных документов. Документированию подлежали сведения практически обо всех сферах жизнедеятельности местного населения. Поэтому их научное осмысление имеет важное значение, т.к. открывает дополнительные возможности для исследования соционормативной культуры народов региона до начала российского влияния, особенностей ее трансформации в рамках российского политико-правового и социально-экономического поля, определения особенностей развития механизма российского государства на его южной окраине, выявления и характеристики истоков российского самосознания у народов региона и т.п.

Накопление массива нормативно-правовых актов и распространение российской делопроизводственной культуры в разных субрегионах Кавказа в разное время имело свои особенности. В последней трети

XVIII – начале XIX в. на Центральном Кавказе оно проходило на общегосударственном, региональном и локальном уровнях, в том числе и по итогам деятельности вновь создаваемых учреждений локального судебно-административного контроля (приставские управления, пограничные и родовые суды, родовые расправы). Причем в это время их взаимодействие с представителями местных этноэлит осложнялось обменом документами на разных языках, издержками их перевода с языка местных жителей на русский и обратно, приспособлении переводов документов к российской политико-правовой риторике того времени и т.п.

Изучение особенностей нормативно-правового и документального обеспечения деятельности учреждений локального судебно-административного контроля в регионе в указанный период до сих пор не становилось предметом специального научного исследования. Вместе с тем некоторые аспекты применения юридических форм политики России в регионе (акты императоров, высших и центральных органов самодержавия и его представителей на местах) затрагивались в работе А.Н. Маремкулова¹. При этом на основе анализа доступной источниковой базы с опорой на методы исторического исследования и достижения кавказоведов можно ставить и решать такие научные проблемы, как: выявление обстоятельств и условия складывания и расширения нормативно-правовой базы учреждений локального судебно-административного контроля, изучение особенностей развития российской делопроизводственной культуры на местах и коммуникации представителей российской власти и региональных этноэлит, исследование специфики фиксации информации о различных сторонах их жизнедеятельности и т.п.

Нормативно-правовые акты, регламентировавшие деятельность Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ. Деятельность учреждаемых на базе линейных военизированных структур и реорганизуемых в последней трети XVIII – начале XIX в. учреждений локального судебно-административного контроля (как временных промежуточных/посреднических учреждений власти на южной окраине Российской империи) основывалась на различных нормативно-правовых актах императора, высших коллегиальных органов власти и должностных лиц, в которых определялись их объем полномочий и территориальная подведомственность, приводились сведения

---

¹ Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Центральном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов н/Д, 2005.

о кадровом составе и порядке и источниках финансирования (указы, рескрипты, высочайшие повеления, наставления и инструкции Коллегии иностранных дел) и т.п. Они содержали обязательные для исполнения «нормы» и сведения о назначении на должности приставов (руководителей приставских управлений), председателей Пограничного суда, закрепляли результаты народных голосований по выборам судей от представителей местного населения, определяли подведомственность и объем полномочий и т.п. Нормативные акты в определенной мере выполняли функции учредительных документов в отношении приставских управлений, пограничного и родовых судов и расправ и принимались при образовании новых учреждений локального судебно-административного контроля, их реорганизации или смене надведомственной инстанции, изменении их структуры или территориальной подведомственности, назначении нового руководителя и т.п.

Нормативные источники по истории Моздокского верхнего пограничного суда – документы, содержавшие обязательные для исполнения соответствующими органами власти «нормы» (правила поведения) по различным вопросам их деятельности (характеристика составов и структуры, объема полномочий, финансирования и т.п.). К числу нормативных источников относятся указы императоров и высших коллегияльных органов власти, учреждения, иные нормативные акты регламентирующего и разъяснительного плана.

Указы императора. Наиболее информативными для исследования истории Моздокского верхнего пограничного суда являются указы императора по организации системы судебных учреждений на Центральном Кавказе¹. Документы этой подгруппы можно условно разделить на указы «общего» и «локального» действия. Общие указы регламентировали порядок функционирования различных административно-территориальных единиц. В них содержались сведения и о правилах организации деятельности судебных органов (Кавказского наместничества, губерний и т.п.). Указы локального действия регламентировали порядок деятельности конкретных органов и учреждений (в частности, Пограничного суда).

Указы общего действия. В этом ряду необходимо выделить следующие документы: Именной указ «Об устройстве городов и присутственных мест в Астраханской и Кавказской губерниях»², данный Сенату 15 ноября 1802 г. (регламентировал выделение Кавказской губер-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

² Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): Сборник документов. Владикавказ, 2012. С. 106-109.

нии из Астраханской, определялись новые составы губерний, устанавливал принципы функционирования Гражданской и Уголовной палат, азиатского, словесного в Астраханской губернии и уездных судов, устанавливались принципы организации гражданского управления в Кавказской губернии и статус Верхнего Моздокского пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде); указ Правительствующего Сената «О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополя Областным городом» от 24 июля 1822 г.¹ (регламентировал ликвидацию Пограничного суда и передачу всех его дел в уездные суды, определял в качестве основы для решения споров и конфликтов между представителями «залинейных» народов их обычаи и традиции).

Некоторые указы напрямую не затрагивали деятельность судебных органов. Но их анализ для исследования поставленной проблемы дает возможность сформировать представление об административно-политической структуре, в рамках которой функционировали Моздокский верхний пограничный суд и родовые суды и расправы. Так, к этой группе можно условно отнести Именной указ Екатерины II, данный правительствующему Сенату 5 мая 1785 г. «О составлении Кавказского наместничества из двух областей: Кавказской и Астраханской»²; указ от 9 мая 1785 г. «Об устройстве Кавказской губернии и области Астраханской»; указ об упразднении Кавказской губернии и наместничества от 31 декабря 1796 г.; указ Правительствующего Сената от 1 ноября 1802 года «О разделении Астраханской губернии на Астраханскую и Кавказскую» и т.д. Кроме того, некоторые утвержденные на высшем уровне нормативно-правовые акты регламентировали вопросы функционирования системы государственного управления на местах. Так, структура, управление и деятельность органов государственной власти в Кавказской губернии в конце XVIII в. регулировались Учреждением «для управления губерний» (1775), в котором были сформулированы основные принципы организации судебной системы, сформированной в Моздокском уезде Кавказской губернии после 1785 г.

Указы локального действия. В этом ряду следует особо отметить указ императрицы Екатерины II «О родовых судах и расправах в Большой и Малой Кабарде». Он является основным нормативным докумен-

---

¹ Административная практика Российской империи... С. 118.

² Там же. С. 75.

том, регламентировавшим деятельность этих судебных органов и Пограничного суда¹. В документе определялась структура суда с указанием размеров вознаграждений всех служащих за работу, приводилось Наставление для надзора за его деятельностью и первые поименные составы родовых судов и расправ.

К иным нормативным актам разъяснительного и регламентирующего характера относятся повеления и наставления и т.п. *Повеления* императора были обращены в адрес конкретного органа власти или должностного лица и содержали обязательные для исполнения предписания к конкретным действиям. А.Н. Маремкулов считает, что высочайшие повеления Е.И.В. носили «как нормативный, так и ненормативный характер»², имели четкую структуру: «преамбула – основная часть – механизм контроля»³ и были адресованы представителям самодержавия на местах. Так, например, высочайшее повеление И.В. Гудовичу (1792) содержало предписание о необходимости введения родовых судов и расправ в Кабарде и образовании Пограничного суда с описанием их структуры, предметов ведения, формы контроля за реализацией предписаний начальства⁴ и т.п.; высочайшее повеление И.В. Гудовичу (1792) о методах создания родовых судов в регионе⁵. Как видим, такая форма взаимодействия с представителями местного населения практиковалась в регионе либо для создания новых учреждений локального судебно-административного контроля, либо для их реорганизации.

Наставления. К числу нормативных документов этой подгруппы можно отнести и «Наставления» конкретным судам. Они содержали сведения об их компетенции и объеме полномочий, иногда – данные о персональных составах, объеме финансирования, размерах вознаграждений судей и других должностных лиц. Наставления судам, как правило, встречались в качестве приложений к другим нормативным документам. Например, «Наставление для наблюдения и исполнения Верх-

---

¹ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 17. Д. 12; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12-23 об. Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 2. Памятники права черкесов (адыгов). Ростов-н/Д, 2010. С. 172-181.

² Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX в.: историко-правовой аспект. Ростов-н/Д, 2005. С. 113.

³ Там же.

⁴ Из документальной истории... С. 51

⁵ Маремкулов А.Н. Юридические формы политики... С. 105

нему пограничному суду по Высочайшему Ея Императорскому Величеству учрежденному» входило в состав указа Екатерины II «о родовых судах и расправах в Большой и Малой Кабарде» от 1794 г.¹

В целом, акты императора (указы, повеления, наставления) представляли собой нормативные акты с элементами учредительных документов по отношению к учреждениям локального судебно-административного контроля или содержали перечень обязанностей для других органов власти. Причем наставления издавались, как правило, при учреждении, а акты высших и центральных органов власти, как правило, при их реорганизации или смене подведомственности.

Кроме того, в материалах Моздокского верхнего пограничного суда часто упоминаются экстракты, поступавшие из различных ведомств. *Экстракты* – это официальные документы органов власти, представлявшее собой тематические выписки и извлечения из нормативных актов. Направляемые в пограничный суд экстракты были обязательными для исполнения. Это с определенной долей условности позволяет рассмотреть их в числе нормативных документов, регламентировавших деятельность суда.

Таким образом, нормативные источники по истории Пограничного суда характеризуют позицию властей по организации контроля за жизнью народов порубежных с Россией территорий, определяют его место в системе органов власти, устанавливают порядок его деятельности и объем полномочий.

Делопроизводственная документация. Взаимодействие органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. и их отношения с представителями региональных этноэлит исторически выстраивались с опорой на широкий оборот разных по видовой принадлежности документов. Документированию подлежал большой массив разноплановой информации, отражавшей различные аспекты инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство империи. Поэтому источниковедческий анализ этих документов представляет собой важную исследовательскую задачу современных исторического документоведения и социально-политической истории о народах кавказского региона. В теоретическом плане исследование поставленной проблемы позволяет глубже изучить особенности истории

---

¹ Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI в.). Нальчик, 2015. С. 7-14.

административного процесса России на Кавказе в этот период и укрепления здесь основ ее государственности. В прикладном – определить особенности коммуникации органов власти в регионе в меняющейся социально-политической ситуации и охарактеризовать механизмы инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство крупного государства под влиянием военно-политических факторов.

Значительной информативной отдачей обладает делопроизводственная документация различных ведомств, которая применялась ими для управления собственной деятельностью и для коммуникации с подведомственными и надведомственными структурами. Деятельность Пограничного суда и родовых судов и расправ обеспечилась с помощью различных по видовой принадлежности делопроизводственных документов, которые сопровождали их коммуникацию с другими органами власти и сопровождали их собственную деятельность. С их помощью выстраивалась коммуникация с органами власти и представителями региональных этноэлит с опорой на сложившиеся к тому времени нормы российской делопроизводственной культуры. Пограничный суд в рамках своей компетенции взаимодействовал практически со всеми гражданскими служащими и учреждениями военной администрации в регионе (главнокомандующим войсками на Кавказской линии и наместническим правлением, губернаторами, городскими магистратами, городничими губернских и уездных городов, казенной палатой и уездным казначейством, уездными и нижними земскими судами, комендантами военных крепостей, приставами, духовными консисториями, казачьими полками в регионе, родовыми судами и расправами). Взаимодействие выстраивалось путем обмена различными документами (рапортами, протоколами, представлениями, отношениями и т.п.) и регламентировалось нормативно-правовыми актами общего и локального действия, которые определяли вид документа, его форму, порядок учета, хранения, исполнения и т.п.

К этой группе относятся материалы, сопровождавшие деятельность Моздокского верхнего пограничного суда, родовых судов и расправ на протяжении всего изучаемого периода. Среди них докладные и настольные регистры, списки членов суда, ведомости об оплате их труда, протоколы, рапорты членов родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды, различные сообщения, предложения, уведомления должностных лиц и органов власти, приказы (приказания) и указы и т.п. Делопроизводственная документация учреждений локального судебно-административного контроля подразделяется на учетную документацию, отчетные документы с элементами статистического обобщения, документы по управлению кадрами и финансами и для фиксации хода

и результатов процессуальных действий, документы, обеспечивавшие межведомственную коммуникацию. Далее дадим характеристику каждой из этих групп.

– *Отчетная и учетная документация* (докладные регистры входящей и исходящей корреспонденции, книги для записи тематической информации, журналы (ведомости) по учету корреспонденции (рассыльные и почтовые книги), проездные билеты, регистры прихода и расхода денежных сумм). Эти документы составляли значительный по объему корпус источников по деятельности судебных органов в отношении местных жителей региона.

Докладные и настольные регистры (в том числе регистры входящей и исходящей корреспонденции, почтовые книги, регистры протоколов приходчиков и расходчиков, сумм, поступивших в суд, и т.п.) представляли собой журналы суда, в которых содержались сведения о каждом конкретном деле и сущности принятых по ним решений. Например, в докладном регистре Пограничного суда за 1793 г. фиксировались входящие документы, которые по видовой принадлежности можно разделить на предложения высшего начальства в регионе, сообщения председателя суда, прошения потерпевших, рапорты служащих суда, «доношения» секретаря суда, протоколы допросов подозреваемых¹. Докладной регистр за 1794 г. представляет собой совокупность протоколов заседаний Пограничного суда за это время. В докладных регистрах отражались сведения о нарушенных правах местных жителей, а иногда и о нормах, с помощью которых эти отношения регулировались². Примечательно, что в протоколах содержится информация, которая позволяет установить некоторые особенности деятельности родовых судов и расправ в этот период (в частности, родового суда и расправы Мисостовской и Атажукинской фамилий)³. В начале XIX в. вместо докладных регистров использовались настольные журналы, куда записи вносились по установленной форме. Каждая запись и решение суда заверялись подписями или печатями судей. Кроме того, в настольных регистрах Верхнего пограничного суда производился учет «вступаемых уголовных и следственных дел»⁴. Такую же информативную отдачу имеет книга «на записку вступаемых из разных мест бумаг в верховный пограничный суд»⁵.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1;

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 391. Л. 1-3 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 78 а. Л. 1-1 об.;

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 347.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 346.

Почтовые книги (входящие и исходящие регистры) Моздокского верхнего пограничного суда также представляли собой журналы регистрации входящей и исходящей корреспонденции¹. В них приведены названия исходящих и входящих писем и сведения о тех служащих суда, которые их принимали или отправляли. Информативная отдача этой группы источников во многом сопоставима с журналами «исходящей» и «входящей» корреспонденции. Анализ почтовых книг, также как и других регистров, дает возможность дифференцировать зафиксированные в них документы по видовой принадлежности. Например, во входящем регистре Пограничного суда за 1797 г. зарегистрированы прошения, сообщения, предложения, рапорты, уведомления², указы, билеты, требования, извещения, представления³ и т.п. В качестве исходящей корреспонденции за 1798 г. в материалах Пограничного суда встречаются предложения, представления, сообщения, уведомления, известия⁴. Эти документы, помимо прочего, позволяют установить некоторые особенности его коммуникации с другими функционировавшими в регионе органами власти. Например, Кавказское наместническое правление и Астраханское губернское правление доставляли в Моздокский верхний пограничный суд сведения об основных новостях в административно-политической сфере России того времени. Во входящих регистрах зафиксированы сведения о множестве сообщений об учреждении новых ведомств, административно-территориальных изменениях, кадровых перемещениях на высшем уровне организации власти⁵ и т.п. В исходящие регистры вносились и сведения о корреспонденции Пограничного суда с указанием даты отправления писем, адресатов и адресантов, краткой аннотации отсылаемых документов. Поэтому эти документы позволяют установить перечень организаций и должностных лиц, с которыми Пограничный суд состоял в деловой переписке в пределах своей компетенции, уточнить круг решаемых вопросов и т.п. В ходе исследования были проанализированы исходящие регистры практически по всему периоду функционирования Пограничного суда. Следует отметить, что в них не всегда фиксировались исключительно факты отправления документов в соответствующие инстанции. Например, книга «на выписку входящих от разных чинов людей писем на

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 166.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 169.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 202.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

1797 г.» представляет определенный интерес еще и потому, что содержит аннотации получаемой корреспонденции¹.

В этой группе особо следует указать и на полномочия Пограничного суда выдавать жителям региона билеты на право передвижения за пределы ареала проживания – в основном, на пересечение кордонной линии. В билетах указывались имя и фамилия того, кому он выдан, пункт назначения, сроки въезда и выезда, списки сопровождавших и отметки о способах перемещения. Тем самым вводились элементы учета и контроля за локальными миграциями некоторых представителей местного населения. Сведения о выданных билетах фиксировались в почтовых книгах (исходящих регистрах Пограничного суда).

– *Документы с элементами статистического обобщения* (ведомости о количестве и видах рассмотренных споров и конфликтов). В это время элементы статистического обобщения только вводились в практику учреждений локального судебно-административного контроля. Они представляли попытку перевести в числовой формат те или иные сведения об их деятельности. Например, в это время предпринимались попытки систематизации сведений о количестве правонарушений в регионе или данных по другим основаниям (количестве решенных и нерешенных дел, их видовой принадлежности (уголовных и гражданских)²).

– *Документы по управлению кадрами и финансами* (списки членов судов и приставских управлений, формулярные списки их служащих, ведомости об оплате их труда, расходные протоколы и т.п.). В них отмечались сведения о размерах оплаты труда служащих суда, данные о его канцелярских расходах, иногда – сведения о размерах штрафов, поступавших от местных жителей в качестве материальной компенсации за преступления, и т.п.³. Ведомости о выплате жалования членам суда дают возможность определить и его состав в конкретный период деятельности⁴.

Также тщательно документировалось финансирование деятельности Пограничного суда. Сведения о движении ассигнованных суду средств фиксировались в приходных и расходных протоколах. Ответственным за составление таких протоколов был секретарь суда, а также приходчики и расходчики суда. Готовые протоколы заверялись почти

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 167.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 389. Л. 1-15 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 383. Л. 4-9 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

всеми членами суда (судья/заседатель – российский офицер, судьи/заседатели – выборные представители от разных этнических групп местного населения и секретарь суда)¹. Другим важным документом для отражения финансовых операций суда была книга «на записку прихода и расхода экстраординарной суммы». Кроме того, по финансовой части в книгах «на записку» входящих и исходящих бумаг фиксировались все сведения об отправленных в уездное казначейство или казенную палату и полученных от них финансовых документов². С определенной периодичностью (помесячно, поквартально и т.п.) готовились списки расходования средств на содержание судей Пограничного суда³. Их анализ, помимо установления объема финансирования суда, дает возможность определить и динамику его персонального состава, выявить сложности комплектования его кадрами на разных этапах функционирования и т.п. Отдельному учету во входящих регистрах подлежали средства, выделяемые на экстраординарные расходы⁴. Входящие и исходящие регистры велись по годам⁵. Регистры, книги и документы по финансовому обеспечению деятельности Пограничного суда подлежали периодической ревизии со стороны Кавказской казенной палаты⁶. Суд был обязан предоставить на проверку все документы по требованию палаты. Обо всех ревизиях финансовых документов и регистрационных книг председатель суда рапортовал главнокомандующему войсками⁷. Кроме того, суд периодически отчитывался (направлял отчетные рапорты) о расходовании выделенных средств и перед Главнотначальствующим⁸. Таким образом, в это время сложилась двойная финансовая отчетность Пограничного суда – перед вышестоящей в административной иерархии инстанции и перед финансовым органом – основным распорядителем казенных средств.

Здесь большой эвристический потенциал имеют дела, в которых отложились протоколы приходчиков и расходчиков экстраординарных сумм на содержание суда⁹. Например, сохранились регистры протоколов приходчиков и расходчиков Суда, в которых отмечались данные

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 363. Л. 65

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 362. Л. 3 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 424. Л. 19 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 11 об. – 12.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 364. Л. 1 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 526. Л. 2; 23. Д. 525. Л. 13

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 6.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 527.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 383. Л. 1-1 об.

о движении денежных средств и финансовом обеспечении его деятельности¹. Определенный интерес представляют журналы регистрации сумм, поступивших в Моздокский верхний пограничный суд в результате отправления им своих полномочий (пошлин за совершение процессуальных и иных актов действий или взысканных судом в виде штрафов в качестве наказаний за правонарушения)².

– *Процессуальные документы* (протоколы заседаний суда и следственных действий (допросов подозреваемых, очных ставок и т.п.), распоряжения председателя суда, прошения потерпевших, сообщения председателя суда по разным вопросам его деятельности, рапорты и донесения служащих председателю, уведомления, требования, извещения, представления³, выборные (голосовые) листы родовых судов и расправ⁴) и т.п. Здесь следует особо выделить протоколы заседаний суда, в которых фиксировались сведения о решении конкретных споров на основании традиционных институтов правосудия местных жителей, а иногда и фиксировались сами социальные нормы (обычаи, традиции)⁵. Они также имели установленную форму. Их обязательными элементами были дата и время заседания, имена принимавших в нем участие заседателей, сущность дела и суть принятого решения, подписи и (или) печати участников заседания⁶. На полях некоторых протоколов помещались заметки канцеляристов суда о времени окончания заседаний суда и отсутствующих заседателях с указанием причин их отсутствия⁷. Кроме того, обязательному протоколированию подлежали результаты проведенных Пограничным судом следственных мероприятий (допросов, очных ставок и т.п.)⁸. Отдельную группу протоколов представляли расходные протоколы – документы Пограничного суда, отражавшие сведения о его финансовой деятельности и, в некоторых случаях, вопросы кадровой ротации. В некоторых случаях в протоколах содержались выписки из конкретных российских нормативных актов, которые приводились в качестве правовой основы принимаемого судом

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 412.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 538.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12-23 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 078а. Л. 1-3 об.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 33.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 4 об.

решения¹. Такие протоколы составлялись и для решения текущих вопросов организации деятельности Пограничного суда (судопроизводственных, кадровых, финансовых и т.п.). В этом во многом и заключается их эвристический потенциал для исследования этнической истории и этнографии народов региона.

Выборные (голосовые) листы представляли собой документальное выражение процедуры народного голосования и делегирования представителей местного населения на службу в учреждаемые Россией суды. При этом информативный потенциал этой группы документов гораздо шире, нежели исключительно формы документирования выборов. Они вполне могут быть применимы для исследования, например, этнодемографических процессов и численности отдельных социальных групп кабардинского населения региона. Например, с проведением выборов в родовые суды и расправы З.А. Кожев связывает появление документов, содержащих подробные учетные данные о численности военно-служилого сословия Кабарды по уделам². С учетом того, что в этих выборах «принимали участие все совершеннолетние мужчины дворянского сословия», исследователь по спискам выборщиков дал оценку общей численности этой группы кабардинского общества по состоянию на конец XVIII в. По его оценке, близкой к реальной, является цифра «в 4200 совершеннолетних мужчин-уорков для всей Кабарды на конкретную дату – сентябрь 1793 г.»³. Схожей точки зрения придерживается и А.С. Мирзоев⁴. Кроме того, в выборных (голосовых) листах содержались списки судей родовых судов и расправ, Пограничного суда, направление на утверждение Екатерине II⁵. В них содержались некоторые персональные данные (имена и фамилии, сословный статус и место жительства, возраст и т.п.) о судьях, составлявших их первые составы.

Для решения повседневных вопросов, связанных с организацией деятельности Моздокского верхнего пограничного суда, его председатель принимал приказы («приказания») и указы. Это были обязательные для исполнения документы, в которых указывалась дата принятия решения, суть рассматриваемого дела, перечень адресатов, в отношении которых они принимались и т.п.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 11.

² Кожев З.А. Численность военно-служилого сословия Кабарды... С. 21.

³ Там же.

⁴ Мирзоев А.С. Воинский класс и военная организация традиционного черкесского общества (XV – середина XIX в.) // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 4. С. 12-32.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12-23 об.

Весьма информативной подгруппой делопроизводственных документов Пограничного суда были прошения жителей Моздокского уезда и порубежных территорий, чьи права и интересы были нарушены в результате совершения правонарушений. Простения могли подаваться в суд заявителями лично или через представителей. Случалось, что в качестве представителей подвластных категорий проживавших там народов в некоторых случаях выступали их владельцы. Например, в докладном регистре Пограничного суда за 1793 г. зафиксировано «прошение владельца секунд-майора Дола Мударова от подвластных его холопьев» по спору о собственности на скот¹. Анализ прошений дает возможность установить некоторые особенности правоприменительной практики Суда на разных этапах своего функционирования. Так, например, судебные производства возникали на основании прошений «владельца Большой Кабарды» о взыскании материальной компенсации за убийство², прошения узденя Большой Кабарды о наказании виновного в краже лошади³, прошения осетина – жителя Моздока по имущественному спору с кабардинцем – жителем Малой Кабарды⁴ и т.п.

– *Документы, обеспечивавшие межведомственную коммуникацию.* Большой объем делопроизводственной документации применялся для обеспечения межведомственной коммуникации Моздокского верхнего пограничного суда и других органов. Причем из Суда в вышестоящие инстанции исходили рапорты, в подведомственные – предписания, а для взаимодействия с органами власти и должностными лицами, не состоявшими с ними в иерархической зависимости, – отношения. Наибольший объем документов Суда отложился по вопросам его взаимодействия с вышестоящим начальством и может быть предметом особого внимания. Поэтому выделим в отдельную группу *делопроизводственную документацию, обеспечивавшую коммуникацию Пограничного суда с главнокомандующим войсками на Кавказской линии*, совмещавшим в то время, помимо прочего, еще целый ряд высших административных и военных должностей (далее. – главнокомандующим).

Характер взаимодействия Пограничного суда с главнокомандующим регламентировался различными нормативными документами, например, специальным Наставлением Екатерины II, утвержденным указом об образовании родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 17.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же.

в 1793 г.¹ В п. 1 Наставления устанавливалось, что по находившимся в подсудности Пограничного суда производство следственных дел и вынесение решений по особо важным делам (государственная измена, убийство, причинение ран и телесных повреждений, вооруженное нападение и т.п.) производилось на основании норм российского права после согласования с главнокомандующим². При этом апелляции на решения функционировавших в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправ передавались на самостоятельное решение Пограничного суда. Решения по ним являлись окончательными и не подлежали согласованию с главнокомандующим.

Следует отметить, что подведомственность Пограничного суда главнокомандующему не менялась до момента его ликвидации в 1822 г., несмотря на происходившие в регионе значимые административно-территориальные преобразования. Например, с разделением в 1802 г. Кавказской губернии на Астраханскую и Кавказскую³ высшим должностным лицом оставался «Главный военный и гражданский начальник обеих сих губерний есть инспектор Кавказской линии и управляющий в Грузии»⁴. Ему подчинялись гражданские губернаторы в губерниях. П. 17 указа Правительствующего Сената от 1802 г., регламентировавший эти преобразования, устанавливал, что правовое положение пограничного суда в Моздоке оставалось неизменным, «доколи управляющий сими губерниями сделает о них особенно ему порученное соображение»⁵. Однако, этого не произошло до 1822 г. После образования разделения региона на Кавказскую и Астраханскую губернии усилилось взаимодействие пограничного суда с Кавказским губернским правлением по разным вопросам организации его деятельности⁶. При этом не прерывалась его коммуникация с главнокомандующим⁷. Соответственно, на протяжении этого периода не менялся и характер взаимной делопроизводственной практики Пограничного суда и главнокомандующего.

Так, Пограничный суд направлял главнокомандующему информацию в основном в форме представлений и рапортов. В свою очередь, главнокомандующий направлял в Суд предписания, предложения, от-

---

¹ Хрестоматия по истории государства и права... С. 9.

² Там же.

³ АКАК. Т. 2. С. 919.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 920.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 361. Л. 1 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 362. Л. 1.

ношения, ордера, указы и т.п. Иногда письма главнокомандующего сопровождалась экстрактами¹ – как отмечалось, документами, представляющими собой выписки с кратким содержанием сути дела из других документов, дел других ведомств (суда², канцелярии административного ведомства³). Анализ делопроизводственной документации Пограничного суда показывает, что он взаимодействовал с главнокомандующим не только по вопросам согласования следственных действий и принятия решений по тяжким преступлениям⁴, но и по вопросам организации деятельности самого суда (предметов ведения, кадровой ротации, финансирования)⁵ и т.п.

В свою очередь, документы главнокомандующего фиксировались во входящих регистрах Пограничного суда⁶ (почтовых книгах⁷). Например, в 1793 г. во входящем регистре было зафиксировано предложение И.В. Гудовича рекомендовать судьям родовых судов и расправ при рассмотрении жалоб населения фиксировать во выносимых решениях и сведения об обычаях и традициях кабардинцев, на основе которых решались споры⁸. Кроме того, анализ входящих регистров показывает, что главнокомандующий помимо прочего предписывал Пограничному суду осуществлять сбор данных о состоянии кабардинских аулов⁹ и готовить сведения с элементами статистического обобщения (например, о количестве решенных и нерешенных судебных дел)¹⁰. Схожей информативной отдачей обладают и исходящие регистры (книги «на записку исходящих бумаг»), которые, как отмечалось, представляли собой разновидность делопроизводственных документов для записи исходящей корреспонденции Пограничного суда с указанием даты отправления, адресата и адресанта, краткой аннотацией отсылаемого документа. Сведения обо всех документах, направляемых в адрес главнокомандующего, также подлежали фиксации в исходящем регистре¹¹. Это,

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 3 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 3.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 4-4 об.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 16-16 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 34-72 об.; 16. Д. 2. Л. 30; 15. Д. 10. Л. 1; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 93 об.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 166.

⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

¹⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

¹¹ Там же.

в свою очередь, дает возможность подробно исследовать формы их коммуникации в течение всего периода деятельности Пограничного суда. Так, например, анализ книги «на записку исходящих бумаг» за 1816 г. показывает, что главнокомандующий войсками на Кавказской линии взаимодействовал с Пограничным судом по вопросам повышения в должностях служащих суда¹, обжалования действий (бездействий) приставов по обращениям пограничного суда (в основном, о невысылке в суд участников процесса)², согласования выдачи билетов об увольнении членов суда в отпуск³, предоставления рапортов с отчетными материалами о деятельности суда (сведениям с элементами статистического наблюдения о решенных и нерешенных делах)⁴. Поэтому обе группы журналов (регистров) представляют собой весьма информативные источники для исследования делопроизводственных практик Пограничного суда во взаимодействии с главнокомандующим.

Представления подавались Пограничным судом для согласования проведения следственных и некоторых других действий по делам, которые утверждал главнокомандующий. Такие представления содержали сведения о сути разбираемых дел и непосредственные перечни мероприятий, которые подлежали согласованию. Например, в 1794 г. из суда было направлено представление о наборе казачьей команды из представителей горских народов для доставления писем в родовые суды и расправы⁵. Примечательно, что представления не всегда подписывал сам председатель Пограничного суда. В некоторых случаях от имени суда выступали его заседатели (судьи), которые скрепляли представления личными подписями или оттисками именных печатей⁶. Большая группа представлений направлялась на рассмотрение главнокомандующего для утверждения в должностях новых судей, в том числе и в некоторых случаях председателя⁷ (коменданта Моздокской крепости), а также согласование вопросов их увольнения по собственному

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 521. Л. 1 об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 27 а. Л. 3 об.

⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 16-16 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 354. Л. 1.

желанию¹. В представлениях содержалась информация о личных качествах соискателей, их заслугах² и т.п. Такое документальное оформление применялось и в отношении служивших в Пограничном суде представителей мусульманского духовенства³ и вспомогательного персонала (переводчиков, протоколистов, архивариусов, казначеев и др.)⁴, а также судей и заседателей родовых судов и расправ⁵.

Одним из распространённых каналов передачи информации Пограничным судом главнокомандующему были рапорты. Они применялись в практике с первых же дней после образования Пограничного суда. Рапорты направлялись главнокомандующему как от председателя суда, так и в некоторых случаях напрямую от служащих (в том числе и представителей от коренного населения⁶). В рапортах подробно рассказывалось о сути ситуации, которую предполагалось донести до сведения главнокомандующего. В них также подробно отписывались и процедуры выборов в родовые суды и расправы, приводились персональные составы судей и расправных заседателей⁷, помещались сведения о личных достижениях кандидатов на присвоение очередных воинских званий⁸, извещалось о появлении вооруженных отрядов местных жителей на подконтрольной России территории⁹, рассматривались вопросы финансирования деятельности суда¹⁰, временного неисполнения обязанностей членами суда по причине отпусков, служебных командировок¹¹ и т.п. Эти сведения могут быть вполне применимы для более подробного исследования социально-политических трансформаций на Центральном Кавказе, каналов социальной мобильности региональных этноэлит в новых политических реалиях, форм ритуально символического закрепления новых статусов служащих суда (присвоение воинских и классных чинов¹², назначение жалования за счет российской казны¹³) и т.п.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 430. Л. 3-3 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 27 а. Л. 2 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 30. Л. 16-16 об.

⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 16-16 об.; УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13 доп. Д. 2. Л. 30.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

¹⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 6.

¹¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 509.

¹² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 353.

¹³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.

Предписания и ордера исходили из вышестоящих инстанций в нисходящие и закрепляли в отношении учреждений локального судебно-административного контроля порядок действий в той или иной сфере. Как правило, эти документы (в большинстве случаев – адресные) были направлены на реализацию и исполнение отдельных положений соответствующих нормативных актов.

Предложения главнокомандующего Пограничному суду представляли собой делопроизводственные документы с элементами предписаний, обязательных для исполнения, и отправлялись в суд в основном как ответ на поступившие рапорты. Он выносил предложения по вопросам применения российских законов по делам об изменах (арестованных за Кубанью представителей привилегированных сословий местных сословий¹), вопросам инициирования очередных и внеочередных выборов судей в родовые суды и расправы², сообщал о кадровых изменениях в высшем руководстве регионом³, об учреждении новых ведомств, об административно-территориальных изменениях⁴, некоторым вопросам организации деятельности пограничного суда⁵ и т.п. Случалось, что главнокомандующий в предложении просил Пограничный суд дать соответствующие разъяснения по вопросам организации его деятельности. Например, обсуждая вопрос о причинах отстранения от должности заседателя пограничного суда от представителей ногайского населения и проведения досрочных выборов судьи на образовавшуюся вакансию⁶, главнокомандующий войсками на Кавказской линии А.П. Торماسов попросил судей дать разъяснения на вопрос: «почему в сем суде вместо означенного числа по штату заседателей из азиатцев приложили печати при сем представлении только два из таковых свои печати»⁷, а также обязывал и впоследствии давать соответствующие разъяснения в случае отсутствия на заседании кого-либо из судей⁸.

Судьи пограничного суда назначались на должности на основании указов главнокомандующего. Указы направлялись в суд для допуска кандидата к исполнению обязанностей в установленном порядке⁹ и при-

---

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 27

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 67.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 161.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 423. Л. 4 об. – 5.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 423. Л. 1-1 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 423. Л. 4 об. – 5.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 423. Л. 4 об. – 5.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.

ведения к присяге¹. В некоторых случаях по этой группе вопросов главнокомандующий выступал с предложениями, где указывалось о необходимости допустить к присяге вновь избранного судью².

Одним из основных видов документов, которые поступали в Пограничный суд от главнокомандующего, были ордера³. Они представляли собой адресные документы, содержащие обязательные к исполнению поручения. Ордера могли выноситься по вопросам упорядочивания подходов к организации делопроизводства в пограничном суде, разграничении его предметов ведения с родовыми судами и расправами⁴, уточнения полномочий приставов в области проведения мероприятий предварительного расследования, доставления виновных в суд и обеспечения судебного разбирательства⁵ и т.п. Например, в ордере генерал-аншефа И.В. Гудовича, поступившем в Пограничный суд 6 декабря 1793 г., отмечалось о необходимости, чтобы поступающие на его рассмотрение из Пограничного суда документы подписывали или скрепляли отпечатками печатей все заседатели (в том числе, и судьи – делегаты от представителей местного населения), а не только председатель и судьи из российских офицеров⁶. Например, в ордере И.В. Гудовича, поступившем в Пограничный суд 6 декабря 1793 г., отмечалось следующее:

«видя из доходящих ко мне из верхнего пограничного моздокского суда представлений, что оные подписывают только одни российские штаб-офицеры в оном суде присутствующие, желаю я, чтобы как таковые представления ко мне так и указы в родовые суды и расправы Большой и Малой Кабарды и прочие исходящие бумаги подписывали непременно и из определенных от Большой и Малой Кабарды присутствующих хотя по два или по три человека своим обыкновением, прикладывая печати, в журнале и определении должны подписывать все присутствующие»⁷.

По вопросу разграничения предметов ведения в ноябре 1794 г. в Пограничный суд поступило разъяснение (в форме предложения) от И.В. Гу-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 34. Л. 13.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 65. Л. 17.

³ См. например: ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 423.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 1 об.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

⁷ Там же.

довича, в котором он предлагал не принимать напрямую от жителей региона к рассмотрению дела, подсудные родовым судам и расправам, а лишь в порядке апелляции¹.

Как видим, взаимодействие Пограничного суда с главнокомандующим в 1793-1822 гг. осуществлялось с опорой на достаточно интенсивный и объемный документооборот. Документирование этого взаимодействия регламентировалось нормативно-правовыми актами как общего, так и локального действия. Основная документация поставлялась адресатам в форме предписаний, предложений, отношений, ордеров и указов (от главнокомандующего Пограничному суду), и рапортов и представлений (из Пограничного суда главнокомандующему), а также подлежала аннотированию и фиксации в журналах входящей и исходящей корреспонденции.

Вместе с тем Моздокский верхний пограничный суд выступал в качестве получателя рапортов и донесений от подведомственных учреждений и должностных лиц. В это время *рапорты и донесения* направлялись по иерархии от нижестоящих инстанций в вышестоящие вплоть до императора (всепопданейшие рапорта). Например, в форме таких рапортов информация о реализации утвержденных преобразований в системе учреждений локального судебно-административного контроля поступала императору от командующего войсками на Кавказе. В них говорилось об исполнении поручений по организации деятельности этих учреждений, содержались предложения по их оптимизации² и т.п. Также в рапортах приставы сообщали вышестоящему начальству информацию о военной ситуации и происшествиях на подведомственной им территории³ и т.п. Рапорты руководителей учреждений локального судебно-административного контроля в адрес вышестоящего начальства представляли собой один самых информативных источников, содержащих сведения об основных сферах жизнедеятельности и институтах соционормативной культуры народов Центрального Кавказа.

В рапортах и донесениях официальных должностных лиц в адрес вышестоящего начальства содержались сведения о предполагаемых преобразованиях в судебной сфере, оповещения об исполнении ранее поступивших предписаний и т.п. Например, в 1793-1795 гг. многочисленные рапорты И.В. Гудовича в адрес Екатерины II содержали пред-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

² АКАК. Т. 1. С. 746-748.

³ Бутков. Ч. 3. С. 392.

ложения о необходимости преобразований в области системы судебных органов на Центральном Кавказе, а также отчеты о ходе их реализации¹. Донесение Главноуправляющего на Кавказе князя П.Д. Цицианова Правительствующему сенату от 26 июня 1803 г. содержало подробную информацию о деятельности родовых судов и расправ. В делопроизводственной документации Пограничного суда значительную группу документов составляли донесения его председателя главнокомандующему войсками на Кавказской линии. Например, донесения Моздокского коменданта вышестоящему начальству содержали некоторые сведения об особенностях повседневной деятельности Пограничного суда, его персональном составе, заработной плате судей и т.п.

К этой подгруппе документов относятся и рапорты служащих родовых судов и расправ в Пограничный суд. Примечательно, что часть этой документации составлена на языках представителей местного населения и зафиксирована с использованием арабоязычной графической основы. В частности, в докладном регистре Моздокского верхнего пограничного суда за 1793 г. зафиксированы сведения о переводе «рапорта татарского, присланного с учрежденного в Большой Кабарде для владельцев родов Мисостова и Атажукина родового суда»². Также имеются и сведения о регистрации документа в «перевод с рапорта татарского [языка], присланного в сей суд Малой Кабарды от владельцев Дола Мударова, Ахлово и прочих»³. Рапорты родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды отложились в материалах Пограничного суда как в оригиналах, так и в форме переводов «с татарского диалекта» на русский язык и записей в докладных регистрах (настоельных журналах входящей корреспонденции)⁴. При этом на рассмотрение к служащим суда они попадали уже в форме переводов на русский язык и оформленные с опорой на нормы российской делопроизводственной культуры. Смысловая нагрузка рапортов оставалась такой же, как и в рассмотренных выше случаях (в том числе и в переведенной на русский язык форме). Рапорты имели установленную форму. В них приводились сведения об адресате и адресанте, помещалась информация о сути дела и лицах, принимавших участие в их подготовке, подписании и заверении⁵. Анализ этих документов показывает, что их переводы были

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 1123.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 13.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 28.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

приведены в соответствии с требованиями российской административно-политической риторики, и в них использовалась терминология, соответствовавшая российскому гражданскому и уголовному судопроизводству того времени.

При этом существовала проблема перевода документов с русского на языки местного населения для налаживания обратной связи с подведомственными учреждениями. Тем не менее, эти документы позволяют установить формы коммуникации между родовыми судами и расправами и Моздокским верхним пограничным судом, особенности закрепления статуса местной этноэлиты в новых политико-правовых реалиях, специфику функционирования традиционных институтов соционормативной культуры кабардинцев в условиях включения в политико-правовое пространство России и т.п. Анализ правоприменительной практики показывает, что из Моздокского суда в родовые суды и расправы отправлялись документы, подготовленные на русском языке. Это, в свою очередь, накладывало дополнительные сложности на их исполнение. Так, большинство служащих родовых судов и расправ не владели русским языком или же не были компетентными делать качественные переводы с одного языка на другой. Это нередко отражалось в переписке суда с надведомственными инстанциями как проблема, которая требовала комплексного решения¹. Например, в 1794 г. в Пограничном суде обсуждалась проблема перевода исходящей документации с русского языка на языки народов, проживавших на подведомственной ему территории. В материалах Пограничного суда сохранилась переписка с вышестоящим начальством по этим вопросам. В одном из писем на имя И.В. Гудовича содержатся сведения, наиболее точно отражавшие сущность данного вопроса. Считаю целесообразным привести текст документа в рамках настоящего исследования в полном виде. Так, в анализируемом документе отмечалось:

«в представленном составе [имеется] два переводчика татарского и горских языков, и для письменных дел татарского языка мулла Ермахамед Кутлиев. Но оные... (неразб. – А.А.) тех языков не знают, грамоты чинят на сходах, проводя переговоры. А мулла, хоть и не знает татарской грамоты и по большей части к казанскому наречию склонен, кой не имеет сходства с настоящим здешним горских татар наречием и письмом, потому здешние в родовых судах и расправах судьи переводы с российского письма не понимают. Не без возможности по российски оные ни говорить, ни писать не умеют. А и то еще для

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

вспомоществования ему и положенных по штату татарского письма двух помощников о предоставлении всем судам не имеется»¹.

О результатах решения данной проблемы нами не обнаружено документов. Однако имеющиеся источники позволяют утверждать, что таковые специалисты в составы родовых судов и расправ так и не были введены до известных преобразований 1807 г. Возможно, информация из Пограничного суда поставлялась туда через российских офицеров, начальников военных отрядов при родовых судах и расправах. Но и документы о механизмах их взаимодействия с членами родовых судов и расправ также до настоящего времени не обнаружены.

Однако с течением времени количество документов, поступивших в Моздокский пограничный суд с использованием арабоязычной графической основы, сокращалось. Это было связано с основным с тем, что со временем суд в большей мере взаимодействовал с частными (локальными) приставами, которыми в свою очередь были в основном российские офицеры и гражданские служащие.

Большой массив документов обеспечивал коммуникацию учреждений локального судебно-административного контроля с организациями, не состоявшими с ними в иерархической связи. Такая коммуникация обеспечивалась с опорой на уведомления, сообщения, предложения, подтверждения об ознакомлении с экстрактами² и т.п. Например, в документах Пограничного суда встречаются уведомления Моздокского уездного суда, сообщения Кавказского мушкетерского полка, Кавказской казенной палаты, предложения Кавказского наместнического правления, информация о заслушанных экстрактах³ и т.п. Эти сведения применимы для изучения особенностей проведения Моздокским верхним пограничным судом конкретных следственных действий, порядка фиксирования их результатов, кадрового состава, финансового обеспечения деятельности и т.п.

В качестве самостоятельного предмета исследования может выступать порядок и формы утверждения делопроизводственных документов Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ со стороны представителей российской власти в регионе. Это также представляет большой научный интерес, т.к., во-первых, характеризует процедуру принятия управленческих решений в отношении

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 28; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 186.

³ Там же.

народов, инкорпорируемых в политико-правовое пространство Российской империи; во-вторых, дает возможность проанализировать механизмы ритуально-символического закрепления статуса представителей местных этноэлит в новых для них реалиях. В некоторых случаях обязательными реквизитами направляемых на утверждение делопроизводственных документов были различные формы фиксации фактов согласия или ознакомления с ними представителей местного населения. В это время это имело место в виде подписей, чернильных отпечатков пальцев или именных печатей. При этом в большинстве случаев для заверения и выражения согласия на официальной документации представители коренного населения использовали именные печати (в большинстве случаев отлитых на перстнях). Например, как это было зафиксировано в деле Пограничного суда по рапорту родового суда Мисостовской и Атажукинской фамилий о взыскании с судьи Татархана Кайтукина материальной компенсации за несанкционированное барантование лошади. На оригинале рапорта на «татарском диалекте» с использованием арабоязычной графической основы имеются указания имен с приложением именных печатей. Примечательно, что на всех печатях имеются тексты также с использованием арабоязычной графической основы. Их форма разная: прямоугольные, овальные, круглые. Всего в документе было помещено 6 печатей, размер каждой из них не превышает 2 см¹. Примечательно, что в материалах этого дела есть документ, заверенный казенной печатью с изображением герба Российской империи – двухглавого орла и надписями на русском языке². Печать имеет форму овала, больший диаметр которого составляет примерно 6-7 см. Происхождение печати определить не представляется возможным. Скорее всего она принадлежала приставленному к родовому суду командиру казачьего отряда или кому-то из служащих родового суда.

Как видим, информация о деятельности Пограничного суда документировалась в разных формах в зависимости от места организаций, с которыми он взаимодействовал, в административной иерархии и т.п. Для каждого из проанализированных видов документов практиковалась определенная форма. В целом документы этой подгруппы отражают базовый повседневный уровень деятельности учреждений локального судебно-административного контроля и отличаются широким

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.

² А.А.: надписи неразборчивы.

разнообразием как по видовой принадлежности, так и по информативной отдаче для исследования разных аспектов социально-политической и экономической истории народов региона.

При этом нормативно-правовые и делопроизводственные документы по деятельности учреждений локального судебно-административного контроля в последней трети XVIII – начале XIX в. представляют собой информативные группы источников для исследования основных аспектов этнической, социально-политической и экономической истории народов Центрального Кавказа (кабардинцев, осетин, ногайцев, абазин и др.). Нормативные акты с элементами учредительных документов (инструкции, рескрипты, повеления, наставления и т.п.) отражают основные особенности развития системы учреждений локального судебно-административного контроля в этом регионе: расширение их территориальной подведомственности по мере включения в российское правовое поле новых народов, детализация компетенций и полномочий их руководителей и служащих, упорядочивание контроля за их деятельностью в том числе и с учетом их дифференциации на региональном (Пограничного суда) и локальном (родовые суды и расправы) уровнях в иерархии судебных органов.

Картографические источники в ходе исследования истории Пограничного суда применялись для уточнения динамики административно-территориального устройства региона. Эти сведения применимы для понимания локализации судебных органов и для уточнения их территориальной подведомственности. Для этого использовалась новая пограничная карта Российской империи (1786)¹, карта «Кавказского наместничества 1792 г.»²; новая пограничная карта Российской империи (1804)³, «Кавказской губернии с показанием при оной жилищ горских народов от Каспийского до Черного моря и военных действий в оных, в разное время бывших (1806)»⁴ и др. Картографические источники применялись для уточнения динамики территориальной подсудности Пограничного суда.

Таким образом, до настоящего времени сохраняется значительный корпус источников по истории Пограничного суда. Все это дает основание наметить ряд направлений изучения поставленной проблемы:

---

¹ РГВИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 3.

² Атлас Российской империи. СПб., 1793.

³ РГВИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 2.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6715.

– во-первых, это дает возможность глубже изучить этнический компонент инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство Российской империи и открывает перспективы подробного изучения составов и порядка комплектования конкретных судебных органов кадрами;

– во-вторых, позволяет охарактеризовать механизмы включения местных этноэлит в политико-правовое пространство Российской империи, формы ритуально-символического закрепления их статуса в новых условиях и т.п.;

– в-третьих, исследовать не только исторические формы функционирования конкретных судебных органов, но и изучить особенности отправления некоторых судейских функций представителями военных и административных структур (например, приставами);

– в-четвертых открывает перспективы для более точного определения места Пограничного суда в системе органов власти и учреждений локального судебного-административного контроля и позволяет определить особенности их коммуникации;

– в-пятых – установить особенности отправления ими судебных и административных функций;

– в-шестых – определить особенности финансирования их деятельности за счет казенных ассигнований и охарактеризовать каналы получения доходов.

ГЛАВА 2. МОЗДОКСКИЙ ВЕРХНИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СУД: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ, ОБЪЕМ ПОЛНОМОЧИЙ И МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

2.1 Обстоятельства и условия учреждения Моздокского верхнего пограничного суда

Учреждение Моздокского верхнего пограничного суда в 1793 г. было следствием значимых административных и судебных преобразований на Центральном Кавказе, право на которые Россия получила после заключения ряда международных соглашений в последней трети XVIII в. Основная цель его учреждения заключалась в необходимости установления судебно-административного контроля и начала поэтапного включения в политико-правовое пространство Российской империи коренного населения региона, проживавшего за пределами Азово-Моздокской (Кавказской) линии военных укреплений. При этом для встраивания Пограничного суда в механизм российского государства в документах определялась его структура, объем полномочий, территориальная подведомственность и место в системе органов власти и учреждений локального административного контроля. Переходное положение Суда следует рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, его подведомственность высшему должностному лицу в регионе и включение в его состав представителей военной администрации (коменданта крепости и двух офицеров) на фоне широкого представительства местного населения на выборных началах. Во-вторых, деятельность Суда распространялась в том числе и на территорию, расположенную за российскими пределами. При этом его территориальная подведомственность не была строго определена и в большей мере совпадала с этнической территорией населения, представители которого были вовлечены в его деятельность. В-третьих, Моздокский верхний пограничный суд встраивался в иерархию органов власти в регионе, занимая промежуточное положение между базовым звеном локального контроля (родовых судов и расправ) и представителей высшей российской власти в регионе (главнокомандующим войсками на Кавказской линии). Вместе с тем учреждение Суда можно рассматривать в качестве институциональной основы инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи.

Между тем учреждение Моздокского верхнего пограничного суда можно рассматривать и в рамках непрерывавшейся череды мероприятий по образованию учреждений локального судебно-административного контроля на Кавказе и выявлять их предпосылки и прототипы еще задолго до 1793 г. Некоторые формы коммуникации российских властей с представителями местного населения через посредство офицера-пристава были апробированы еще в первой четверти XVIII в. В частности, в 1722 г. Петр I принял решение о назначении приставом гвардии поручика Нефедя Кудрявцева и направлении его в Астрахань для исполнения своих обязанностей¹. При этом его основной функцией было установление контакта с представителями местного населения и сбор данных об особенностях его жизнедеятельности. Или же такие формы взаимодействия были апробированы в отношении представителей части ногайского населения, чье кочевье в середине XVIII в. располагалось около Кизляра. В материалах П.Г. Буткова отмечалось, что они «собственных мурз не имеют», а управляются через назначенных к ним российских приставов². Там же отмечалось, что такое управление было установлено там под надзором кизлярского коменданта еще до 1763 г., чтобы приставы «сих вольных людей не утесняли, не озлобляли и не разоряли»³. Именно поэтому в целях «лучшего наблюдения» к ним был назначен приставом один российский штаб-офицер. Кроме того, в настоящем исследовании мы уже отмечали о введении некоторых форм приставского управления на Центральном Кавказе в отношении кабардинского и ногайского населения после 1769 г.

Кроме того, учреждение Моздокского верхнего пограничного суда можно рассматривать и в более широком контексте административных и судебных преобразований в регионе. Так, после строительства Азово-Моздокской кордонной линии (1777-1778) в 1785 г. была учреждена Кавказская губерния в составе Кавказского наместничества. В административном плане в состав Кавказской губернии входило 6 уездов, в том числе и Моздокский. Правовые основания деятельности губернских и уездных органов власти были установлены на основе учреждения «о губерниях» (1775). Иерархия судебных органов в этом документе была представлена следующим образом: палата уголовного суда,

---

¹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. 1. С. 13

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 180.

палата гражданского суда, верхний земский суд. В этой системе предусматривалось и создание уездных судов, в компетенцию которых входило рассмотрение как уголовных, так и гражданских дел.

После образования Кавказской губернии непосредственно в Моздоке также были учреждены уездный и нижний земский суды. В 1786 г. они уже приступили к своей деятельности, что подтверждается материалами переписки Кизлярского уездного суда с Кавказским наместником¹. В это время в состав Моздокского уездного суда, помимо председателя, входили 2 дворянских и 2 сельских заседателя². С середины 80-х гг. XVIII в. такая система начала складываться в отношении российских поданных – жителей Моздокского уезда Кавказской губернии. Народы, проживавшие за пределами Кавказской линии, с этого времени стали фигурировать в российских делопроизводственных и некоторых нормативных документах как «залинейные горцы». Кроме того, накануне учреждения Пограничного суда присутственное место пристава кабардинского народа также находилось в Моздоке. Таким образом, в конце XVIII в. Моздок стал своеобразным региональным административным центром, в котором одновременно функционировали как уездные органы власти и суда, отправлявшие свои полномочия в отношении российскоподанных жителей Моздокского уезда, так и учреждений локального судебно-административного контроля (Пограничного суда и кабардинского пристава), деятельность которых охватывала в большей мере население порубежных территорий. В делопроизводственных документах Пограничного суда отложились материалы переписки с Моздокским нижним земским судом по вопросам подсудности определенных споров и конфликтов³.

Идея образования пограничного суда для коренного населения Центрального Кавказа появилась еще до 1793 г., представители российской военной администрации предлагали некоторые варианты организации в отношении него различных моделей судебных органов. В частности, в 1790 г. генерал-поручик Бибиков в обращении к кабардинскому народу указывал, что из-за частых споров между ними и ногайскими жителями региона было бы целесообразно учредить в г. Георгиевске словесную расправу и по итогам выбора от населения включить в ее

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 258. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

² Там же. Д. 2. Л. 1.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Л. 122; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Л. 132.

состав по 2-3 представителя кабардинских и ногайских знатных фамилий для их решения и пребывания в присутственном месте на постоянной основе. А также включить в состав такой расправы с российской стороны офицера, знающего «черкесский и татарский» языки, для контроля хода судебных разбирательств и взаимодействия с представителями высшего военного начальства в регионе по этим вопросам¹. При этом на этапах обсуждения и проектирования верхнего пограничного суда помимо Моздока в качестве присутственного места для него обсуждался и Екатеринбург². 16 января 1792 г. можно считать датой, когда инициатива учреждения пограничного суда и родовых судов и расправ приобрела формальный характер. В этот день И.В. Гудович направил императрице донесение, в котором доказывал необходимость этих преобразований³.

На это последовал незамедлительный ответ императрицы. В именном указе И.В. Гудовичу от 28 февраля 1792 г. говорилось о пользе учреждения родовых судов и расправ и пограничного суда в Моздоке или Екатеринограде⁴. Документ устанавливал основные принципы организации деятельности Пограничного суда и родовых судов и расправ без участия российских офицеров по аналогии с родовыми судами Оренбуржья, выплаты жалования судьям за счет российской казны. Штат пограничного суда предполагалось комплектовать на паритетных началах: часть из назначаемых военным начальством российских офицеров и часть из местного населения на основе народных выборов. Также говорилось о разграничении сфер применения источников права при решении споров и конфликтов: в родовых судах тяжбы и мелкие дела по нормам обычного права, в пограничном суде – тяжкие преступления по российским нормам. Содержались сведения о приглашении из Оренбуржья муфтия для трансляции позитивного опыта таких преобразований на других пограничных российских территориях.

Создавая учреждения локального судебно-административного контроля, российские власти стремились во многом сохранить права коренных народов посредством адаптации их важнейших традиционных институтов соционормативной культуры к правовой системе России. Местные элиты включались в социальное и правовое пространство Рос-

---

¹ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 48.

² Там же. С. 50.

³ Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии... С. 49.

⁴ Административная интеграция народов... С. 101-102.

сии, получая право на участие в выборах заседателей в судебные коллегии I и II инстанций¹. Еще раз отметим, что идея создания временных судов во пограничных зонах для России того времени была не новой. Ранее схожие принципы организации локального судебно-административного контроля были апробированы российской властью в Оренбуржье в 1786-1787 гг.². Тогда в «Малой Орде» было учреждено три расправы, наделенные судебно-полицейскими полномочиями³, и вышестоящая по отношению к ним инстанция – Пограничный суд в Оренбурге⁴. Гражданские и мелкие уголовные дела разбирались в расправах по нормам обычного права народов, проживавших в то время на территории Оренбуржья.

Открытие Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ состоялось в 1793 г. В том же году были учреждены родовые суды и родовые расправы, к подсудности которых относились лишь кабардинцы Большой и Малой Кабарды. В отношении же других народов региона функции правосудия отправляли Моздокский верхний пограничный суд и приставы.

Для проведения реформы 1793 г. на Кавказ были командированы Оренбургский муфтий Мамед-Джан-Хусейн⁵ и несколько духовных лиц⁶. Следует отметить, что генерал И.В. Гудович просил об этом разрешения у Екатерины II еще 13 апреля 1792 г. Свою просьбу он объяснял тем, что «кабардинские народы к таковым людям (представителям мусульманского духовенства. – А.А.) особливую доверенность

---

¹ Воропанов В. Национально-религиозный вопрос в политике Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Востоковедение, евразийство, геополитика. 2006. № 3 (76). С. 72.

² АКАК. Т. 1. С. 743.

³ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1633. Л. 9 об.; ГА ОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.

⁴ Воропанов В. Национально-религиозный вопрос... С. 77.

⁵ Мамед-Джан-Хусейн (Хусаинов (Хусайнов) Мухаммад-джан) (1756-1824), муфтий – видный религиозный и государственный деятель, с 1788 г. – председатель (муфтий) Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Религиозное образование получил в «мадрасах» (медресе) Сеитовского посада (Каргалы), Оренбурга, Бухары и Кабула. Принимал участие к реализации внешней политики Российской империи на Востоке и на Кавказе (Цит. по: Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Под ред. С.М. Прозорова. Т. 1. М., 2006. С. 429-430). М.Х. принимал у избранных в суды горцев присягу на верность России, подписывал выборные (голосовые) листы, которые в начале декабря 1793 г. были утверждены специальным указом Екатерины II.

⁶ АКАК. Т. 2. С. 1125.

имеют»¹. На что И.В. Гудович получил одобрение Екатерины II в «Высочайшем повелении» от 9 мая 1792 г.²

Дальнейшее развитие Моздокского верхнего пограничного суда протекало в условиях постоянных реформ, расширение территориального суверенитета России, преобразований в системе административно-территориального устройства и т.п. Так, с 1793 г. и вплоть до ликвидации пограничного суда в 1822 г. на Центральном Кавказе произошел ряд значимых изменений в этой сфере. Спустя 3 года после этого, в 1796 г., Кавказская область и Кавказское наместничество были упразднены и Моздокский уезд был причислен к Астраханской губернии. В именном указе «О новом разделении государства на губернии», данном Сенату 12 декабря 1796 г., упоминалась Астраханская губерния³. В ноябре 1802 г. в целях усовершенствования системы управления предполагалось разделить Астраханскую губернию, состоявшую из 9 уездов, на две части: Астраханскую и Кавказскую губернии. В состав вновь созданной Кавказской губернии вошли 5 уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский⁴. Губернским городом (т.н. центром Кавказской губернии) стал Георгиевск. Главным воинским и гражданским начальником был назначен инспектор Кавказской линии и управляющий в Грузии. Ему подчинялись все гражданские губернаторы или военные, управляющие гражданскими делами⁵.

Однако эти преобразования на деятельности Пограничного суда существенным образом не отразились; по-прежнему сохранялась их подведомственность главнокомандующему войсками на Кавказской линии, оставались прежними объем полномочий, размер финансового обеспечения за счет казенных средств и т.п. В частности, согласно п. 17 указа от 1 ноября 1802 г., «Верхний пограничный суд в Моздоке, родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде и вообще пограничные расходы, по сим губерниям положенные, остаются до времени на прежнем основании, доколи управляющий сими губерниями сделает о них особенно ему порученное соображение и представит мнение его

---

¹ Из документальной истории... С. 53.

² Там же. С. 59.

³ Административная практика Российской империи... С. 91.

⁴ Архив РГО. Разряд 52. Опись 1. Д. 3. Описание Кавказской линии 1819 года от члена сотрудника ИРГ Общ. И д. члена Кавказ. Отд. Агасангела Архипова. Л. 15.

⁵ АКАК. Т. 2. С. 919.

как о действительной потребности сих судов и расходов, так и о положении, на коем они состоять должны»¹. Более того, сам К.Ф. Кнорринг считал, что Моздокский суд «имеет полезнейшее действие и течению дел доставляет поспешнейшее производство, имея в руках своих власть судопроизводственную и исполнительную, коих соединение азиатских обычаев показалось мне [Кноррингу] нужным»².

Завершающий этап функционирования Пограничного суда связан с деятельностью генерала от инфантерии А.П. Ермолова после назначения его в 1816 г. Главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. На этом фоне продолжалось развитие системы линейных укреплений в сторону продвижения вглубь Кавказа. Именно в это время по его инициативе было возведено несколько линейных укреплений, в том числе Кабардинская, Сунженская линии. К этому времени территориальная подведомственность Пограничного суда в Моздоке расширялась за счет появления новых приставских управлений и вовлечения в его орбиту новых народов.

По мере продвижения России вглубь Кавказа и с началом строительства укреплений Кабардинской и Сунженской линий стратегическое значение Моздока как пограничного населенного пункта утрачивало значение, на рубеже 10-20-х гг. XIX в. он, по сути, стал уже внутренним российским уездным городом. Соответственно, и функционирование Пограничного суда в Моздоке уже не в полной мере соответствовало своим первоначальным задачам и становилось нецелесообразным. При этом Моздокский верхний пограничный суд в 1816-1822 гг. продолжал выполнять свои функции в полном объеме, а его деятельность приобретала определенную специфику, связанную с расширением круга коммуницирующих с ним органов, увеличением числа народов региона, представители от которых выступали в нем сторонами процесса и т.п. Однако все это приводило к снижению необходимости нахождения в Моздоке пограничного суда, что и привело к его ликвидации в 1822 г.

Все это также являлось предметом обсуждения высших должностных лиц в регионе и отражалось в разноплановой документации. Так, в докладной записке А.П. Ермолова императору о реформировании Кавказской области от 26 марта 1821 г. предлагались меры по преобразованию системы локального судебно-административного контроля в

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 920.

² Там же. С. 934.

отношении кабардинского населения региона¹. Он отмечал, что если в период учреждения родовых судов и расправ и Пограничного суда это отвечало требованиям времени и было нацелено на улучшение ситуации в регионе, то «настоящий ход дел... не соответствует ни цели правительства, ни пользе самих жителей»². В качестве основных признаков кризиса системы учреждений локального судебного контроля А.П. Ермолов выделял факты уклонений кабардинцев от выборов судей в родовые суды и расправы в конце XVIII – начале XIX в., отнесение разных категорий кабардинского населения к подсудности разных судебных органов, чрезмерную нагрузку на вышестоящие по отношению к Пограничному суду инстанции и их отвлечение от исполнения прямых обязанностей из-за необходимости разбора апелляционных жалоб (Кавказское губернское правление для армянского и грузинского населения Моздока и его окрестностей) и т.п.

П. 6 проекта об учреждении Кавказской области от 3 марта 1822 г. содержалась информация об утрате Пограничным судом своего бывшего назначения. В нем отмечалось, что в свое время Суд был учрежден для разбирательства дел «залинейных» и «внутренних» «инородцев», «но как первые никогда почти к оному не обращаются и устроенные в их кочевьях в 1793 году родовые суды сами собою уничтожились, то и сие место ни к чему более не служит, как бесконечным пререканиям с судом уездным и напрасному затруднению главнокомандующего [войсками на Кавказской линии], коему Верхний пограничный суд подчинен непосредственно»³. В этом же документе содержалось и положение об «уничтожении» Пограничного суда⁴. Упразднение Пограничного суда было окончательно утверждено 24 июля 1822 г. именным указом, данным Правительствующему Сенату, «О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополя областным городом»⁵. П. 6 указа также устанавливал «упразднить Главный пограничный суд в Моздоке и производство всех дел по округам возложить на уездные суды»⁶. В п. 7 документа говорилось о том, что «залинейным народам, оставляя их под управлением военным, предоставить в делах тяжёбных разбираться на основании прежних их обычаев и, где

---

¹ РГИА. Ф. 1286 Оп. 2 1816 г. Д. 261 В. Л. 91-106 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 127-155 об.

⁴ Там же.

⁵ ПСЗРИ. Собр. I. Т/ XXXVIII. № 29138. Санкт-Петербург, 1830. С. 568.

⁶ Там же.

удобно под наблюдением особенно определяемых для сего чиновников; в уголовных же преступлениях подвергать военному суду»¹. Оставшиеся в его производстве нерешенные дела подлежали передаче в уездные суды и дальнейшему решению по правовым нормам Российской империи.

Вместе с тем после 1822 г. в некоторых пограничных военных крепостях стали появляться судебные органы со схожими предназначением, структурой и объемом полномочий (в крепости Нальчик с 1822 по 1858 гг. функционировал Кабардинский временный суд; во Владикавказе с 1828 по 1830 гг. – Владикавказский инородный, а с 1830 по 1836 гг. – Владикавказский окружной суды; в Грозной с 1852 по 1858 гг. – Чеченский народный суд).

Таким образом, в последней трети XVIII – первых десятилетиях XIX в. для осуществления локального судебно-административного контроля за основными сферами жизнедеятельности народов Центрального Кавказа, проживавших за пределами «линии», стали вводиться такие учреждения, как приставские управления, Моздокский верхний пограничный суд, родовые суды и расправы. Моздокский верхний пограничный суд создавался в качестве временной переходной модели для установления такого контроля в отношении коренного населения, проживавшего за пределами Кавказской линии. Реформы 1796 и 1802 гг. были направлены на преобразование структуры и административно-территориального устройства внутренних российских губерний и не отразились на характере деятельности Пограничного суда. Он начал терять актуальность по мере продвижения России вглубь Кавказа и снижения стратегического назначения Моздока как пограничного населенного пункта, что в итоге и привело к его ликвидации в 1822 г.

2.2 Моздокский верхний пограничный суд в системе органов суда и управления на Центральном Кавказе

Моздокский верхний пограничный суд в пределах своей компетенции взаимодействовал не только с учреждениями локального судебно-административного контроля, но и с губернскими, областными и уездными органами управления и суда. Тем самым он выполнял роль своеобразного посредника между российской властью и жителями порубежных территорий («залинейными горцами»). Поэтому для более детального анализа его роли и места в политике Российской империи на

---

¹ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29138. Санкт-Петербург, 1830. С. 568.

Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. следует охарактеризовать особенности его коммуникации с органами российской власти и проанализировать основные направления его деятельности.

В коммуникации Моздокского верхнего пограничного суда с губернскими, областными и уездными органами власти в зависимости от выполняемых ими функций можно выделить организационно-управленческое, судопроизводственное и финансовое направления. Моздокский верхний пограничный суд также взаимодействовал как с гражданскими, так и с духовными учреждениями. Анализ входящих и исходящих регистров Моздокского верхнего пограничного суда за 1793-1797 гг. позволяет установить, что он взаимодействовал с Кавказским наместническим и Астраханским губернским правлениями, Моздокским, Кизлярским, Георгиевским, Ставропольским городовыми магистратами¹, моздокским и кизлярским комендантами, Моздокской духовной консисторией², Моздокским уездным казначейством, кабардинским и ногайским приставами, Моздокским и Кизлярским уездными судами, Моздокским, Георгиевским, Кизлярским, Ставропольским нижними земскими судами, всеми родовыми судами и расправами Большой и Малой Кабарды³. Например, в 1795 г. Пограничный суд состоял в переписке с Моздокской духовной консисторией по вопросам согласования принятия приятия христианства некоторыми служащими⁴.

Исследование почтовых книг Пограничного суда за 1797 г. позволяет установить, что суд состоял в переписке со следующими органами власти и должностными лицами: главнокомандующим войсками на Кавказе И.В. Гудовичем, Астраханским губернским правлением, Моздокским и Кизлярским комендантами, Георгиевским, Ставропольским городничими, Георгиевским, Ставропольским городовыми магистратами, Моздокским и Кизлярским уездными судами, Моздокским, Георгиевским, Ставропольским нижними земскими судами, Моздокским уездным казначейством, Моздокской духовной консисторией, приставом Кабарды, всеми родовыми судами и расправами в Большой и Малой Кабарде.

Кроме того, на основании анализа содержания исходящего регистра Пограничного суда за 1797 г. видно, что он в пределах своей компетенции решал следующие вопросы:

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 168. Л. 9.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 169.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 168. Л. 2 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 104. Л. 3.

– собирал обобщенные данные (статистику) о нерешенных делах для представления вышестоящему начальству (в частности, И.В. Гудовичу);

– осуществлял розыск бежавших жителей с подведомственных ему территорий;

– отвечал за вызов в Моздок для разбирательства участников процесса;

– выдавал билеты членам суда о проезде к дому и обратно;

– решал вопросы, связанные с финансовым обеспечением собственной деятельности;

– разбирал имущественные споры, связанные с кражей и хищением вещей между представителями разных народов¹.

В 1798 г. Пограничный суд взаимодействовал с теми же органами власти и должностными лицами, что и в 1797 г.²

О характере взаимодействия Моздокского верхнего пограничного суда с другими административными и судебными органами региона можно сформировать представление на основе анализа «книги на вступаемых из разных мест бумаг» за 1807 г.³ Так, в 1807 г. в этот суд поступала корреспонденция из Кавказского губернского правления (сообщения разъяснительного и уведомительного характера); Кавказской палаты уголовного и гражданского суда по спорам, относящимся к подсудности Пограничного суда; Ставропольского нижнего земского суда со следственным делам по спору о краже скота между ногайцами и казаками; Моздокской почтовой конторы и Моздокской полиции. Кроме того, в книге за 1807 г. были зафиксированы письма от пристава ногайского и абазинского народов генерал-майора и кавалера Султана Менгли-Гирея по делам Пограничного суда, одной из сторон в которых были проживавшие на подведомственной ему территории жители (ногайцы); приходчиков и расходчиков суда (рапорты), протоколиста (прошения), заседателей суда (прошения); отношение начальника (пристава) Кабарды генерал-майора И.П. Дельпоццо с просьбой перевести на русский язык бумаги «на татарском диалекте» об освобождении холопа, принадлежащего кабардинскому узденю; а также прошения жителей региона по разным вопросам.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 202.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 360.

В материалах Моздокского верхнего пограничного суда за 1808 г. упоминаются пристав Иманкулов по делу об убийстве с участием ногайцев Едисинского общества¹, полковник Ахведров как «управляющий калмыками и прочими магометанского закона кочевыми народами»².

Анализ журналов исходящей документации Пограничного суда за 1809 г. показывает, что в этом году он взаимодействовал с:

– городскими полициями Кизляра и Моздока³ (содействие в доставке для участия в разбирательстве жителей подведомственных им территорий);

– моздокским уездным и нижним земским судами (доставка в Моздок участников процесса и предоставление необходимых сведений для решения конкретных дел);

– приставом (начальником) Большой Кабарды генерал-майором И.П. Дельпоццо (доставка в суд проживавших на подведомственной ему территории кабардинцев);

– главным приставом надворным советником Ахвердовым (аналогичные с предыдущим пунктом вопросы, а также вопросы, связанные с исполнением решений пограничного суда в отношении ногайцев, проживавших на подведомственной ему территории);

– И.В. Гудовичем по различным вопросам деятельности суда (согласование кандидатур на основные должности суда, финансирование и т.п.);

– Моздокским армянским духовным правлением;

– Моздокским уездным казначейством и Кавказской казенной палатой⁴ по вопросам финансирования деятельности суда⁵.

Также в последующее время в материалах суда встречается переписка с Кавказским губернским правлением⁶, Кавказским губернским прокурором⁷, Александровским⁸, Кизлярским⁹ и Ставропольским¹⁰ нижними земскими судами, приставами (кабардинским, главным карано-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Ч. 1. Л. 65.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 521.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 5ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 205. Л. 6 об.

гайским, главным калмыцким и трухменским, ногайским и абазинским), прохладненской карантинной заставой¹, моздокской почтовой конторой², моздокским армянским духовным правлением³ и др.

Особое внимание обращает частое упоминание в документах 1816-1822 гг. Моздокского армянского суда⁴. Изучение этого вопроса осложняется тем, что деятельность этого суда до сих пор не получила детального исследования в современной историографии. Некоторые сведения о нем содержатся в трудах Р.О. Авакяна⁵. Он отмечал, что «согласно грамоте Сената (1799 г.), в 1800-1840-е гг. в Моздоке стал функционировать армянский суд, ведавший вопросами самоуправления и судопроизводства на основе «Судебника астраханских армян»⁶. Полагаем, что хронология функционирования суда требует некоторых уточнений. Так, в 1800-1816 гг. он не упоминается в делопроизводственных документах органов власти, функционировавших в то время в Моздокском уезде, а избираемый от армянского населения судья состоял в штате Пограничного суда. В 1816 г. главнокомандующий Кавказской линией генерал от инфантерии Н.Ф. Ртищев уведомил Моздокский верхний пограничный суд о своем согласии на исключение из его состава «заседателя от армян»⁷. Он отмечал, что «на случай, если встретится в таковом суде дело такого рода, что к оному будет прикосновен кто-то из армян, то от армянского суда может быть назначен депутат»⁸. Возможно, именно эта дата может быть взята за начало самостоятельной деятельности армянского суда в Моздоке. При этом анализ документов показывает, что специфика взаимодействия Моздокских верхнего пограничного и армянского судов заключалась в необходимости вызова для

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534. Л. 18.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 24

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 15.

⁵ Авакян Р.О. Самоуправление, национальное судопроизводство и культурное наследие армянских колоний-поселений Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.) // Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств. Материалы VII научно-практической конференции (г. Нальчик, 22-23 июня 2017 г.). Ростов-н/Д, 2017. С. 12-47.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 20 об.

⁸ Там же.

разбирательства относящихся к их подведомственности жителей региона¹. Также можно предположить, что деятельность верхнего пограничного и армянского судов строилась на схожих принципах: во главе суда находился российский офицер, местное население имело в суде значительное представительство. Представители местного населения попадали в суд по итогам выборов и приступали к отправлению своих обязанностей после утверждения со стороны высшего военного начальства в регионе и принятия присяги, основу судопроизводства составляли нормы российского права. В последующем Моздокские верхний пограничный и армянский суды сотрудничали и состояли в тесной переписке. Например, в 1818 г. в Пограничный суд поступило уведомление из Моздокского армянского суда «с препровождением армянина Степана М. для распроса по делу армянки Погоси М. о ограблении товару его»². По общим данным, армянские суды как в Моздоке, так и в других населенных пунктах России были упразднены на основании указа Государственного совета от 24 марта 1840 г. «О ликвидации действовавших в Астрахани, Кизляре и Моздоке особых армянских судов»³.

Кроме того, в 1816-1822 гг. Моздокский верхний пограничный суд в пределах своей компетенции продолжал взаимодействовать с организациями разных уровней судебно-административной иерархии Кавказского региона: от руководителей крупных политико-правовых до учреждений локального судебно-административного контроля. Анализ книги «на записку исходящих бумаг Пограничного суда» показывает, что он в это время взаимодействовал с главнокомандующим войсками в регионе (с этого времени в материалах суда отложились и рапорты, адресованные А.П. Ермолову⁴), исправляющим должность кавказского губернского прокурора, Кавказской казенной палатой, с Астраханским губернским правлением, Моздокским уездным казначейством, с Моздокской и Кизлярской полициями⁵, Моздокским, Кизлярским уездными судами, Ставропольским, Александровским и Кизлярским нижними земскими судами, Моздокской почтовой конторой, Моздокским

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 33 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536. Л. 16 об.

³ Суздальцева И.А. Армянский суд Кизляра XVIII-XIX вв. // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного-гуманитарно-технического университета. 2018. С. 170-171.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534. Л. 5 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 521. Л. 2-20.

армянским духовным правлением. В 1816-1822 гг. Моздокский верхний пограничный суд состоял в тесной переписке с иными учреждениями локального судебно-административного контроля за жизнедеятельностью народов, проживавших «за пределами» Кавказской линии. В частности, он состоял в переписке с Главным карангайским приставом Балуевым¹, с приставом ногайского и абазинского народов генерал-майором Султаном Менгли-Гиреем (по вопросам присылки в суд участников процесса, проживавших на подведомственной ему территории)², кабардинским приставом майором Гурмандье³ (с 1817 г. – капитаном Аносовым⁴), Главным калмыцким и трухменским приставом Смолиным⁵. Кроме того, в пределах своей компетенции Моздокский верхний пограничный суд взаимодействовал с Моздокским нижним земским судом⁶ (в том случае, если сторонами споров были и имперские подданные, жители Моздокского уезда, и подведомственные пограничному суду народы), Моздокским армянским судом⁷, Кизлярским армянским судом⁸.

В 1817 г. исходящую документацию Моздокского верхнего пограничного суда составили:

– сообщения (в Моздокское уездное казначейство с требованием об отпуске денег на содержание суда; Кизлярскому уездному суду об уточнении вопросов подсудности и подведомственности; кабардинскому приставу «гвардии капитану Аносову о доставлении холопа по прошению грузинской службы подполковника К. именем Мо, находящегося у владельца Кучука Джанхотова в Большой Кабарде»; в Моздокский нижний земский суд о вызове проживающего в Моздокском уезде на хуторе Христофороском Б. Хамурзова; в Моздокскую городскую полицию «о присылке в сей суд на место умершего заседателя из грузин Ивана Евсеева такого же грузинского общества»; Моздокскому армянскому суду о вызове в пограничный суд армян И. и К. Ав-вых и др.);

– указы (расходчикам и приходчикам суда);

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 1 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 521. Л. 6.

³ Там же. Л. 1.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 526. Л. 7 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534. Л. 13 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536. Л. 24 об.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 25 об.

⁷ Там же. Л. 33 об.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 526. Л. 13 об.

– предложения (Моздокскому армянскому суду о вызове моздокских армян его в суд; Кизлярскому армянскому суду о предоставлении сведений по делу мелкого заводчика Б. и муллы М.¹);

– объяснения;

– сообщения и уведомления уездных судов о производстве различных судебно-следственных мероприятий;

– отношения (19-ой пехотной дивизии генерал-майору Д. «по производящемуся в сем суде делу об убийстве в Черноярском осетинском селении о дозволении в их обществах над подсудимым Э. того же села осетинцем Г. и его вдовы и необходимостью провести «большой повальный обыск»);

– аттестаты (уволенному протоколисту-канцеляристу Василию Цыгульникову);

– билеты (заседателю суда Б. Кайтукину «с двумя товарищами» в Кабарду сроком на 8 дней туда и обратно; заседателю К. Перхичеву в Кизляр и др.)² и т.п.

В 1818 г. в докладном регистре Пограничного суда были зафиксированы:

– отношения кавказского гражданского губернатора;

– рапорты членов суда (в основном приходчиков и расходчиков по финансовым вопросам);

– отношения приставов (например, кабардинского пристава капитана Аносова, главного калмыцкого и трухменского пристава надворного советника Смолина);

– прошения местных жителей, содержащие сведения о подсудных Пограничному суду правонарушениях;

– уведомления других ведомств по вопросам производства следственных и других (доставлении в Пограничный суд участников процесса) действий;

– сообщения других органов власти и учреждений (Моздокского армянского суда, Моздокской градской полиции, кабардинского пристава Аносова, начальника ногайского и абазинского народа Менгли-Гирея, главного карангайского пристава, Александровского нижнего земского суда, моздокского коменданта);

– открытые листы других судов (Александровского земского суда³).

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 526.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536.

В некоторых случаях Моздокский верхний пограничный суд фигурировал в документах начальства как объект споров по разграничению предметов ведения между ним и иными учреждениями локального судебно-административного контроля¹.

Таким образом, Моздокский верхний пограничный суд занимал важное место в системе органов суда и управления на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. Осуществляя функции локального судебно-административного контроля в пределах своей компетенции, он состоял в переписке с функционировавшими в регионе основными органами власти и должностными лицами. Все это позволяет выделить организационно-управленческую, судебно-производственную и финансово-экономическую направления коммуникации Пограничного суда с губернскими, областными и уездными органами российской власти в северокавказском регионе в это время.

2.3 Моздокский верхний пограничный суд во взаимодействии с подведомственными учреждениями локального судебно-административного контроля

Учреждая родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде в 1793 г., российские власти приступили к формированию многоуровневой системы локального судебно-административного контроля (первые суд и расправа для Атажукиной и Мисостовой княжеских фамилий, второй – соответственно для Кайтукиной и Бекмурзиной). В Малой Кабарде по такому же принципу были созданы один родовой суд и одна расправа (для Гелестановых и Таусултановых). По своему статусу и объему полномочий родовые суды приравнивались к российским уездным судам, а родовые расправы – к нижним земским судам. В рамках этой системы Моздокский верхний пограничный суд выступал вышестоящей инстанцией по отношению к родовым судам и расправам и принимал к рассмотрению апелляции на их решения. Причем родовые суды и расправы между собой не состояли в иерархической зависимости, и каждый из них напрямую подчинялся Пограничному суду. Их различие определялось по социальному составу участников разбирательств. В родовых судах разбирались дела князей с их подвластными, в родовых расправах – дела представителей других привилегированных сословий с их подвластными. Между тем, такая модель, с одной стороны, создавала новые социальные лифты для «залинейных горцев»

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 1 об.

(нормативное закрепление социальных привилегий, получение воинских званий и жалования от российской казны и т.п.), с другой – содержала глубинный конфликтогенный потенциал, периодически находивший внешнее выражение в нежелании коренных жителей мириться с новым режимом, саботировании выборов в суды и игнорировании налагаемых российскими властями обязанностей и т.п.

Проекты судебных преобразований в Большой и Малой Кабарде также, как и проекты образования Моздокского верхнего пограничного суда, стали обсуждаться представителями российской власти еще с конца 80 – начала 90-х гг. XVIII в. и в большей мере связаны с именем И.В. Гудовича¹. Напомним, что в 1792 г. главнокомандующий войсками на Кавказской линии И.В. Гудович ходатайствовал перед императрицей об учреждении судов: одного в Большой и одного в Малой Кабарде. В Большой предлагалось по итогам выборов от населения включить в его состав 8 князей и 8 дворян: по два от каждой их четырех княжеских фамилий и назначить к ним двух российских штаб-офицеров. В Малой по такому же принципу – 4 князя, 4 дворянина и одного российского штаб-офицера². Служащие и очевидцы подчеркивали важность включения в учреждение такого рода представителей коренного населения. В комплектовании родовых судов и расправ кадрами на принципах выборности судей и расправных заседателей современник описываемых событий П.С. Паллас видел возможность примирения конфликтовавших представителей княжеских фамилий³.

В именном указе императрицы, данном рязанскому, тамбовскому и кавказскому генерал-губернатору И.В. Гудовичу, 19 апреля 1792 г. было фактически одобрено его представление об образовании в Большой Кабарде двух родовых судов вместо четырех и двух родовых расправ вместо четырех (одного для представителей Атажукинской и Мисостовой фамилий, другого, соответственно, – для Кайтукиной и Бекмурзиной), и в Малой Кабарде по одной вместо двух (для Таусултановых и Гелестановых)⁴. В указе было размещено распоряжение императрицы в адрес генерал-прокурора графа А.Н. Самойлова (главы Прави-

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 1123.

² Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 49.

³ Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А. История Кабарды и Балкарии... С. 19.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17118. Санкт-Петербург, 1830. С. 423-426. Цит. по: Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. – 2-е переработанное и дополненное. Нальчик, 2023.

тельствующего Сената и государственного казначея) о ежегодном отпуске на их содержание денежной суммы за счет государственной казны¹. Также в указе на И.В. Гудовича возлагалась обязанность организации открытия и комплектования кадрами родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде². С этого времени власти приступили к организации выборов судей родовых судов и расправных заседателей.

Выборы судей в родовые суды и расправы и организация их деятельности должны были выстраиваться по аналогии с принятыми правилами в отношении уездных судов с учетом «сроков сообразно вере магометанской»³. П.С. Паллас при описании процедуры выборов судей и расправных заседателей обращал внимание на то, что:

«в присутствии и по ходатайству назначенного для казанских татар муфтия и посредством вооруженной медиации, состоявшей из сильного стоящего на берегу Баксана лагеря под командованием генерал-майора Савельева, князьям удалось провести выборы судей, которые были представлены 15 сентября фамилиями Большой Кабарды и 16 сентября фамилиями Малой Кабарды господину наместнику генералу Ивану Васильевичу Гудовичу, находившемуся в Георгиевске»⁴.

По сведениям из рапорта генерал-майора Ю.Б. Бибикова И.В. Гудовичу от 14 сентября 1793 г., в выборах родовых судов и расправ Атажукиной и Мисостовой фамилий приняли участие 171 выборщик, «в отлучках находящихся, старых, больных и малолетних – 77»⁵. К середине декабря 1793 г. все родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде были открыты⁶.

Деятельность родовых судов и расправ по аналогии с Моздокским верхним пограничным судом можно рассматривать в рамках исторического институционализма. Как и в Пограничном суде, объем полномочий родовых судов и расправ был шире, нежели выполнение исключительно судейских функций. Кроме того, в историографии введение родовых судов и расправ как и Пограничного суда воспринимается иногда как фактор последовавших за этим глубинных трансформаций со-

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17118. Санкт-Петербург, 1830. С. 423-426.

² Там же.

³ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 52.

⁴ Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А. История Кабарды и Балкарии... С. 19.

⁵ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.). Нальчик, 2003. Т. 2. С. 7-24.

⁶ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 54.

циально-политического устройства кабардинского общества. Например, с введением родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде предписывалось пресечь народные собрания в любой форме без особого разрешения от главного начальства, т.к. «попечение о делах общественных принадлежит до судов и ими же ограждается безопасность и собственность каждого от всех своеволий и насильств»¹. В компетенции родовых судов и расправ находился разбор имущественных споров², семейных и «холопских» вопросов, сторонами в которых были исключительно кабардинцы. Им было «предоставлено судить тяжёбые дела и малые проступки... кабардинцам по их обыкновениям»³. Кроме того, среди их основных функций были раскрытие, «отыскание» и доставление в Моздокский верхний пограничный суд для разбирательства людей, совершивших преступления⁴. В отношении же некоторых других проживавших на Центральном Кавказе народов эти функции возлагались на приставов (частных приставов). Также на родовые суды и расправы возлагалась обязанность пресекать пребывание и перемещение по подведомственной им территории преступных групп местных жителей⁵.

Состав и структура родовых судов и расправ определялись специальным указом Екатерины II⁶. Штаты этих учреждений комплектовались исключительно из кабардинцев – жителей Большой и Малой Кабарды. Родовые суды состояли из председателя, двух судей, муллы и помощника муллы. В состав родовых расправ входили председатель, шесть расправных заседателей, кадий, мулла и помощник муллы. В обязанности муллы и помощника муллы входила подготовка делопроизводственной документации. Расправный кадий осуществлял функции правосудия по тем спорам, которые разбирались на основе норм шариата.

Основой ритуально-символического закрепления статуса судей родовых судов и расправ был целый комплекс мероприятий, начиная от выборов местными жителями, заканчивая утверждением высшим начальством в регионе и принятием присяги избранным. Рассмотрим

---

¹ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 54.

² Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825 гг.). Нальчик, 1998. С. 125.

³ Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII-XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик, 1963. С. 91.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁵ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 56.

⁶ Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарии... С. 7-15.

эту инициацию на конкретных примерах. Так, в Атажукиной и Мисостовой фамилиях присяга к началу выборов состоялась 30 июня 1793 г. в лагере, разбитом на р. Баксане у горы Кызбурун. Сами выборы проходили с 1-го по 3 августа 1793 г., после чего списки судей были представлены российским властям на утверждение¹. Через некоторое время на р. Чегем были проведены выборы в Кайтукиной и Бекмурзиной фамилиях. Всего в выборах в родовые расправы принимали участие представители 5 дворянских фамилий, принадлежавших князьям Атажукиным, 14 фамилий – Мисостовым и 32 – Кайтукиным и Бекмурзиным. Общее число избирателей по выборным спискам составляло 248 человек. Однако фактически в выборах приняло участие 171 человек². Выборные (голосовые) листы подписали генерал-майор И.Д. Савельев и приглашенный из Оренбурга муфтий Мамед-Джан Хусейн³. Списки судей были утверждены специальным указом Екатерины II в начале декабря 1793 г.⁴

Первым председателем родового суда Мисостовой и Атажукиной фамилий стал князь Джанхот Сидаков (в некоторых документах – Седаков⁵). Судьями избраны Мусса Карамурзин и Садилистри Темрюк Аджиев, муллою – Хази Нареддин, его помощником – Аис Курманаев. Председателем Мисостовой и Атажукиной родовой расправы (расправным судьей) был избран Канбулат Куденетов, расправными заседателями – Ислам Тамбиев, Бекмурза Безиров (в некоторых документах – Безиев), Давлетука Акубеков, Маматгирей Жентемиров, Канбулат Пшицухов, Шумахо Ашабов, кадиями – Хазий Исхан и Хази Мустафин, муллою Измаил Каитов, их помощниками – мулла Амира Абулин и мулла Сулейман Еземиров.

Родовой суд в Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях возглавил Али Салитгиреев, судьями были избраны князя полковник Атажука Хамурзин и Атажука Казиев, муллою стал – Шедрин Хаджи, его помощником – Алий Измаилов. Главою Бекмурзиной и Кайтукиной родовой расправы стал Шабаз-Гирей Куденетов, расправными заседателями – Дударука Куденетов, Касай Даужуков, Кантемир Докшукин, Али Кожоков, Албек Шахланов, Исмаил Бабуков, кадием – Мусса Мамталов,

---

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

² Волконский Н.А. Кавказ в 1787-1799 г. // Кавказский сборник. Т. 15. Тифлис, 1894. С. 31.

³ Там же. С. 31.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12-23 об.

⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 10. Л. 73-98 об.; УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13 доп. Д. 3. Л. 13.

муллою – Русман Тавов, его помощниками – Мусса Магометов и Умар Тарашаев.

Председателем родового суда в Малой Кабарде был избран князь Мусса Таусултанов, заседателями – князя Дол Мударов и Давлетука Ахлов, муллою – Усман Кардануко, его помощником – Ибраил Желевазов. Первый состав родовой расправы в Малой Кабарде был укомплектован следующим образом: расправный судья – Гиристан Исламов, расправные заседатели – Шумах Гинаруков, Мирза Ашашов, Мусса Баташев, Аслан Мурза Анзоров и кади Темрюк Актулов, мулла – Абдула Ефенди Тонуков, помощники муллы – Гусеин Масанов и Сан Тонтусов¹.

Сведения о персональных составах родовых судов и расправ нечасто интересовали исследователей. Однако они так или иначе отражались в тематическом информационном поле. Например, в описании очевидца проводимых выборов П.С. Палласа первые составы родовых судов и расправ были приведены в следующем виде:

«Председателем княжеского суда с окладом 200 рублей в год был избран от фамилий Мисоста и Атажуки князь Джанхот, сын Сидака; от фамилий Бекмурзы и Кайтуки Малой Кабарды – Али, сын Салтангиреев. Заседателями с окладом в 150 рублей были избраны князя Мусса, сын Карамурзы, и Адильгерей, сын Темрюка Хаджи. Затем для службы от обоих племен были назначены Атажука, сын Хамурзы, и Атажука, сын Кази. Дворянские или земские суды для каждой Кабарды состояли из знатного узденя в качестве председателя с окладом 130 рублей и семи дворян и духовных заседателей, которые должны были получать по 100 рублей в год»².

Эти сведения П.С. Палласа весьма информативны и предположительно составлены с опорой на данные указа Екатерины II об учреждении родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде.

Несмотря на то что в структуру родовых судов и расправ были включены только выборные делегаты от кабардинского населения региона, их деятельность вряд ли можно считать полностью самостоятельной. Помимо внешнего контроля и права пересмотра принятых решений со стороны Пограничного суда, некоторые контрольные функ-

---

¹ А.А.: сведения приведены на основании данных Указа Екатерины II «об учреждении родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде» – ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 15-16.

² Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А. История Кабарды и Балкарии... С. 20.

ции за их деятельностью возлагались на представителей российской военной администрации в регионе. Так, контроль за выполнением родовыми судами и расправами предписаний Пограничного суда выполняли российские военнослужащие. Они специально прикомандировывались к судебным присутствиям в Большой и Малой Кабарде. Так, в 1793 г. для надзора за деятельностью родовых судов и расправ были направлены по одному российскому офицеру с казачьими командами в количестве 10-15 человек в каждое из созданных учреждений. В частности, в докладном регистре Пограничного суда за 1793 г. сделана отметка о поступившем рапорте «находящегося в Большой Кабарде при родовом суде и расправе, учрежденных для владельцев родов Бекмурзина и Кайтукина Кавказского полка прапорщика М...»¹. Анализ рапорта прапорщика Астраханского драгунского полка Ивана М., поданного в Пограничный суд в ноябре 1793 г., показывает, что на основании повеления генерал-майора и кавалера Ивана С. прапорщик с

«главной командой был оставлен в Малой Кабарде с пятнадцатью казаками в учрежденной родовой расправе для узденей с их бегоульями и подвластным черным народом для наведения совершенного порядка и в случае немаловажного уздания доносить верхнему пограничному суду, а о неподвижных обстоятельствах прямо к его превосходительству господину генерал-аншефу разных орденов кавалеру Ивану Васильевичу [Гудовичу]...»².

В начале 1794 г. в родовой суд Мисостовой и Атажукиной фамилий был делегирован прапорщик нижегородского драгунского полка Алябьев³. В обязанности этих служащих входило подержание порядка, доставка входящей и исходящей корреспонденции, принудительное исполнение судебных решений, доставка в Моздокский верхний пограничный суд правонарушителей, информирование властей об обстановке в регионе и т.п. В частности, в декабре 1793 г. предлагалось набрать «из горских народов казачью команду», в обязанности которой входило бы доставление исходящей из суда документации по Большой и Малой Кабарде⁴. Однако сведений о том, удалось ли реализовать эти планы, нами не обнаружено. Тем не менее все эти примеры позволяют

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁴ ЦГА РСО-Алания: ф. 244. Оп. 1. Д. 25. Л. 1

охарактеризовать родовые суды и расправы как часть российского механизма государства на Центральном Кавказе, и, несмотря на кажущуюся автономность, подконтрольные российской государственной власти.

Такое положение предполагает определенное взаимодействие служащих родовых судов и расправ и представителей российской власти в регионе. Например, в том, что председатели родовых судов и расправ были уполномочены самостоятельно обращаться в Моздокский верхний пограничный суд по вопросам, относящимся к их компетенции¹. Во входящих регистрах Пограничного суда часто фиксировалась информация о получаемых из Большой и Малой Кабарды рапортах. На основании анализа этих регистров можно установить, что во второй половине 90-х гг. XVIII в., помимо вопросов, касавшихся непосредственно функций отправления правосудия, пограничный суд вступал в переписку с родовыми судами и расправами и по вопросам предоставления отчетности об их деятельности и финансировании, сбору сведений об обычаях кабардинцев, выдачи билетов на право въезда и выезда с территории Большой и Малой Кабарды и т.п.

Между тем, налаживавшееся российско-северокавказское взаимодействие может восприниматься как динамичное явление. Нормативно-правовые акты, устанавливавшие взаимодействие родовых судов и расправ и российской власти требовали постоянного совершенствования. Так, после утверждения Екатериной II Наставления Пограничному суду И.В. Гудович сделал к ним некоторые уточнения, которые также были обязательными для учета в работе. В одном из них говорилось о том, что родовые суды могли принимать к рассмотрению гражданские дела на основании исковых заявлений (прошений) от населения и распоряжений начальства, а по делам уголовной направленности – по факту их совершения². Некоторые из этих положений были утверждены 3 октября 1794 г. на общем собрании судей родовых судов и расправ при участии членов Пограничного суда подполковника князя Уракова и секунд-майора Росламбека Мисостова³. Например, на собрании были конкретизированы сроки явки в суд ответчиков и обвиняемых и предусматривались санкции за их неявку без уважительной причины. В частности, по гражданским делам ответчик был обязан явиться в суд не позднее чем через месяц после поступления жалобы или прошения.

---

¹ ЦГА РСО-Алания: ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

² Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 54.

³ Там же.

В противном случае, в отношении него устанавливался штраф, эквивалентный стоимости двух быков¹. При разграничении предметов ведения по гражданским спорам между Пограничным судом и родовыми судами была определена цена иска в размере 25 руб., т.е. дела с материальным ущербом до 25 руб. рассматривались в родовых судах и расправах, свыше этой суммы – в Пограничном суде². Тяжкие правонарушения относились к исключительной компетенции Пограничного суда, а на родовые суды и расправы (на подведомственной территории которых было совершено преступление) возлагалась обязанность по обеспечению безопасности (заключении преступника под стражу, доставлении его к месту разбирательства в Пограничный суд, проведении оперативно-разыскных мероприятий и т.п.). Запрещалось являться на заседания судов вооружёнными. При каждом родовом суде и расправе должны были постоянно находиться по 3 бейголя³ и пребывать в полной готовности для исполнения решений суда (в том числе, и для командирования в качестве посыльных). Помимо этого, при каждом суде и расправе для поддержания правопорядка и обеспечения коммуникации с Пограничным судом должно было находиться по 15 военных, состоявших на российской службе, во главе с офицером⁴. Уточнялись сроки и периодичность заседаний судов и расправ. Так, каждый родовой суд должен был собираться не менее трех раз в год (если отсутствовала необходимость внеплановых сборов): 1) с 1 февраля до середины апреля; 2) с середины до конца июня; 3) с начала октября до 18 декабря. В эти сроки заседания должны были проходить ежедневно, кроме пятниц и дней, совпадавших с мусульманскими праздниками⁵. Укрывательство преступника приравнивалось к совершенному им преступлению.

При этом иногда на общественных сборах принимались решения по уточнению порядков исполнения обрядов и традиций, применявшихся в качестве социальных норм при решении определенной группы споров

---

¹ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 55.

² Там же.

³ Бейголь – представитель военно-служилого сословия традиционного кабардинского общества, в обязанности которого входили служба представителям привилегированных сословий, обеспечивавших функции их силового аппарата, исполнения обязанностей телохранителей, исполнителей судебных решений и т.п. В рамках деятельности учреждений российского аппарата государства они выполняли полномочия, сходные с их полномочиями в рамках социально-политической организации традиционного кабардинского общества.

⁴ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 55.

⁵ Там же.

и конфликтов. На основе решения общего собрания судей родовых судов и расправ от 3 октября 1794 г. преступник, укравший лошадь из табуна или со двора, по разбирательству родового суда или расправы должен возвратить похищенное владельцу и дополнительно выплатить штраф в размере «одного ясыря и двух быков»¹. Заслуживает внимания и факт, что на фоне ограничения полномочий традиционных сословно-представительских собраний (хаса) возросла роль принятых решений на общих собраниях судей родовых судов и расправ в условиях соответствовавшей требованиям времени социально-правовой ситуации. Дополнительно отметим, что сформированные коллективные решения подлежали утверждению со стороны представителей российской власти в регионе, после чего вступали в силу. А этот механизм правотворческой деятельности (в том числе и в области рецепции самобытных обычаев и традиций коренного населения) практиковался властями вплоть до революционных событий 1917 г. и гражданской войны. Например, некоторые принимавшиеся на заседаниях Съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды в последней трети XIX – начале XX в. решения вступали в юридическую силу после утверждения начальником Терской области².

При этом анализ источников дает возможность говорить о частой ротации кадров в родовых судах и расправах в 90-е гг. XVIII в. Это во многом было связано с общественно-политической обстановкой в регионе, непониманием представителями местного населения сущности происходивших перемен, повышенным уровнем смертности и т.п. Тем не менее материалы Пограничного суда дают возможность восстановить порядок утверждения судей и расправных заседателей в должностях. В частности, 13 февраля 1794 г. в Пограничный суд из родового суда Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий поступил рапорт, подготовленный с использованием арабоязычной графической основы³. На нем имеются печати Алия Салатгиреева, Атажуки Хамурзина, Атажуки Казиева⁴. Судьям для работы был предложен перевод на русский язык⁵. В нем сообщалось, что избранный ранее судья Алий К. умер⁶. В ответ

---

¹ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 37.

² Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 2019. С. 10, 24.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же. Л. 1.

на это 14 февраля 1794 г. председатель Пограничного суда распорядился:

«в родовую расправу послать указ, и выслать на место умершего в оной заседателя Алия Кожукова из роду и поведения достойного из кандидатов прежде назначенных выбрать, и кто из тех родов избран удостоен будет, для донесения о том и утверждения Его Превосходительству генерал-аншефу и разных орденов кавалеру И.В. Гудовичу незамедлительно рапортовать»¹.

В рапорте, поступившем в Пограничный суд из родовой расправы Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий в марте 1794 г., была предложена новая кандидатура на должность расправного заседателя². На основе этого Пограничный суд направил эту кандидатуру на утверждение И.В. Гудовичу (представление от 3 июня 1794 г.)³. Утверждение состоялось 8 июня 1794 г.⁴, а Пограничному суду было предложено допустить кандидата к исполнению обязанностей после принятия присяги⁵.

Сложности по приобщению избранных в родовые суды и расправы судей и расправных заседателей проявились в 1794 г. и в Малой Кабарде. Так, например, находившиеся при родовом суде и расправы Таусултановской и Гелестановской фамилий подпоручик Владимирского мушкетерского полка Ковалев и прапорщик Астраханского драгунского полка Микелядзев докладывали вышестоящему начальству, что судьи не присутствуют на своих местах и не исполняют своих обязанностей⁶.

Моздокский верхний пограничный суд по вопросам неисполнения кабардинцами обязанностей судей в родовых судах и расправах Большой и Малой Кабарды незамедлительно реагировал и оповещал об этом вышестоящее начальство. Например, на основании рапорта судьи родового суда Мисостовой и Атажукиной фамилий Адильгирея Темрюкова «об отлучении Мисостова и Атажукина родовой расправы председателя Камбулата Куденетова»⁷ Пограничный суд обратился к генералу И.Д. Савельеву. В обращении отмечалось следующее:

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 34. Л. 9

² Там же.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 36.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

«Сей суд слушал рапорт владельца Адильгирея Темрюкова, коим доносит, что находящийся в родовой расправе Мисостова и Атажукина председательствующий уздень Камболат Куденетов, отлучась от своей должности, находится в доме своем и все у себя учреждение содержит, почему и случающиеся дела остаются без решения. А потому и просит учинить рассмотрение для всех судов. Определено с прописанием оного рапорта вашему превосходительству просить дабы благоволили по нахождению вашему препоручения от главного начальства разных дел до кабардинских народов относящихся через кого следует повелеть оному председателю Куденетову к своей должности явиться и оную с долженствующим порядком безотлучно отправлять»¹.

Как правило, в таких случаях от вышестоящего начальства исходили предписания в адрес Моздокского верхнего пограничного суда обязать («принудить») явиться в соответствующий суд для работы.

Другой пример – 14 марта 1794 г. в Пограничный суд поступил рапорт от находившегося в Малой Кабарде при родовом суде подпоручика Клыкова, в котором он сообщает, что судьи родового суда князь Т-ов², уздень Б-в и эфендий К-в разъехались по домам и не исполняют свои обязанности. За ними посылал секунд-майор Дол Мударов, на что они ответили, что не хотят работать в назначенном месте³. Эту информацию направили в адрес И.В. Гудовича, а он обязал их прибыть к месту проведения судебных разбирательств и приступить к исполнению обязанностей.

Наиболее крупная ротация кадров в родовых судах и расправах Большой Кабарды произошла в июле–августе 1794 г. На основании данных предложения И.В. Гудовича, направленного в Пограничный суд Моздока, видно, что:

«некоторые из кабардинских владельцев и узденей... делали запрещенные против учреждения в Большой Кабарде родовых судов и расправ сборища... И в числе сих людей особливо участвовали в том и заседатели учрежденных там по Высочайшему повелению Ея Императорского Величества в Большой Кабарде родовых судов и расправ, а именно: родового суда Мисостова и Атажукина родов заседатели владельцы Муса Карамурзин и Адильгирей Темрюк Аджиев, родовой расправы тех же родов заседатели узденья Девлетука Ахубеков и эфенди Исхак Хажи Мустафин, родового суда родов Бекмурзина и Кайтукина заседателей владелец Атажука Хамурзин, родовой расправы тех же родов заседатели узденья Дударуко Куденетов, Исмаил Бабуков и эфенди Муса

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

² А.А.: Так в подлиннике.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-3.

Мамталов, которые на тех запрещенных сборищах были, несмотря на то, что оные строго запрещены»¹.

В документе предлагалось на места этих судей избрать новых. Порядок избрания устанавливался такой же, как и в аналогичных случаях. На эти места предлагалось назначить людей, которые набрали наибольшее количество голосов на предыдущих выборах².

20 сентября 1794 г. от российского офицера, находящегося в родовом суде при лагере на р. Баксан, поступила записка в Пограничный суд, в которой он предлагал следующие кандидатуры для работы в родовых судах и расправах:

«– в родовой суд Мисостова и Атажукова на место заседателя владельца Мусы Карамурзина избрать заседателя владельца Биарслана Касаева;

– в родовую расправу родов Мисостова и Атажукина на место заседателя узденя Девлтуки Ахубекова выбрать заседателем узденя Женкира Ширукова, в той же расправе на место умершего заседателя Ислама Тембиева избрать заседателя узденя Емукушта Ераштова;

– в родовую расправу родов Бекмурзина и Кайтукина на место заседателя узденя Дударуки Куденетова избрать заседателем узденя Али Куденетова, на место заседателя узденя Измаила Бабукова избрать узденя Измаила Пшипшева, на место заседателя ефендия Мусы Маматлова избрать ефендия дагистанского Казимагомеда»³.

Эти кандидатуры были обсуждены в установленном порядке на разных уровнях организации власти, в том числе и Пограничным судом во взаимодействии с главнокомандующим войсками на Кавказской линии и т.п. В итоге было решено провести предложенные замены судей.

Наиболее подробно процедуру утверждения в должности членов родовых судов и расправ можно рассмотреть на материалах о допуске к работе на образовавшуюся в 1794 г. после смерти Гиляхстана Исламова вакансию председателя малокабардинской родовой расправы. Основанием для начала процедуры стал поступивший в Пограничный суд 10 сентября 1794 г. рапорт из родовой расправы Малой Кабарды о том, что ее председатель Гиляхстан Исламов скончался⁴. 12 сентября 1794 г. Пограничный суд принял приказ, в котором устанавливалось, что

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 4.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

«на место умершего в родовой расправе председателя Гелестана Исламова в оную расправу прислать указ, чтобы она выбрала другого собственного из узденей, и кто именно избран будет для преставления его Высокопревосходительству [И.В. Гудовичу] на утверждение в сей суд рапортовать»¹.

После чего на имя И.В. Гудовича из Пограничного суда было направлено представление, в котором отмечалось, что на это место на основании «Высочайшего о губерниях учреждения 76 статьи узденя Мусу Гелястанова избрать и на утверждение... [И.В. Гудовичу] представить»². 12 октября 1794 г. И.В. Гудович отправил в Пограничный суд предложение, где указывал, что необходимо вновь избранного судью допустить к присяге³. Примечательно, что в материалах дела текст присяги (клятвенного общения) приведен на русском языке⁴.

В конце сентября 1794 г. в Моздокский верхний пограничный суд поступила информация о смерти председателя малокабардинского родового суда Мусы Таусултанова. Основанием для начала процедуры решения вопроса покрытия образовавшейся вакансии послужил рапорт Османа эфенди от 29 сентября 1794 г. из малокабардинского родового суда в Пограничный суд, о чем из Пограничного суда было сообщено И.В. Гудовичу. 28 сентября 1794 г. в Пограничный суд было направлено предложение И.В. Гудовича, в котором Моздокскому верхнему пограничному суду предписывалось «на места означенного председателя Мусы Таусультанова выбрать другого по силе ст. 76 Высочайшего учреждения из тех, которые при бывшем выборе были и для утверждения его в том звании ко мне предоставить»⁵. В ответ на это из Пограничного суда И.В. Гудовичу было направлено представление, в котором сообщалось, что на место умершего председателя предлагается назначить «из той же фамилии председателем подполковника Тепсаур Таусултанова»⁶. В тот же день был принят приказ об утверждении в должности председателя родовой расправы подполковника Т. Таусултанова⁷. 4 октября И.В. Гудович направил в Пограничный суд предложение допустить к присяге утвержденного председателя суда⁸.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 18-19.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 7.

Иногда после прохождения процедуры согласования кандидатуры вновь избранных судей и расправных заседателей в родовые суды и расправы надзор за проведением присяги и допуск к исполнению обязанностей возлагался на судей Пограничного суда. 26 октября в Моздокский верхний пограничный суд был подан рапорт судьи секунд-майора И.М. Протопопова, в котором отмечалось:

«на указы одного суда от 13 числа сего месяца с № 60, 178 и 479 донести честь имею, что я по оным по сходстве предписания его высокопревосходительства господина генерал-аншефа и разных орденов кавалера И.В. Гудовича в Малой Кабарде в родовые суды и расправы ездил, и при мне избранные, и Его Высокопревосходительством утвержденные в председатели в родовой суд господин подполковник владелец Тепсаруко Таусултанов, а в родовую расправу уздень Муса Гелястанов, эфендием Осман К... (неразб. – А.А.) по приложению в те присутственные места листам (кои у сего представляю), к присяге приведены, и в присутствии каждой во все присутственные места мною введены; а потом данное родовому суду и расправе его высокопревосходительства прошлого 791 года октября 26 наставления, чрез эфендия...»¹.

Схожая процедура утверждения в должностях членов родовых судов и расправ применялась российскими властями и в отношении представителей мусульманского духовенства².

Для координации и контроля за деятельностью родовых судов и расправ заседатели должны были один раз в две недели информировать Моздокский суд «о благополучии или о случившихся происшествиях» в Кабарде³ и о проделанной работе⁴.

Подсудность родовых судов и расправ и формы их коммуникации с Моздокским верхним пограничным судом нередко требовали соответствующих корректировок со стороны представителей российской власти в регионе. В этом случае распоряжения должностных лиц уточняли порядок исполнения тех или иных функций и являлись обязательными для адресатов. Например, в ноябре 1794 г. в Моздокский верхний пограничный суд поступило разъяснение от генерала-аншефа И.В. Гудовича, в котором он предлагал:

«по силе Высочайшего Повеления и данных от меня в согласность одного наставлений принадлежать разбирательства учреждённых в Большой и Малой

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 65. Л. 28.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

³ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 141.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

Кабардах родовых судов и родовых расправ, в верхний же пограничный суд поступают они уже на ревизию и с тех родовых судов и расправ, а не прямо по просьбам просителей, то потому моздокскому верхнему пограничному суду предлагаю от просителей такого рода прошений не принимать, и являющимся с оными объявлять, чтобы они приносили их в родовые и расправы, коим подсудны те люди, на коих они жалуются»¹.

Примечательно, что в перечне дел, которые попали на рассмотрение И.В. Гудовичу, указаны дела, в которых споры возникали между кабардинцами и представителями других народов региона².

Причем, как показывает анализ практики Моздокского верхнего пограничного суда, власти требовали от родовых судов и расправ строгого следования правилам, определенным в нормативно-правовых актах. Любое отклонение от правил влекло за собой соответствующую реакцию со стороны представителей власти. Родовым судам и расправам сразу же указывалось на нарушение и предписывалось устранить его в кратчайшие сроки. Нередко такие предписания содержали запреты на применение традиционных форм решения споров и конфликтов, практиковавшихся кабардинцами для учреждения родовых судов и расправ. Например, в 1795 г. в деле Пограничного суда по рапорту родовой расправы Мисостовой и Атажукиной фамилий «о разбирании и решении происходящих между ими дел» по вопросам разграничения предметов ведения между ними содержались следующие разъяснения:

«по Высочайшему Ея Императорского Величества изволению учреждены в Большой и Малой Кабарде для владельцев с их бегаульями и подвластными бегаульями и черными народом родовые расправы, в которых все тяжёбные дела и споры происходящие один на другого должны разбираемы и решаемы быть по принадлежности, если у владельцев, то в родовом суде, а на узденей и их подвластных черным народом в родовой расправе. Следовательно, такое положение узденями Жентемировыми с их подвластными: /чтобы ни в какой суд судиться не ездить, а разбирать в той деревне муллоу/ учинено противно Высочайшему Пожалованию, ибо кроме родовой расправы никакие тяжёбные дела судить их по старинке никто не может, и для этого приказали: оной родовой расправе указом предложить, что она уничтожа учиненное Жантемировами жителями положение подтвердила, дабы оные по тяжёбным разного рода делам приносили свои жалобы, как по закону следует, в родовую расправу, которая и должна по сим данное от Его Высокопревосходительства генерала

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

² Там же.

аншефа и разных орденов кавалера Ивана Васильевича Гудовича при открытии родовых судов и расправ прошлого 793 года октября 10 дня наставления чинить разбирательства и решения»¹.

Как видим, в документе исключалась возможность применения любых прежних форм решения споров и конфликтов, основанных на обычаях, традициях, религиозных нормах и посредничестве социальных авторитетов. Разъяснение напрямую отрицало легитимность любых форм третейства и шариатского разбирательства спорных дел.

Кроме того, судебные преобразования 1793 г. повлекли ряд изменений в функционировании традиционных институтов соционормативной культуры кабардинцев. Напомним, что с учреждением родовых судов и расправ им было запрещено самовольно мстить убийцам, барантовать имущество подвластных без разрешения суда, укрывать преступников под предлогом гостеприимства, созывать общественные собрания (хасэ) без согласования с начальством и т.п.

Несмотря на сложности и издержки переходного периода в середине 90-х гг. XVIII в. практика родовых судов и расправ была достаточно насыщенной. Далее рассмотрим некоторые особенности их деятельности на конкретных примерах. Так, анализ входящих регистров Пограничного суда за 1794 г. показывает, что:

1. по делу Моздокского суда об убийстве князем К. князя Б.² родовой суд Мисостовской и Атажукинской фамилий отвечал за отыскание и доставление убийцы в Моздок (примечательно, что исходящая документация заверялась печатями судей Пограничного верхнего суда Касая Кельмамбетова и Мисоста Анзорова³).

2. 24 мая 1794 г. члены родового суда Мисостовой и Атажукиной фамилий докладывали в Моздокский пограничный суд о том, что 5 князей Кайтукиной и Бекмурзиной фамилий произвели несакционированное барантование крупного рогатого скота у карачаевцев⁴.

3. В декабре 1794 г. на заседании родового суда Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий было решено возратить И. Пшицукову обарантованного у него без разрешения царских властей одного «холопа» князем С.⁵

4. 8 апреля 1795 г. князь Т-в осуществил акт несакционированного барантования одного унаута (бесправного) и десяти коров у заседателя

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.

³ Там же. Л. 16 об.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 31; то же: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 141. Л. 183 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.

Бекмурзиной и Кайтукиной родовой расправы А-ва¹. По распоряжению судей Моздокского суда во владение князя Т-ва были направлены пострадавший А-в с приставом офицером Шестипаловым с заданием вернуть захваченное. Князь не подчинился требованиям судей и организовал вооруженное сопротивление. Для решения конфликта потребовалась привлечь подмогу из родовой расправы Мисостовой и Атажукиной фамилии. Расправные заседатели просили у Пограничного суда разрешения арестовать «ослушников» и доставить для разбирательства в Моздок². 26 апреля 1795 г. вышел приказ Пограничного суда, в котором после слова «приказали» приводится следующее:

«т.к. вышеобъявленный владелец А. Т-в подведомственным состоит в Бекмурзина и Кайтукина родовом суде, то потому с прописанием одного рапорта в оной послать указ, и велеть призвать одного владельца в суд приказать немедленно удовольствовать Т. А-ва и за самовольный в оном безо всякого разбирательства захват баранты положить на него Т-ва по кабардинским обычаям штраф, и вперед родовой суд имеет [право] строго взыскивать с таковых, кто отважится сам собою без суда чинить баранту; но поелику Бекмурзина и Кайтукина родовая расправа приступила к захватыванию от владельца А. Т-ва с кошу баранты, в противность должности своей, ибо должна была сообщить в зависимости сего владельца Татарханова родовой суд»³.

Далее родовой расправе предлагалось не вмешиваться в не относившиеся к их подведомственности дела, а строго придерживаться указа Екатерины II об учреждении родовых судов и расправ (1793)⁴.

На основании анализа выписок из регистра Моздокского верхнего пограничного суда за 1793-1794 гг. можно восстановить информацию о делах, по которым он взаимодействовал с родовым судом и родовой расправой Мисостовой и Атажукиной фамилий⁵. Так, в журнале были зафиксированы сведения о:

- предоставлении информации «о кабардинских обычаях (обыкновениях)» и состоянии кабардинских аулов;
- разбирательстве на основании «кабардинских обрядов» спора о продаже двух невольников в отношении кабардинца на основании прошения вдовы моздокского армянина;

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 35. Л. 6-7 об.

– предоставлении форм документов, по которым следует собирать сведения о деятельности родовых судов и расправ (1793) с указанием сроков отчетности (каждые 2 недели);

– вопросах финансирования деятельности родовых судов и расправ из Георгиевского уездного казначейства;

– вопросах отпуска заседателей Пограничного суда и выдачи билетов (разрешений) на проезд к месту прежнего жительства в Большую Кабарду и обратно в Моздок;

– расследовании причин и обстоятельств стрельбы на подведомственной судам территории;

– краже лошади у владельца Карамурзина;

– убийстве незначительного кабардинца¹ и др.

Также в обязанности родовых судов и расправ входило оперативное информирование Моздокского суда о возможных и готовящихся преступлениях. Например, в январе 1794 г. находившийся в Большой Кабарде при родовой расправе Бекмурзинской и Кайтукинской фамилий подпоручик Коловский рапортовал в Пограничный суд о том, что князья и знатные уорки готовят нападение на «карабуласских жителей»². Реагируя на сообщение, Пограничный суд известил об этом геренал-аншефа И.В. Гудовича³.

В тот же период родо́вая распра́ва Бекмурзинской и Кайтукинской фамилий прислала в Пограничный суд рапорт в ответ на предписание И.В. Гудовича по делу об ограблении курьера (двух лошадей и пятидесяти рублей) в трех верстах от Екатериноградской крепости⁴. После предварительного разбирательства в родовой расправе фигуранты дела были направлены в Моздокский пограничный суд для принятия решения по нормам российского права. В Моздоке по этому делу были проведены и протоколированы такие следственные действия, как: допросы подозреваемых и очные ставки⁵. На основании анализа материалов дела можно установить, что в случае, если не удавалось выслать в Пограничный суд подозреваемого, родовые расправы направляли туда рапорты с указанием причин, препятствующих этому, с отметкой о предположительном местонахождении подозреваемого⁶. В этом деле

---

¹ Там же. Л. 6-7.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 3.

родовые расправы Большой и Малой Кабарды выступали как инстанции, ответственные за установление местонахождения подозреваемых в совершении преступлений и предварительное расследование¹.

Документы подтверждают, что сразу же после учреждения Моздокский верхний пограничный суд во взаимодействии с родовыми судами и расправами активно решали большое количество споров и конфликтов. Однако, несмотря на столь интенсивное взаимодействие, первые признаки неэффективности сформировавшейся системы учреждений локального судебно-административного контроля стали проявляться именно в середине 90-х гг. XVIII в. В то время у властей стало складываться представление о том, что кабардинцы воспринимали родовые суды и расправы как «противные магометанскому закону»². Иногда это выражалось в бойкотировании деятельности родовых судов и расправ, что, в свою очередь, приводило к реакционным мерам со стороны представителей российской власти. Например, 21 мая 1795 г. генерал-майор И.Д. Савельев оповещал И.В. Гудовича о том, что на р. Баксан были сожжены дома, в которых располагались родовой суд и расправа Мисостовой и Атажукиной фамилий³. Протесты населения против новой системы судоустройства принимали и другие формы: отказ местного населения разбирать споры и конфликты в родовых судах и расправах, самовольное оставление судьями и расправными заседателями присутственных мест и уклонение от исполнения возложенных на них обязанностей, бойкотирование выборов и т.п.

Признаки кризиса новой судебной системы в явном виде проявились в 1796 г., когда кабардинцы не провели выборы в суды и расправы на очередное трехлетие⁴. Но выборы состоялись в сентябре-октябре 1796 г.⁵ после ввода в Кабарду российских вооруженных отрядов. Кроме того, в марте 1797 г. из Пограничного суда в родовой суд и родовую расправу Атажукинской и Мисостовой фамилий были направлены указы «о высылке в сей суд избранных на трехлетие судей»⁶. С этого времени и далее, несмотря на внедрение в практику учреждений локального судебно-административного контроля некоторых элементов демократии, проведение выборов судей от кабардинского населения зачастую обеспечивалось в том числе и под угрозой применения оружия.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 3 об.

² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 90 об.

³ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 141. Л. 183 об.

⁴ АКАК. Т. 2. С. 1129.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 234. Л. 2-3.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 168. Л. 5.

В конце 1799 г. по истечении второго трехлетнего цикла функционирования судов кабардинцы вновь не провели плановые выборы судей¹. В это время лидером оппозиции стал Адиль-Гирей Атажукин². В 1799 г. он возвратился в Большую Кабарду, где начал вести пропаганду среди кабардинцев о ликвидации родовых судов и расправ и «восстановления духовного суда по Корану»³. Однако все протесты были подавлены вооруженным путем. В 1804 г. в Кабарде вновь прошла волна протестов, причинами которых стали строительство крепости Кисловодск в 1803 г. и отказ кабардинцев проводить очередные выборы в родовые суды и расправы⁴, они также были подавлены вооруженным путем. Например, во всеподданейшем рапорте князя П.Д. Цицианова от 23 марта 1804 г. сообщалось о срыве очередных выборов судей Пограничного суда и родовых судов и расправ. П.Д. Цицианов представлял императору сложившуюся ситуацию в следующем виде:

«Большой Кабарды в родовые суды и расправы старым судьям на смену по прошествии 3 лет чрез целый год, как долженствовало в новые судьи никто не выбран: старые не присутствуют и разошлись, и казаки, находящиеся при судах, возвратились к пристава при кабардинском народе надворному советнику Степмковскому»⁵.

В качестве одной из причин сложившейся ситуации П.Д. Цицианов называл совершенную

«слабость пристава..., не имевшего способности в 3-летие своего пребывания при сем народе завести хотя какую либо партию со своей стороны...»⁶.

В рапорте генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа П.Д. Цицианову от 20 мая 1804 г. сообщалось о том, что по состоянию на 19 мая выборы судей родовых судов и расправ состоялись, все избранные приняли присягу и выразили намерение приступить к исполнению своих обязанностей⁷. При этом подчеркивалось, что в Малой Кабарде «как частице

---

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 2. С. 560-562.

² Там же.

³ Там же. С. 561.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164.

⁵ АКАК. Т. 2. С. 952-954.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 928-929.

очень небольшой, судьи давно между собою выбраны и ничуть теперь не противятся восстановить [суды]»¹.

Ранее при исследовании истории судебных преобразований на Центральном Кавказе на рубеже XVIII-XIX вв. мы обращали внимание на то, что с учреждением родовых судов и расправ в Кабарде явно обозначился раскол этнической элиты на противоположные группы по отношению к нововведениям. В опубликованной нами в 2016 г. монографии об особенностях интеграции народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в конце XVIII – начале XX в. мы вслед за некоторыми кавказоведами акцентировали внимание на том, что часть представителей кабардинской этноэлиты и духовенства требовала от российских властей ликвидировать родовые суды и расправы и учредить для них один духовный суд². Однако представители другой части общества продолжали придерживаться пророссийской линии, работали в Пограничном и родовых судах, получали воинские звания и жалование от российской казны. Компромисс власти и общества был достигнут к 1807 г., когда было решено в родовых судах и расправах сместить в сторону шариата акценты применения источников права при решении споров и конфликтов.

Все это приводило к необходимости поиска эффективной модели судоустройства в отношении кабардинского населения Центрального Кавказа и встраивания его в правовое поле России. С начала XIX в. вопросы о реорганизации сложившейся системы правосудия стали активнее обсуждаться как представителями российской власти, так и кабардинского нобилитета. Компромисс в данной ситуации виделся, с одной стороны, в восстановлении существовавшего до реформы 1793 г. суда по шариату, с другой, – в реорганизации сложившейся системы в сторону смены нормативной основы судопроизводства с обычного права на шариат. Примечательно, что в начале XIX в. кабардинцы неоднократно выступали с требованием ликвидировать родовые суды и расправы и учредить для них один духовный суд³. Между тем в это время для политической повестки вопросы применения мусульманского права при решении споров и конфликтов в функционировавших судах не были новаторством. Вопросы о месте духовных судов в системе правосудия Кабарды обсуждались еще в начале лета 1793 г. Тогда представителями российской военной администрации стало известно, что

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 928-929.

² Из документальной истории... С. 59.

³ Там же.

часть кабардинского нобилитета при участии духовенства организовала массовое принятие присяги в том, что они обязуются решать возникавшие у них тяжёбые дела духовным судом¹. Однако, спустя месяц, кабардинская знать на встрече с И.Д. Савельевым пояснила, что эта присяга относится лишь к духовным делам и не противоречит проектам российских властей об учреждении родовых судов и расправ в Кабарде². С течением времени менялась коннотация обсуждаемой проблематики. Например, в 1800 г. генерал-лейтенант П.Ф. Кнорринг решительно выступал против учреждения в Кабарде духовных судов³.

При этом прорабатывались разные варианты возможных преобразований. Обратим внимание на основные из них еще раз в рамках настоящего исследования. Так, в 1805 г. князь П.Д. Цицианов поручил «начальнику» Кабарды И.П. Дельпоццо установить, «будут ли они (кабардинцы. – А.А.) довольны тем, чтобы *первую инстанцию разбира-тельств* их сверх всякого рода дел *поручить их муллам, кадиям и ахундам*⁴ (курсив наш. – А.А.)»⁵. П.Д. Цицианов также полагал, что апелляционной инстанцией по отношению к «суду ахундов» целесообразно оставить именно Моздокский верхний пограничный суд⁶, в котором кабардинская знать будет по-прежнему иметь значительное представительство. В ответ на это И.П. Дельпоццо в рапорте П.Д. Цицианову от 26 марта 1805 г. указывал на то, что кабардинцы продолжают настаивать на реформировании системы родовых судов и расправ. Так, например, князья Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий считали возможным организовать суды, состоящие каждый из 8 избранных населением владельцев, 12 урков с 20 бейголями. По их мнению, суды должны были работать на постоянной основе, причем не получать жалования от российского правительства. Знать просила у И.П. Дельпоццо построить здания для заседания суда и дома для судей в тех же местах, где

---

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 10. Л. 30; то же: Афаунова М.И. Попытки установления... С. 42.

² Афаунова М.И. Попытки установления... С. 42.

³ АКАК. Т. 1. С. 719.

⁴ А.А.: Ахунд – в дореволюционной России духовное лицо у мусульман, аналог арабского «кадий».

⁵ АКАК. Т. 2. С. 959.

⁶ Там же.

и раньше располагались присутствия¹ родовых судов и расправ². Примерно на таких же условиях планировалось организовать новые суды в своих фамильных уделах Мисостовы и Атажукины³.

В 1806 г. И.П. Дельпоццо в одном из рапортов главнокомандующему войсками на Кавказе описывал сложившуюся ситуацию следующим образом:

«Большой Кабарды в родовые суды и расправы старым судьям на смену по прошествии трех лет уже целый год как долженствовало в новые судьи сделать выборы, но никто не выбран: старые [судьи] не работают и разошлись. Казаки, находившиеся при судах, возвратились к приставу при кабардинском народе надворному советнику Степковскому»⁴.

Реорганизация системы правосудия Кабарды началась весной 1806 г. 1 апреля 1806 г. обновление суда состоялось в Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях (на р. Черек в Докшукиных кабаках), 1 мая – у Гелестановых (в Ахловых кабаках), 1 июня – в Мисостовой и Атажукиной фамилиях (в Кучмазуковых кабаках на р. Баксан у горы Кызбурун)⁵. Спустя месяц было объявлено о возобновлении работы суда и расправы в Малой Кабарде. Однако в них не получили представительства Таусултановы⁶.

При этом со временем менялась форма коммуникации между Моздокским верхним пограничным судом и родовыми судами и расправами. После вывода из состава Моздокского верхнего пограничного суда пристава Кабарды, замещавшего должность судьи, стала возрастать его роль как посредника между Пограничным судом и родовыми судами и расправами. В самом начале XIX в. сведения о деятельности российских военнослужащих при родовых судах и расправах не встречаются. С этого времени документы направлялись в Моздокский верхний пограничный суд через приставов (начальников) Кабарды. Через них, помимо текущих вопросов, кабардинцы доставляли в Моздокский верхний пограничный суд сведения о своих обычаях и традициях, а также выдвигали требования о введении у них духовных судов и пред-

---

¹ А.А.: присутствие – место размещения учреждения.

² АКАК. Т. 2. С. 962.

³ Там же.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 376. Л. 1.

⁵ АКАК. Т. 3. С. 155; Из документальной истории... С. 187-188.

⁶ Афаунова М.И. Попытки установления... С. 50.

лагали свои варианты реорганизации сложившейся системы правосудия. Вместе с тем обсуждение вопросов о преобразовании родовых судов и расправ не снимались с повестки обсуждения представителей российских властей в регионе, а роль пристава Кабарды в этих вопросах постоянно возрастала. 6 апреля 1806 г. в Пограничный суд поступили документы и сопроводительное письмо от пристава генерала-майора И.П. Дельпоццо с предложением перевести на русский язык приложенную «на татарском диалекте» бумагу¹. Текст самого документа не отложился, а сохранился лишь его перевод на русский язык. Текст перевода представляет определенную научную ценность, поэтому считаем возможным привести его в рамках настоящей работы в полном виде. В нем отмечено:

«Перевод с татарского. По магометанскому исчислению 1220 года... (неразб. – А.А.) 25-го дня Большой Кабарды фамилии Джамбулатовой, Атажукиной и Бекмурзиной, с узденями и с афендиями при собрании условие, [которое] значится ниже сего, что прошлого года с генералом Иваном Петровичем [Гудовичем] приговорено было нами на реке Кенже с тем, что[бы] дела разбираемы были *духовным судом*, и наши почетнейшие и достойные владельцы согласились, что если с российской стороны случится какое дело решению, то будем исполнять по-прежнему дела к решению. И вы на то согласны были и хотели, чтобы об оном доложить его сиятельству князю [П.Д.] Цицианову, и мы прошение отдали вам. На которое прошение получили предписание сего года весной, с тем чтобы быть по нашему условию, как вышесказано, что, хотя с российской и с нашей стороны противные составляющей случится, на что мы на речке Череке учредили как из владельцев и узденей и Абдулу афендием, с тем чтобы показывал справедливость в рассудке, кто окажется в воровских или подобие, таковых, не щадя, *судить по законам*, как владельцы равно и уздени избранны, в том мы при Абдулле Афендии дали условие (курсив наш – А.А.)»².

В этом документе отмечено, что подлинник был заверен именными печатями и чернильными отпечатками пальцев кабардинцев, принимавших участие в его составлении. В нем говорится о том, что, во-первых, решение о разбирательстве споров и конфликтов на основании норм мусульманского права было принято на общем собрании группы кабардинских знатных родов. Во-вторых, принятое решение передавалось на утверждение главнокомандующего войсками на Кавказкой линии, т.е. применялся легальный на тот момент механизм утверждения

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 352. Л. 1.

² Там же. Л. 5.

властью принятых на народных собраниях решений. В-третьих, разграничивалось применение разных источников права при решении споров и конфликтов: бытовые конфликты – на локальном уровне с опорой на обычаи и традиции или нормы шариата, а тяжкие преступления – по российским законам и вне духовных судов. В-четвертых, указывалось, что главнокомандующий войсками на Кавказе и ранее давал разрешение на такую замену, а с учетом того, что в документе в этом качестве упоминался И.В. Гудович, то это было не позднее 1790 г. – времени его вступления в должность Кавказского генерал-губернатора и главнокомандующего войсками на Кавказской линии.

В тексте перевода анализируемого документа фамилии подписавшихся были приведены в русскоязычной транскрипции¹. Однако эта часть документа была существенно повреждена, и нам удалось установить личности не всех. Ниже приведем лишь некоторые из них в той форме, в которой они встречаются в документе. Так, подлинник подписали:

«... (неразб., возможно, Кючук. – А.А.) Жанхотов, ... Малжуков, Арсланбек ... (неразб. – А.А.) Кайтукины, Мисост Исламов, ... (неразб. – А.А.) Мисостов, Атажука Алиев, Абдулла афенди, из Анзоровых: Мамсур, Али, Елбулат Докшуков, Куденетовой фамилии: Исмаил Сабазгериев, Биарслан Солтанов, Джашук Мусин, ... (неразб. – А.А.), Лепшук Таов, Махамет Шебеев, Исмаил Докшукин, Бешу Кудавев, ... (неразб. – А.А.), Ахмет Тамбиев, ... (неразб. Возможно, Жабаги – А.А.) Шабашев, Дударук Куденетов, ... (неразб. – А.А.) депутат владелец Татархан с двумя узденьями»².

Другое письмо со схожим содержанием поступило от генерала-майора И.П. Дельпоццо в Моздокский верхний пограничный суд 1 сентября 1806 г. В нем содержалась просьба перевести на русский язык бумагу «на татарском диалекте»³. В нем предлагались принципы функционирования обновляемых судебных органов. Оно было принято на заседании другой группы княжеских родов Большой Кабарды. Поэтому его также приведем в настоящей работе без сокращений:

«Перевод с письма татарского на российский диалект, татарского летоисчисления 1221 года, месяца июня 12.

Большой Кабарды фамилии Джембулатовой и Мисостовой владельцы, узденья, кади Абдул Кадыров, афендии Абдула, Ахмет и Адрис.

При учреждении в Кабарде духовного суда, а именно:

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 352. Л. 6.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8.

1-е, положено, что ежели владелец дарит узденю деньгами, а потом или вещами, то по отходу от владельца такового узденя следует подаренные вещи возвратить... (неразб. – А.А.), положили отбирать обратно подаренные вещи.

2-е, ежели между владельцем и узденем сделается спор из-за подаренных вещей, то без возвращения владельцу вещей таковой уздень свободным быть не может. Ежели обещанные вещи недоданы будут владельцем узденю, то должно такового принуждать судьям. Ежели при том будут иметь непослушание, то уздень по духовному разбирательству от своего владельца [делается] свободным;

3-е, ежели кто иметь будет на кого претензию к имению свыше 15 лет, то по закону нашему в оном разбирательстве отказывать;

4-е, в учрежденном определении без позволения первенствующего председателя владельца Атажукина по силе в Алкуране сказано, почитать бога, пророка... (неразб. – А.А.). А ежели кто из нашего народа будет чинить хищничество с российской стороны или с мирных кабардинских народов, то по духовному разбирательству нашему положено кому бы то не было отрубать руки. А ежели кто в преступлении своем покаются, что они впредь чинить не будут хищничества, то с такового взыскать штраф и разделить по частям судьям. Будучи кто судьей, [и] у него сделается покража и обранужится, с такового взыскать штраф. Ежели кто на кого будет иметь претензию и для принятия просьбы от него явится к Атажукину, и от него будет дана ему именная печать для призыву в суд, и тот не будет чинить ослушание, с того взыскать штраф пару волов. Ежели удовлетворение не будет получено вовремя и вторично будет просить в суд, то с такового взыскать 100 рублей серебром. А ежели кто силой у кого отнимет лошадь, барана или меду, то с того взыскать штраф серебром 100 рублей. *И никому без повеления суда баранту не захватывать. Ежели кто оную захватит, с того взыскать штраф пару волов.* Ежели тому из суда будет дана именная печать для признания виновного, и тот сделает ослушание, с того проситель имеет право при свидетелях взять баранту и по взятии оной хозяин за ним вслед возвратит баранту, с таковых взыскать штраф пару волов, также владелец или уздень без суда никого обидеть не может, а ежели фамилии Жембулатовой или Мисостовой подосланных будут иметь в других местах на кого претензию и дано будет потому из суда именная печать ... (неразб. – А.А.) оную к тамошнему владельцу, то *право имеет тот владелец приказать афендиям дело их решить по духовному разбирательству или суду* (курсив наш – А.А.)¹.

Аналогично с предыдущим случаем на рассмотрение представителя российской военной администрации в регионе было предложено принятое на народном собрании решение. С другой стороны, в этом про-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 352. Л. 9.

сма­три­ва­ет­ся ре­цеп­ция тра­ди­ци­он­ных со­ци­аль­ных нор­м (обы­ча­ев, тра­ди­ций и ре­ли­ги­оз­ных нор­м): сло­жив­шая­ся в на­ро­де пу­тем не­од­но­крат­но­го по­вто­ре­ния нор­ма об­суж­да­лась и одо­б­ря­лась на сос­лов­но-пред­став­итель­ном со­бра­нии, а по­сле одо­б­ре­ния пе­ре­да­ва­лась на ут­вер­жде­ние пред­став­и­те­ля го­су­дар­ства в ре­ги­оне. По­сле та­ко­го ут­вер­жде­ния нор­ма при­об­ре­та­ла си­лу нор­мы пра­ва и ста­но­ви­лась обя­за­тель­ной для ис­пол­не­ния.

Пред­по­ло­жим, что та­кие фак­ты по­да­чи све­де­ний в Моз­док от ка­бар­дин­цев о фор­мах раз­би­ра­тель­ства споров и кон­ф­лик­тов ду­хов­ным су­дом бы­ли не еди­нич­ны­ми. На­при­мер, в ма­те­ри­а­лах су­да име­ется ра­порт ге­не­ра­ла-май­ора И.П. Дель­по­ццо от 13 сен­тяб­ря 1806 г., в ко­то­ром он со­об­ща­ет о 3-х бу­ма­гах «на та­тар­ском ди­алек­те» от ка­бар­дин­цев, тре­бу­ю­щих пе­ре­во­да на рус­ский¹. Кро­ме то­го, тек­сты ана­ли­зи­ру­е­мых пе­ре­во­дов бы­ли под­вер­гну­ты су­щес­твен­ным прав­кам со сто­ро­ны слу­жа­щих По­гра­нич­но­го су­да. Это да­ет воз­мож­ность сде­лать ряд пред­по­ло­же­ний. Во-пер­вых, все это с учё­том сло­ж­но­стей пе­ре­во­да де­ло­про­из­вод­ствен­ной до­ку­мен­та­ции с язы­ков мес­тных на­ро­дов на рус­ский го­во­рит о воз­мож­ной неточ­но­сти пе­ре­да­чи смы­сла и со­дер­жа­ния пер­во­ис­точ­ни­ка. В свою оче­редь, это от­кры­ва­ет до­пол­ни­тель­ные ис­сле­до­ва­тель­ские пер­спек­ти­вы для изу­че­ния ори­ги­на­лов по­сту­пав­ших в Моз­док­ский верх­ний по­гра­нич­ный суд до­ку­мен­тов, со­став­лен­ных с ис­поль­зо­ва­нием ара­бо­языч­ной гра­фиче­ской ос­но­вы, и их со­по­став­итель­но­го ана­ли­за с тек­ста­ми пе­ре­во­дов на рус­ский язык. Во-вто­рых, это в оп­ре­де­лен­ной ме­ре объ­яс­ня­ет ме­ха­низ­мы под­го­тов­ки «На­род­но­го ус­ло­вия...», ко­гда пер­вич­ные све­де­ния об ор­га­ни­за­ции си­сте­мы пра­во­су­дия, по­ря­д­ке ре­ше­ния споров и кон­ф­лик­тов и функ­ци­о­ни­ро­ва­нии ин­сти­ту­тов со­ци­онор­ма­тив­ной ку­ль­ту­ры ка­бар­дин­цев под­го­тав­ли­ва­лись ко­лек­тив­но пред­став­и­те­ля­ми мес­тной зна­ти и ду­ховен­ства, по­сту­па­ли в Моз­док­ский верх­ний по­гра­нич­ный суд для пе­ре­во­да и ре­дак­тор­ской об­ра­бот­ки с це­лью при­ве­де­ния в со­от­вет­ствие с нор­ма­ми рос­сий­ско­го пра­ва, за­тем по­па­да­ли в еди­ный свод­ный до­ку­мент. В-тре­тьих, все это ха­рак­те­ри­зо­ва­ло ме­ха­низ­мы ре­цеп­ции ин­сти­ту­тов со­ци­онор­ма­тив­ной ку­ль­ту­ры на­ро­дов Цен­траль­но­го Кав­ка­за и их при­спо­со­бле­ние к пра­во­вой си­сте­ме Рос­сии. От­сю­да и по­па­да­ние в офи­ци­аль­ные до­ку­мен­ты све­де­ний о не­санк­ци­о­ни­ро­ван­ном баран­то­ва­нии, пра­ве кня­зей пе­ре­да­вать де­ла на раз­би­ра­тель­ство ду­хов­но­го су­да и т.п.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 352. Л. 12.

Таким образом, с учреждением Моздокского верхнего пограничного суда были заложены предпосылки формирования в регионе многоуровневой судебной системы. Иерархию судебных органов в 1793–1807 гг. можно условного обозначить следующим образом: Моздокский верхний пограничный суд – родовые суды и расправы или приставы, исполнявшие судебские функции. Кроме того, с начала XIX в. наметилось смягчение позиции России по поводу установленных для Большой и Малой Кабарды правил судопроизводства и смены нормативной основы разбирательств споров и конфликтов в родовых судах и расправах с обычного права на шариат. Это был долгий и сложный процесс, в основе которого лежал поиск компромисса с учетом мнения представителей кабардинской знати и духовенства с одной стороны и принципами российской правовой системы и национальной политики в отношении присоединяемых к империи народов и территорий с другой. Можно предположить, что преобразование родовых судов и расправ в духовные суды «мехкеме» – длительный процесс, завершившийся к 1807 г. с принятием «Народного условия...».

Наиболее сложным периодом функционирования Моздокского верхнего пограничного суда, не получившим детальной разработки в историографии, является 1807–1822 гг. С одной стороны, исследование осложняется незначительным объемом выявленных к настоящему времени архивных документов по их учреждению и деятельности. С другой – наличием различных точек зрения в историографии о статусе духовных судов и их месте в судебной системе Центрального Кавказа. Например, Н.Ф. Грабовский характеризовал их как суды, созданные российской властью в ответ на просьбы кабардинцев¹. Точную дату их учреждения он не установил, однако отметил, что они точно существовали уже в 1807 г. В.К. Гарданов полагал, что это были восстановленные «с большим трудом» родовые суды и расправы². С.Н. Бейтуганов (как и Н.Ф. Грабовский) считал, что суды «мехкеме» были учреждены в Кабарде российскими властями в ответ на просьбы кабардинцев³. А.Х. Касумов и Х.А. Касумов писали об учреждении духовного суда

---

¹ Грабовский Н.Ф. Очерк суда... С. 1-72.

² Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX века. М., 1967. С. 11.

³ Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1993. С. 32-35.

также взамен родовых судов и расправ¹. Другой точки зрения придерживался В.Х. Кажаров, который представлял их как органы, учрежденные самими кабардинцами². Описывая преобразования 1807 г., В.Х. Кажаров характеризует их как уступку властей, которые к тому времени убедились в «невозможности чисто военными методами покорить Кабарду»³. И.К. Шаов предположил, что «шариатский суд 1807-1822 гг... носил полностью автономный характер и не подчинялся Верхнему пограничному суду в Моздоке»⁴, и основывал свое предположение на том, что не обнаружил в архивах системную связь между ними и пограничным судом, отсутствием выборов судей от кабардинцев в Моздокский верхний пограничный суд. Мы же полагаем, что попытка преобразования родовых судов и расправ в духовные суды была предпринята российскими властями (обсуждение и санкционирование реформы) во взаимодействии с представителями знатных родов Кабарды и духовенства (выступление с инициативой преобразования, принятие на общем собрании Народного условия и т.п.) не позднее 1807 г. путем усиления роли шариата при решении споров и конфликтов. При этом вплоть до начала 20-х гг. XIX в. продолжали действовать принятые в начале 90-х гг. XVIII в. нормативные акты и сохранялась установленная ими территориальная организация системы локального судебно-административного контроля в Большой и Малой Кабарде.

Далее дадим характеристику локального судебно-административного контроля в Большой и Малой Кабарде в 1807-1822 гг., охарактеризуем роль Пограничного суда в этом регионе как вышестоящей судебной инстанции. Так, в «Народном условии...» отмечалось, что «мехкемэ есть суд, в котором старший судья – валий, членами два или три князя, прочие же члены из узденей, очередующихся каждый на три месяца, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий...»⁵.

После этого и до упразднения Моздокского пограничного суда в 1822 г. проследить его коммуникацию с духовными судами представляется достаточно сложным. Но отправление Моздокским верхним пограничным судом в отношении жителей Большой и Малой Кабарды ос-

---

¹ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (Материалы 1 Кошехабьского форума «История – достояние народа»). Майкоп: Меоты, 1991. С. 45.

² Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты... С. 292.

³ Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории... С. 129.

⁴ Шаов И.К. Правовые аспекты инкорпорации... С. 164.

⁵ Хрестоматия по истории государства и права... С. 16.

новых функций после 1807 г. в это время не прерывалось. Примечательно, что после 1807 г. власти по-прежнему продолжали вести списки и учет деятельности учреждений локального судебно-административного контроля, как это было установлено в 1793 г. Например, 24 апреля 1808 г. из Кавказской казенной палаты поступил запрос в Моздокский верхний пограничный суд, в котором ему предписывалось предоставить сведения о штате учрежденных в 1793 г. в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправ для определения объема их финансирования на очередной трехлетний цикл¹. Ответ на это письмо был отправлен в Кавказскую казенную палату 30 апреля 1808 г. В сопроводительном письме отмечалось, что все необходимые сведения о персональном составе поданы в установленный срок². Далее в документе шла речь о составлении точных копий с имеющихся при пограничном суде штатов³. Это говорит о том, что, несмотря на сложную общественно-политическую ситуацию в Кабарде в то время, пограничный суд по-прежнему апеллировал к спискам членов родовых судов и расправ, документировал учет кадров и подавал отчеты в вышестоящие инстанции по формам, утвержденным до 1807 г.

При исследовании основных направлений деятельности Пограничного суда в то время обращают на себя внимание факты рассмотрения дел, одной из сторон, в которых были кабардинцы – жители Большой и Малой Кабарды. Так, например, в 1808 г. суд рассматривал дело о воровстве жителем Большой Кабарды узденя его Т-ва А-вым в г. Моздоке у новокрещенных черкес И-ва и Х-ва⁴; дело об отобрании от моздокского жителя К-ва «отнявшего насильственным образом у черкеса З-ва быка»⁵. Примечательно, что судьи решили: «сего суда господам азиатским членам предложить, чтобы они между черкесином З-вым и К-вым о помянутом быке по обычаям кабардинским сделали словесное разбирательство, стало немедленно решительное дело»⁶. То есть по сути дело из официального судебного органа было передано на медиаторское рассмотрение по нормам обычного права. В протоколах суда от 14 февраля 1808 г. отмечено следующее:

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 392. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Ч. 1. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же.

«Слушали отношение господина генерал-майора Дельпоццо с приложением повального обыска, взятого им от кабардинских владельцев Джамбулатовой фамилии и подсудимом И., постановили: оной бумаге учинить на российский диалект перевод с оригиналом приобщить к делу»¹.

В 1809 г. также было подано в Моздокский верхний пограничный суд сообщение генерал-майора И.П. Дельпоццо с приложением прошения кабардинца Н-ва² о разбирательстве дела об убийстве его родственника Н-ва кабардинским узденем А-вым, который был доставлен в суд для рассмотрения дела по нормам российского права³. В резолюции к документу отмечалось:

«Означенного кабардинского узденя А-ва вызвать в присутствие сего суда и противу прошения Н-ва за внушением ему о чистосердечном признании Высочайшего именного 1763 года февраля 10 дня указа допросить и что покажет доложить присутствию к слушанию»⁴.

25 января 1809 г. в Пограничный суд поступило сообщение из моздокской полиции, в котором отмечалось, что «требуемый сим (Моздокским верхним пограничным. – А.А.) судом отпущенный на волю Большой Кабарды уздень Ш-ков и с ним – новокрещённый черкес И-нов»⁵.

Кроме того, в это время избранные от кабардинцев члены Моздокского верхнего пограничного суда продолжали выполнять возложенные на них обязанности как и прежде и при этом не теряли связей с родственниками в местах проживания. Однако после 1807 г. неоднократно стали обнажаться сложности с делегированием представителей от кабардинцев в пограничный суд. Это было в определенной мере связано с осложнением социально-политической ситуации в регионе (карательными экспедициями, эпидемией чумы и т.п.). Все это привело к тому, что в начале в 10-е гг. XIX в. Моздокский верхний пограничный суд функционировал с недоукомплектованным судебским корпусом. В кадровых и финансовых документах судов отмечалось, что в некоторых местах, отведенных делегатам от Большой и Малой Кабарды, имелись вакансии. Так, 14 апреля 1809 г. Моздокский верхний пограничный суд одобрил прошение заседателя князя Биорслана Кайтукина

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Ч. 1. Л. 40.

² А.А.: так в документе.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 79 об.

⁴ Там же. Л. 80.

⁵ Там же. Л. 28 об.

о предоставлении отпуска и разрешении посетить находившийся в Малой Кабарде дом «для поправления своих домашних дел» сроком на 28 дней и о выдаче ему билета¹.

Далее приведем несколько примеров из судебной практики Пограничного суда о разбирательстве споров и конфликтов в 1807-1822 гг. с участием кабардинского населения. После 1807 г. продолжалось следствие по делу об убийстве титулярного советника пристава майора Дзюбина, фигурантами которого были жители Большой Кабарды. В 1809 г. в Моздокский верхний пограничный суд поступило заявление (прошение) вдовы Дзюбина с приложением регистра «деньгам и вещам убийцами мужа ее [пристава] ограбленным», в котором она просила привлечь убийц к ответственности по российским законам и компенсировать ей нанесенный преступлением материальный ущерб².

9 января 1809 г. в Моздокский пограничный суд рассматривал предложение И.В. Гудовича, в котором он распоряжался принять решение по делу над кабардинским узденем М-вым, по «проставленному на речке Золике хищничеству» (разбойному нападению)³.

24 января 1809 г. в пограничном суде было рассмотрено сообщение Моздокской городской полиции об отпущенном «на волю Большой Кабарды узденя Ш-ва и новокрещенного из черкес И-ва»⁴. По итогам рассмотрения дела судьи Пограничного суда приказали

«означенного новокрещенного из черкес И-ва противу поданного на него из моздокского жителя армянина М. прошения, касательно удаления от в неотслуги занятых им обще с двумя его братьями на выкуп себя от холопства 450 р. денег по надлежащему в присутствии сего суда спросить, и что покажет, доложить к слушанию»⁵.

24 февраля 1809 г. в пограничном суде разбирали заявление жителя Большой Кабарды О-ва, который просил

«о спросе моздокского жителя новокрещенного черкесина Х-ва, по какому праву он его... [просителя] продал в Большую Кабарду узденю Джанхоту Докшукову, а от сего перепродан в Кумыкию и о[б] удовлетворении его за выкуп братьями его тремя стами рублями серебром деньгами»⁶.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 49 об.

² Там же. Л. 50 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 4-4 об.

⁴ Там же. Л. 25-25 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 66-66 об.

В 1810 г. в Моздокском верхнем пограничном суде рассматривалось дело по иску полковника князя Исмаила Атажукова¹ в отношении отставного хорунжего Степана Безорукина «за передержательство им у себя собственной его Атажукова женщины из черкесов П. с ее детьми»². В этом же году по прошению узденя Большой Кабарды Х-ва рассматривалось дело о засвидетельствовании факта продажи им холопа моздокскому жителю Б-ву и возврате долга в размере 250 р.³ Также в этом году было возбуждено производство на основании прошения жителя Большой Кабарды узденя Ш-ва о «засвидетельствовании закладного письма, сделанного на имя здешнего дворянина Б-ва на заложение ему 320 р. собственного человека из черкесов К...»⁴. Аналогичное дело рассматривалось в том же году по прошению узденя Большой Кабарды Е-ва, в котором проситель настаивал на засвидетельствовании представленного ему «письма, данного моздокскому жителю армянину Б-ву на уступление собственного его холопа из черкес Л. с женою его и двумя детьми ценою 500 р.»⁵. Такое же дело было возбуждено «по прошению Большой Кабарды узденя К-ва». Прощение сопровождалось «бумагой на татарском диалекте с переводом на русский» и «письмо Большой Кабарды узденя Д-на на уступленных ему собственных его холопей из черкес П. и Т. на сумму 500 р. и о выдаче ему К-ну»⁶. Кроме того, в 1810 г. на основании сообщения генерала от инфантерии С.А. Булгакова «о предании законному суждению кабардинского владельца А-ва и двух чеченцев К-ва и Б-ва за чинимое ими около селения Солдатской хищничество»⁷.

В 1811 г. в суд в Моздокский верхний пограничный суд вновь поступило сообщение из Большой Кабарды, которое как и прежде было оформлено на «бумаге на татарском диалекте». Перевод ее на русский язык был представлен суду в следующем виде:

«1810 г. октября 18 дня мы, кабардинские владельцы, узденья и афендия, дали сие доверие кабардинскому владельцу полковнику Исламу Атажукову, в том, что по жительству нашему в Кабарде с 1771 года подвластные наши

---

¹ А.А.: так в оригинале.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 7 об.

холопья до немалого количества находятся в бегах, кои проживают в городе Моздоке, так равно и в других местностях. Назад к нам через долго прошедшее время не возвращаются. А потому мы предоставляем на волю его полковника Исмаила Атажукова, буде где оные отысканы им будут, то волен оных продавать или отправлять обратно на жилище в Кабарду под наше владение. В чем мы ему Атажукову полностью верим и потому ни одного препятствия делать не должно и не вступаться во власть его распоряжения, в чем и подписываемся. А по неумению нашей грамоте прилагаем именные свои печати. Кучук Джанхотов, Биарслан Касаев, Али Сат... (неразб. – А.А.), Магомед Дохчуков, Касбулат Килшуков, Али Карамурзов, Арслан Биарсланов. И с поручением князя: Ахмед афенди, Мустафа афенди, Чуман афенди, уздень Биаслан Куйденетов, Исмаил Кудейнетов, Албот Кандузов, Чумако Тамбиев, Шавлин Илкабанов, Джамбулат Шевшов, Исмаил Дохчуков, Джанхот Дохчуков, Шам Кужуков, Курман Шевшов. Переводил переводчик мулла Тахтамыш Сулейманов»¹.

Как видим, в письме было актуализировано давнее разногласие между представителями кабардинской знати и российской властью по поводу социально-правового статуса моздокских кабардинцев². Однако для нашего исследования этот документ представляет ценность именно как источник, подтверждающий коммуникацию представителей кабардинской знати, духовенства и Пограничного суда после преобразования 1807 г. Кроме того, подобное обращение можно рассматривать как коллективную позицию, выработанную на народном собрании. Т.е., с одной стороны, это сохранение традиционных общественных институтов и форм принятия и выработки коллективных решений, с другой – поиск политического компромисса и попытки согласования этих коллективных решений с российской властью с целью их легитимизации.

Взаимодействие Пограничного суда с представителями знатных родов Большой Кабарды не прекращалось на протяжении всей первой половины 10-х гг. XIX в. Коммуникация выстраивалась по большому кругу вопросов, связанных с проведением определенных процессуальных действий пограничным судом в Кабарде, предоставлением разъяснений по некоторым разбираемым делам³ и т.п. На тот момент это было наиболее приемлемой формой взаимодействия власти и общества, что часто отмечалось в переписке высшего военного начальства в регионе.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 435. Л. 2.

² Моздокские кабардинцы – субэтническая группа кабардинского (восточночеркесского) этноса, которая начала обособливаться после 1763 г. путем выхода из Кабарды части подвластного населения в Моздок и его окрестности и приобретения личной свободы после смены конфессиональной идентичности.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 498. Л. 15 об.

Так, в рапорте председателя Суда от 23 ноября 1811 г. на имя генерал-лейтенанта Н.Ф. Ртищева это взаимодействие было описано следующим образом:

«от кабардинцев дела и самые преступления поступают от военных начальников, ибо когда оные переезду на здешнюю сторону на шалости их в том поймают, то тогда отсылают в сей суд для поступления с ними по законам. Кабардинцы никогда сами своих владельцев не выдают, с коими и переписки никакой сей суд не имеет. [Они] относятся к находящемуся при них приставу, чрез которого и доставляются суду требуемые сведения (курсив наш. – А.А.)»¹.

Т.е. этот документ подтверждает, что связь с кабардинцами в этот период осуществлялась по-прежнему через приставские управления. Приставы так же продолжали выполнять роль посредников между судом и представителями знатных кабардинских фамилий, выступавших от имени общества, а в самом документе подчеркивалось отсутствие прямого взаимодействия между ними. При этом за тяжкие преступления ответственность налагалась по нормам российского права.

В 1815 г. в Моздокский пограничный суд поступил рапорт кабардинского пристава майора Гурмандье, в котором он уведомляет судей, что состоял в переписке с подполковником Кучуком Джанхотовым по вопросам доставления «мальчика, у него находящегося, увезенного у подполковника К-ва холопа»². Этот факт дополнительно подтверждает, что между приставом и кабардинцами в 1815 г. была налажена официальная переписка.

Со второй половины 10-х гг. XIX в. наблюдается усиление интенсивности переписки Пограничного суда с приставом Кабарды и возрастает количество дел с участием кабардинцев, рассмотренных в Моздоке.

Анализ документов показывает, что с 1818 г. по сравнению с 1808-1817 гг. объем переписки кабардинцев с Моздокским верхним пограничным судом стал значительно увеличиваться. Однако в 1818-1822 гг. в материалах Суда не было обнаружено прямых свидетельств его взаимодействия с учрежденными в 1807 г. духовными судами. При этом на всех этапах функционирования пограничного суда дела с участием кабардинцев не переставали в нем рассматриваться. Связь Пограничного суда с жителями Большой Кабарды по-прежнему выстраивалась через посредничество кабардинского пристава. Также в качестве отправителя

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 438. Л. 6 об. – 7.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 498. Л. 15 об.

документов от имени местных жителей часто выступал «кабардинский владелец» подполковник Кучук Джанхотов. Так, на основании отношения кабардинского пристава капитана Аносова от 6 января 1818 г. видно, что он направил на имя «кабардинского владельца господина подполковника князя Кучука Джанхотова» письмо «о доставлении находящегося у него под укрывательством бежавшего от К-ва У., бывшего у него на поручительстве»¹. В ответ на это К. Джанхотов сообщал, что «бежавший у подсудимого черкесина А. из-под порук К-ва у него не находится»². В феврале 1818 г. в суд поступило сообщение капитана Аносова, в котором отмечено, что «находящегося в Большой Кабарде князя Таусултана [следует] выслать в сей из той Кабарды не может, потому что [он] находится в числе абреков»³. Как видим, форма взаимодействия Пограничного суда и местного населения в это время не изменилась.

Особенности этого взаимодействия можно определить на примере расследования дела с участием князя Таусултанова в 1818 г., когда из Пограничного суда было направлено сообщение кабардинскому приставу Аносову о его вызове в Моздок и «присылкою в сей суд за просмотром же для вопроса и учинении об нем же повального обыска и вместе доставить в сей же суд»⁴. В некоторых случаях Пограничный суд устанавливал подлинность входящей из Кабарды корреспонденции. В то же году на основании сведений муллы Пограничного суда М-ва, было установлено следующее:

«по переведенному им [муллою Пограничного суда] свидетельству, писанного на татарском диалекте, данного Большой Кабарды от князей и узденей, равно и эфендия, о дворянском достоинстве кабардинского узденя К-ва, находит он оное сомнительным, именно в том, что в оном свидетельстве в последних строках хотя и сказано, что свидетельствовавшие дворянское К-ва достоинство приложили свои именные печати, а некоторые своеручно подписались напротив того. Первое, своеручно никто не подписывался, и письмо татарской речи заключает от одного только переписчика, которым и имена, которым и имена каждого, как видно по просьбе и без всякого ведома написаны, не говоря впрочем, что по неграмотности или почему другому ими то учинено. И второе, из числа приложенных при оном свидетельстве печатей, пять: 1-я князя Арслабека Биарсланова, 2-я подполковника Кучука Джанхотова,

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536. Л. 1 об.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 8 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534. Л. 2.

3-я Алхажди Джамбух Докшукова, 4-я Биарслана Куденетова, 5-я узденя Абдул Кандурова, не есть действительные, а фальшивые. Оказалось, что помянутое на татарском диалекте свидетельство получено для перевода на российский и свидетельства от моздокского г. коменданта при сообщении, а им при том же от кабардинского пристава Аносова, и оно свидетельство скреплено кабардинским секретарем порутчиком Шердановым»¹.

Круг этих примеров можно расширить, но и этого достаточно, чтобы определить специфику деятельности Пограничного суда по управлению функции правосудия в отношении кабардинского населения региона, которая выражалась в его постоянном активном взаимодействии с приставом и представителями этнической элиты на протяжении всего периода функционирования. Таким образом, во взаимодействии Пограничного суда с подведомственными учреждениями локального судебно-административного контроля можно выделить как минимум 2 последовательных этапа: 1) 1793-1807 гг. – коммуникация Пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде, усиление в ней роли кабардинского пристава; 2) 1807-1822 гг. – взаимодействие Пограничного суда с кабардинской знатью через посредство кабардинского пристава после попытки реорганизации родовых судов и расправ путем смены правовой основы судопроизводства с обычного права на шариат. На первом этапе в регионе начала складываться многоуровневая судебная система, которая включала как минимум 3 иерархических уровня: родовые суды и расправы – Пограничный суд в Моздоке – главнокомандующий войсками на Кавказской линии. В это время власти впервые в регионе начали практиковать комплектование кадрами учреждений локального судебно-административного контроля на паритетных началах, когда руководящие должности в них занимали назначаемые в установленном порядке представители военной администрации в регионе, а основу судейского корпуса составляли выборные от местного населения в пределах утвержденных квот делегаты. Причем как родовые суды и расправы, так и Пограничный суд наделялись полномочиями, выходящими за рамки исключительно судебных. Сразу же после их учреждения стали проявляться признаки кризиса сложившейся системы, которые находили внешнее выражение в частой ротации их составов, ненадлежащем исполнении судьями и расправными заседателями своих обязанностей, сложностях межве-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 33-34 об.

домственной коммуникации, бойкотировании очередных выборов судей, стремлении местного населения вернуть соответствовавшие уровню их традиционной соционормативной культуры институты народного правосудия и т.п. После 1807 г. функции пограничного суда по отношению к проживавшим на подведомственной ему территории кабардинцев не изменились, однако факты их прямого взаимодействия с духовными судами в документах не прослеживаются. Взаимодействие пограничного суда с представителями этнической элиты с этого времени выстраивалось в основном через посредничество пристава (начальника) Кабарды. Пограничный суд как и прежде продолжал решать дела с участием кабардинского населения. Однако, несмотря на это, некоторое время после 1807 г. информация о подведомственных Пограничному суду учреждениях локального судебного-административного контроля применялась и в его коммуникации с главнокомандующим войсками на Кавказской линии и Кавказской казенной палатой для учета кадрового состава и расчета объема финансового обеспечения их деятельности. При этом ни Пограничный суд, ни низовые суды выборов делегатов от кабардинского населения не проводили. Полномочия представителей кабардинского народа в Пограничном суде пролонгировались по мере необходимости, появлявшиеся по объективным причинам вакансии на покрывались. Так же в это время не предпринимались попытки активизировать деятельность этих учреждений вплоть до ликвидации Пограничного суда в 1822 г.

2.4 Полномочия и подсудность Моздокского верхнего пограничного суда

Описание полномочий и подсудности Моздокского верхнего пограничного суда с опорой на его делопроизводственные материалы позволяет расширить представления об основных направлениях политики России на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., уточнить сведения об основных направлениях его деятельности, дополнить знания о нем как основном институте российской государственности в регионе в то время. При этом следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, функционал суда был гораздо шире, чем отправление исключительно судейских полномочий. Во-вторых, это был первый опыт, когда для подтверждения имеющих юридическое значение фактов стали практиковаться различные формы фиксации и учета совершавшихся сделок и заключенных договоров. В-третьих, любые

изменения и уточнения подведомственности и объема полномочий Пограничного суда находились в исключительной компетенции высшего военного начальства в регионе.

Моздокский верхний пограничный суд относился к подведомственности рязанского, тамбовского и кавказского генерал-губернатора И.В. Гудовича и был наделен правом взаимодействовать с Кавказским наместническим правлением, палатами (в том числе и казенной) и другими органами (на основании 429 и 430 статей Учреждения о губерниях 1775 г.)¹. Для периодизации деятельности Моздокского верхнего пограничного суда можно предложить несколько оснований. Например, по взаимодействию с учреждениями локального судебно-административного контроля в Большой и Малой Кабарде в настоящем исследовании уже выделяли 2 основных этапа: 1) 1793-1807 гг. – время функционирования родовых судов и расправ и 2) 1807-1822 гг. – после их ликвидации и попытки создания духовных судов «мехмеке». Или же такая периодизация возможна и по времени отправления полномочий главнокомандующими на Кавказе и может быть связана с деятельностью И.В. Гудовича, К.Ф. Кнорринга, П.Д. Цицианова, вновь И.В. Гудовича, А.П. Тормасова, Ф.О. Паулуччи, Н.Ф. Ртищева и А.П. Ермолова.

Моздокский верхний пограничный суд был создан для решения споров и конфликтов, возникавших между представителями разных народов, проживавших за пределами Кавказской линии, а также между ними с одной стороны и имперскими подданными с другой. К подведомственности Пограничного суда относились как дела между представителями разных групп местного населения, так и внутриэтнические споры (за исключением представителей кабардинского населения, внутренние споры которых поначалу решались в родовых судах и расправах)². В документах уточнялось, что в Моздокском пограничном суде разбирались жалобы от «всех вообще азиатцев, под зависимость военного губернатора в сей губернии обитающих»³. В «Наставлении для наблюдения и исполнения Верхнему пограничному суду, по Высочайшему Ея И.В. учрежденному» было определено, что к его подсудности относились тяжбы как между кабардинцами и

«не записавшимися по городскому положению армянами и грузинами, так и между татарами разных родов, на Линии живущими около Бештовых гор и впереди оных и на р. Калаусе, осетинами и другими горскими и затерскими

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 1129-1130.

² Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 57.

³ АКАК. Т. 1. С. 743.

народами, как между сих народов людьми по каковым делам жалобы и просьбы как от кабардинцев на прочих вышеизъясненных людей, так и между сими людьми от одних на других приноситься должны прямо в сей суд»¹.

В работе П.Г. Буткова уточнялось, что к ним относились проживавшие не только в Моздоке, но и в других населенных пунктах на Кавказской линии армяне, грузины и представители других народов, «не записавшиеся по городовому положению ни в гильдии, ни в цехи, а по торгам своим или по другим промыслам находящиеся там временно по части суда или расправы», что дополнительно уточнялось в донесении императору генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга в июне 1799 г.².

К подведомственности Пограничного суда в Моздоке относились гражданские дела в отношении местного населения, проживавшего за пределами Кавказской линии, или споры между ними и российскими подданными, проживавшими в Моздокском уезде Кавказской (а с 1796 по 1802 гг. – Астраханской) области. По тяжким преступлениям (убийства, вооруженные нападения, грабежи, государственная измена) суд выступал в качестве инстанции, ответственной за проведение досудебных следственных действий и сбор доказательств. Моздокский суд на основании российского права разбирал дела, касающиеся «измены, явного ослушания начальства, разбоя, грабежа, воровства, учиненных насильственно вооруженною рукой, и убийства»³. Кроме того, суд выполнял ряд административных (выдача выездных билетов), полицейских (розыск преступников), нотариальных (заверение сделок, удостоверение социального статуса) и других полномочий.

Этнический состав участников судебных разбирательств определялся территориальной подведомственностью Пограничного суда, которая расширялась по мере продвижения России вглубь Кавказа и менялась по мере преобразования системы приставских управлений на Центральном Кавказе. Н.Г. Айдарова обратила внимание на то, что Пограничный суд «разбирал дела моздокских осетин, однако известны были и случаи, когда к его услугам прибегали жители горной Осетии»⁴.

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 1140.

² Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 57.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Спб., 1869. Ч. 2. С. 264; Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825 гг.). Нальчик, 1998 С. 126; Ставропольский. Записки о Кабарде. Спб., 1865 // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 34. Л. 73.

⁴ Айдарова Н.Г. Эволюция судебной системы в Осетии... С. 105.

З.М. Блиева отмечала, что «после открытия в Моздоке верхнего пограничного суда, здесь стали разбираться тяжбы и уголовные преступления не русского населения Моздока и его окрестностей»¹. Материалы правоприменительной практики суда показывают, что, например, в 1816-1822 гг. по этническому составу в Пограничном суде разбирались дела с участием осетин², кабардинцев³, ногайцев⁴ (в том числе, и караногайцев⁵), чеченцев (в документах Суда – очокан)⁶, грузин, в некоторых случаях, армян⁷, трухменцев⁸, моздокских кабардинцев⁹, калмыков¹⁰, казаков¹¹. Ниже на основе анализа делопроизводственных документов Суда приведем подробный перечень народов, чьи представители участвовали в его деятельности в качестве одной из сторон разбирательства.

Юридической основой судопроизводства в Моздокском пограничном суде по спорам и конфликтам были российские правовые нормы. Причём деятельность суда в этом плане может восприниматься как первый опыт внедрения на Центральном Кавказе норм российского права в систему регулирования общественных отношений местных жителей. До этого основными социальными регуляторами у большинства народов региона были обычаи и традиции, у некоторых – нормы мусульманского права. Однако сужение регулятивных возможностей традиционных социальных норм и институтов саморегуляции у них протекало поэтапно и было связано с введением системы приставских управлений в Кабарде в 1769 г. и строительством Азово-Моздокской кордонной линии в 1777-1778 гг. Так, с учреждением должности кабардинского пристава представителям этнической элиты предлагалось согласовывать с российской властью принимаемые ими коллективные решения, устанавливался запрет на применение в практике противоречивших российскому праву обычаев и традиций, устанавливался контроль за перемещением населения по территории региона и т.п. В его компетенцию

---

¹ Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. ... С. 78.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 1.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 25 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 15.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 1 об.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 521. Л. 5.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536. Л. 24 об.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 93 об.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 29.

также входило и рассмотрение апелляций на «решения родовых судов и расправ по гражданским искам, дозволенная тяжущимся в случае неудобства на решения тех судов и расправ»¹. Дела о тяжких преступлениях направлялись «для дальнейшего поступления по законам или военному начальнику, на Линии поставленному, или ген.-губернатору Кавказского наместничества»².

С учреждением Пограничного суда на Центральном Кавказе начал складываться соционормативный плюрализм, когда при регулировании общественных отношений применялись нормы российского права, шариата, обычаи и традиции. Каждый акт применения российских норм в деятельности Моздокского пограничного суда документировался и отражался в резолютивной части выносимых приговоров как правовое основание принятия решений. В частности, в 1818 г. в деле о споре о принадлежности холопей суд принимал решение на основании «Высочайших указов 1746 г. марта 14-го, 1783 г., октября 20 и 1816 года ноября 24-го»³. По некоторым финансовым спорам, решаемым в Пограничном суде, правовым основанием принятия судьями решения был императорский манифест от 28 июня 1786 г. «Об учреждении государственного заемного банка»⁴. Решения с отсылкой к соответствующим нормам принимались по спорам о социальном статусе жителей региона⁵, о правах на холопов, делах об убийствах, грабежах и т.д.

При этом применение российского права в Верхнем пограничном суде при решении споров и конфликтов не исключало бытования адата и шариата в других сферах общественной жизни, требовавших нормативного регулирования. Обычаи и традиции местных жителей продолжали применяться при регулировании общественных отношений на протяжении всего периода деятельности Пограничного суда, о чем до настоящего времени сохраняются многочисленные подтверждающие сведения. Например, в 1795 г. в деле о краже лошадей у жителя Большой Кабарды О. сообщалось, что судьи предложили передать спор на рассмотрение народного суда «для учинения о кабардинских обычаях положения»⁶. Мы уже обращали внимание в настоящем исследовании

---

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Спб., 1869. Ч. 2. С. 264.

² Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 50.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 65.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 595. Л. 11.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 65.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

на то, что применение мусульманского права при решении споров и конфликтов у кабардинцев проходило еще в дороссийское время. Косвенным подтверждением существования суда по мусульманскому праву являются их многочисленные просьбы о замене вновь учрежденных судов шариатскими, наиболее соответствующими их традиционному правосознанию. Кроме того, в социально-политической истории Кабарды начала XIX в. были и другие примеры признания российскими властями применения шариата в качестве источника права, например, в реорганизованных в 1807 г. судах. Постепенно сложились и стали применяться в практике принципы разграничения сфер применения источников права. Так, нормы российского права применялись в основном для решения тяжких преступлений, адата – мелких бытовых преступлений и гражданских споров, шариата – семейных, наследственных и религиозных вопросов. Примечательно, что принципы разграничения сфер применения адата, шариата и норм российского права при регулировании общественных отношений сохранялись практически во всех созданных Россией на Центральном Кавказе учреждениях локального судебно-административного контроля вплоть до революции 1917 г., а в начале 20-х гг. XIX в. эти принципы были еще и закреплены в нормативно-правовых актах¹. Полагаем, что санкционирование российской властью применения различных по видовой принадлежности социальных регуляторов является одним из важных механизмов инкорпорации народов региона в правовое пространство империи.

Одной из главных обязанностей суда в то время была выдача билетов (разрешений) на право пересечения Кавказской линии. В документах суда часто встречаются записи о билетах, выданных на имена членов суда для выезда за пределы линии по служебным делам или к месту жительства на период отпуска (среди них члены суда: представитель Малой Кабарды в суде уздень Кургоко Перхичев², представители Большой Кабарды – майор Алексей Мисостов³ и Биаслан Кайтукин⁴). Как правило, в билете указывались имя и фамилия того, кому он был выдан, пункт назначения и сроки поездки. Иногда бывшим подсудимым выдавались билеты, чтобы они могли проследовать обратно к месту жительства⁵.

---

¹ Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Майкоп, 1997. С. 155.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 1.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 13 об.

Определенное место в деятельности Пограничного суда занимало отправление им нотариальных функций. Например, он заверял документы, устанавливавшие легитимность совершаемых сделок и заключаемых договоров. Также для обеспечения его деятельности некоторые смежные полномочия закреплялись за представителями мусульманского духовенства. Например, 3 октября 1794 г. на общем собрании судей родовых судов и расправ при участии членов Пограничного суда подполковника князя Уракова и секунд-майора Р. Мисостова было принято решение от том, что если при бракосочетании сторона мужа и жены заключала определенный договор, то его засвидетельствование возлагалось на кадия. Без этого соглашения признавалось недействительным и не могло быть принято во внимание членами родовых судов и расправ в случае возникновения спора или конфликта¹. Схожее правило было установлено и в отношении духовных завещаний. Родовые суды и расправы могли принимать к рассмотрению споры о наследстве и в качестве доказательств по ним рассматривали духовные завещания, составленные надлежащим образом представителями мусульманского духовенства. Несогласные с духовным завещанием участники процесса подлежали штрафованию в размере, эквивалентном стоимости одного невольника². Отсутствие составленных в установленном порядке и заверенных представителями мусульманского духовенства документов являлось и основанием для Пограничного суда для отклонения апелляционных жалоб на решения родовых судов и расправ по этой категории споров.

Установление фактов, имеющих юридическое значение, в деятельности Пограничного суда проводилось на основании норм российского права. Зачастую под эту юрисдикцию попадали местные жители, проживавшие за пределами Кавказской линии. Основной формой установления легитимности совершенной сделки и других фактов было наличие письменного документа с указанием всех необходимых обстоятельств. Материалы деятельности суда показывают, что засвидетельствования применялись в отношении сделок по купле-продаже невольников, регулированию долговых обязательств и в некоторых случаях установлению социального статуса личности³.

---

¹ Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 30.

² Там же. С. 34.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 7 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 93 об. и т.п.

Кроме того, суд часто рассматривал дела о долговых обязательствах, в большинстве которых для принятия решений требовалось установить факты их заключения до возникновения споров. Суд решал многочисленные имущественные и финансовые споры между купцами, мелкими торговцами и другими предпринимателями, в основном представителями российского, грузинского и армянского населения региона. В качестве доказательной базы предъявляемых претензий и требований Суд принимал как устные свидетельские показания, так и различные формы письменной фиксации долговых обязательств. Причем, дата составления подтверждающего документа не учитывалась. Они могли быть составлены и до образования Пограничного суда. Например, в 1794 г. в Пограничном суде решался финансовый спор проживавших в Моздоке грузинских купцов, по которому один из них на договорных началах принимал участие в торговых операциях другого на правах инвестора и претендовал на часть прибыли¹. В качестве подтверждающего документа судьям на рассмотрение была предложена составленная в 1786 г. на грузинском языке расписка. Она была переведена на русский язык, по итогам ее рассмотрения договоренность получила соответствующее подтверждение, сделка была признана легитимной, и суд принял решение удовлетворить требования потерпевшей стороны.

В числе делопроизводственных документов Пограничного суда упоминаются подписки (расписки) о долговых обязательствах. В подписках указывалась суть вопроса, основания и размер долга, в обязательном порядке приводилась информация о свидетелях, при которых они составлялись. Такая же форма придания юридической силы документам о принятии обязательств предусматривалась и в отношении закладных писем. Закладные письма в то время составлялись для подтверждения передачи залога для обеспечения исполнения сделки и как правило содержали соглашение о праве продажи залогодержателем заложенного имущества или крепостных в случае неисполнения залогодателем принятых обязательств. В качестве объектов закладных в документах упоминалось в основном имущество, в некоторых случаях – люди (представители подвластных категорий общества). Например, в 1809 г. в Пограничном суде разбиралось дело по иску жителя Большой Кабарды Х. о засвидетельствовании закладного письма, подготовленного жителем Моздока Б. Суть письма заключалась в том, что один

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 595. Л. 11.

должен был другому 250 руб. за приобретённого невольника¹ и забрал его под залог до полной уплаты указанной суммы. Аналогичное прошение рассматривалось в 1810 г. по заявлению жителя Большой Кабарды знатного кабардинца А. о свидетельствовании закладного письма в отношении другого знатного кабардинца Б., в котором говорилось о том, что в качестве обеспечения долгового обязательства на сумму 320 руб. он также передал под залог своего невольника². Сторонами вопроса о засвидетельствовании закладных писем, с одной стороны, выступали жители Моздокского уезда, с другой – представители местного населения, проживавшие за Линией. Тем самым они вовлекались в гражданско-правовые отношения, регламентированные российскими нормативными актами, и, как показывает практика, считали скрепление закладных писем в суде действенным регулятором общественных отношений с представителями соседних народов.

В некоторых случаях Моздокский верхний пограничный суд выполнял и правоустанавливающие функции по вопросам определения социального статуса жителей подведомственных территорий. Суд выступал в качестве инстанции, наделенной помимо прочего правом выдавать заверенные выписки из официальных документов (нормативных актов, жалованных грамот и т.п.), содержащих сведения о социальном статусе заинтересованных участников процесса. Суд принимал решения по закреплению социальных статусов представителей разных социальных групп (от привилегированных до подвластных) и взаимодействовал с организациями, занимающимися вопросами признания дворянского статуса представителей разных народов Кавказа. В частности, в 1816 г. в суд из Кавказского губернского дворянского депутатского собрания³ на основании заявления представителей привилегированных сословий местных жителей о внесении их в родословную книгу по Кавказской губернии поступил запрос о подготовке копий с жалованных кабардинцам грамот Екатерины II от 9 августа 1771 г. и Александра I от 20 января 1812 г.⁴ В запросе отмечалось, что депутатское собрание

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 4.

² Там же. Л. 5 об.

³ А.А.: Кавказское губернское дворянское депутатское собрание было образовано в 1803 г. в Георгиевске. Оно было наделено правом ведения родословных книг, взаимодействия с департаментом герольдии Правительствующего Сената и другими учреждениями власти, внесения записей в родословную книгу по Кавказской губернии, выдачи дворянских грамот и свидетельств и др. (См.: Чикаева К.С. Дворянское депутатское собрание на Северном Кавказе в XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 240).

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 511. Л. 1.

запрашивало выписки из указанных документов, «не имея в виду, какие именно из кабардинских и других горских владельцев и узденей фамилии должны воспользоваться дворянством»¹. 1 ноября 1816 г. суд принял решение подготовить и направить в дворянское собрание копии запрашиваемых документов. Напомним, что жалованная грамота Екатерины II кабардинцам (1771) подтверждала право их владельцев на возвращение беглых крестьян и отказывала им в просьбах скрыть крепость Моздок². Грамота Александра I от 20 января 1812 г. подтверждала права, данные кабардинцам грамотой 1771 г.³

В деятельности Пограничного суда значительный объем вопросов, связанных с заверением социального статуса, рассматривался в отношении населения, проживавшего за Линией. Причём большая их часть приходилась на 10-е – начало 20-х гг. XIX в. Инициаторами разбирательств чаще всего становились отдельные жители, претендовавшие на замещение вакантных должностей в органах имперской власти на Кавказе или преследовавшие цели извлечения экономической выгоды. В качестве доказательств искомого статуса соискатели предлагали письменные документы или привлекали показания свидетелей. И те, и другие тщательно проверялись судьями при вынесении решений. В 1818 г. в суде рассматривалось заявление жителя Большой Кабарды о признании его в дворянском достоинстве. В качестве доказательства был приложен документ на «татарском диалекте»⁴, который подвергся экспертизе на предмет установления его подлинности.

Большой объем дел, решаемых в Пограничном суде по вопросам закрепления социальных статусов местного населения, касался признания личной свободы отдельных представителей зависимых сословий. В частности, в 1818 г. в деле на основании прошения жителей селения Чернойрского Моздокского уезда армян С. и А., претендовавших на освобождение от крепостной зависимости⁵, суд принял решение освободить их и предоставить им возможность поселиться среди армянского населения Моздока⁶. Чаще всего основаниями освобождения от

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 511. Л. 1.

² КРО. Т. 2. С. 299-303.

³ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинским. Нальчик, 1994. С. 170-172.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 33-34 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 63.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 65.

крепостной зависимости по решению суда были смена конфессиональной идентичности¹, признание ранее заключенных неформальных сделок о предоставлении вольности² и т.п.

Таким образом, учреждение Моздокского верхнего пограничного суда было одним из действий российских властей, направленных на установление системы локального судебно-административного контроля за народами Центрального Кавказа, проживавшими за пределами Кавказской линии. По форме организации суд представлял собой организацию, сочетавшую в своей деятельности принципы российской государственной и военной службы и политико-правовые традиции местного населения. Моздокский верхний пограничный суд представлял собой учреждение широкого профиля и принимал решения в разных сферах правоприменительной деятельности. Так, помимо судебных полномочий, пограничный суд выполнял досудебные процессуальные (проведение следственных мероприятий для обеспечения правосудия как в пределах своей компетенции, так и по запросам других судебных органов), делопроизводственные (перевод документов с языков местного населения на русский), некоторые административные функции (контроль за перемещением населения и учет фактов легального пересечения границы (линии) и выдача проездных билетов), нотариальные (заверение подтверждающих совершение сделок документов, установление имеющих юридическое значение фактов, участие в регулировании споров по долговым обязательствам, подтверждение социального статуса коренных жителей и т.п.).

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 78; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 117.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 79.

ГЛАВА 3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАКТИКА МОЗДОКСКОГО ВЕРХНЕГО ПОГРАНИЧНОГО СУДА

3.1 Финансовое обеспечение деятельности Моздокского верхнего пограничного суда

Изучение места Моздокского верхнего пограничного суда в системе органов суда и власти на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. было бы неполным без анализа некоторых качественных и количественных характеристик его деятельности в финансовой, кадровой и правоприменительной сферах. Сведения о финансовом и кадровом обеспечении его деятельности дают возможность расширить наши представления о Пограничном суде в Моздоке как значимом органе российской судебно-административной системы на Центральном Кавказе, т.к. являются демонстрацией различных форм встраивания местного населения в государственное тело империи. Наиболее чувствительным к этим нововведениям оказались коренные жители, непосредственно вовлеченные в практики судебных разбирательств. А изучение их социального и гендерного состава дает возможность расширить наши представления о трансформации разных сторон их общественной жизни, в том числе и о глубинных преобразованиях (например, на уровне предпосылок и истоков формирования российского гражданского самосознания, эмансипации женщин и т.п.). Исследование особенностей правоприменительной практики Пограничного суда характеризует его повседневную деятельность.

Введение российскими властями системы учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе (пограничные суды, приставские управления) в последней трети XVIII в. сопровождалось целым рядом сложностей, в том числе и необходимостью решения вопросов об организации финансового обеспечения их деятельности. Первые шаги в этом направлении предполагали определение источников финансирования этих учреждений (на начальном этапе – в основном за счет ассигнований казенных денежных средств), выработку порядка отпуска им денежных средств казёнными палатами и территориальными казначействами, организацию учета и контроля за их расходованием и т.п. С течением времени круг учреждений локального судебно-административного контроля расширялся по мере включения в политическую орбиту империи новых территорий, росло количество вовлеченных в их деятельность служащих, увеличивалась финансовая нагрузка на казну. Кроме того, на этом этапе закладывались

предпосылки к последующему внедрению в регионе системы военно-народного управления. Еще раз обратим внимание на то, что апробированные на примере учреждений локального судебно-административного контроля принципы администрирования (когда высшая власть в конкретном административно-территориальном образовании или специализированном учреждении принадлежала назначаемым в установленном порядке российским офицерам, а на основные должности в административных и судебных органах делегировались местные жители по результатам народных выборов) практиковались вплоть до революционных событий 1917 г. Со временем лишь отчасти менялись способы финансового обеспечения деятельности учреждений локального судебно-административного контроля и их правопреемников: если на начальном этапе оно осуществлялось почти в полном объеме за счет казенных средств, то с окончательным закреплением системы военно-народного управления в конце 50-х гг. XIX в. и по мере вовлечения коренных жителей в систему налоговых отношений по российскому образцу на эти цели стали направляться и средства, собираемые с них по земским раскладкам, и отчасти – за счет средств народных (общественных) капиталов.

Изучение основных вопросов финансового обеспечения деятельности Пограничного суда представляет собой определенный научный интерес, т.к. дает возможность глубже исследовать особенности расширения российского аппарата государства на южной его окраине, вовлечения местного населения в экономическую систему России.

Финансирование деятельности Пограничного суда осуществлялось за счет ассигнований имперской казны. Выделяемые средства направлялись на оплату жалования его судей и персонала и на канцелярские расходы. Периодически по мере необходимости дополнительно выделялись средства на экстраординарные расходы¹ (не предусмотренные утвержденным бюджетом, например, прогонные «посылаемым разным людям для доставления в разные места» корреспонденции суда²). Альтернативных источников финансирования деятельности Пограничного суда не предусматривалось. Для организации движения и учета денеж-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 364. Л. 1 об.

² Там же. Л. 2.

ных средств по суду в их структуре предусматривались должности приходчика и расходчика¹. Они выполняли свои полномочия на основе специальных указов председателя Пограничного суда².

В качестве одного из важнейших механизмов ритуально-символического закрепления статуса судей и расправных заседателей были денежные выплаты за их деятельность из российской казны. Им были определены должностные оклады, правовые основания к чему закреплены в указе Екатерины II «о родовых судах и расправах в Большой и Малой Кабарде»³. Размер жалования (должностного оклада) зависел от занимаемой его получателем должности в суде и от фактов совмещения должностей по другим направлениям службы.

Также за счет средств российской казны финансировались оплата труда служащих и накладные расходы подведомственных Пограничному суду низовых судов (родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде), т.к. они функционировали независимо друг от друга, отличался лишь социальный состав участников разбирательств. Т.е. в родовых судах разбирались дела представителей высшей социальной прослойки кабардинского народа (князей), а в расправах их участие исключалось. Поэтому объем их финансирования был неодинаковым. Судьи родовых судов получали жалование больше, чем расправные заседатели. Жалование председателей родовых судов составляло 200 руб. в год, судей – по 150 руб., представителей мусульманского духовенства – 100 руб., их помощников – 80 руб. В расправах председателям полагалось по 130 руб. в год, заседателям и представителям духовенства по 100 руб., их помощникам по 80 руб.⁴ При этом в зависимости от их количественного состава на содержание родовых судов из российской казны выделялась сумма меньше, чем на содержание расправ (730 руб. в судах, против 1070 руб. в расправах⁵).

На финансирование родового суда Малой Кабарды в 1793 г. определялось 740 руб. в год⁶, в том числе: председателю – 200 руб., двум выборным заседателям по 150 руб., мулле для письменных дел – 100 руб., его помощнику для переписок – 80 руб., на канцелярские расходы – 60 руб.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 6.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 526. Л. 7.

³ Там же. Л. 15-16.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 73. Л. 15-16.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 44-44 об.

На финансирование родовой расправы Малой Кабарды в 1793 г. выделялось 870 руб.¹, в том числе: председатель – 150 руб., пяти заседателям (четверых из старших узденей и одного от духовенства) по 100 руб., мулле для письменных дел – 100 руб., двум его помощникам для переписок – по 30 руб., на канцелярские расходы – 60 руб.

Примечательно, что количество расправных заседателей в них отличалось. Так, в составе обоих родовых расправ Большой Кабарды предусматривалось по 7 заседателей (по 6 – от старших узденей для разбирательства дел по нормам обычного права и по 1 кадию для разбирательства дел по нормам мусульманского права). Тогда как в штате родовой расправы Малой Кабарды предусматривалось только пять заседателей (четверых из старших узденей для разбирательства дел по нормам обычного права и одного от духовенства для разбирательства дел по нормам мусульманского права)². В связи с чем отличался и объем их годового финансирования: 1070 руб. в год для родовых расправ Большой Кабарды против 870 руб. – для Малой.

Эти расчеты в переписке высших должностных лиц российского государства применялись для оценки сложившейся в регионе военно-политической ситуации в конце XVIII в., что следует из данных, приведенных во всеподданнейшем рапорте графа А.И. Моркова от 9 ноября 1793 г.³ Отдельные оклады устанавливались и для работавших в суде представителей мусульманского духовенства (муллы и двух его помощников)⁴. Всего в 1793 г. годовой бюджет Пограничного суда (по всем статьям расходов) был определен в объеме 6280 руб.⁵ Всего на содержание Пограничного суда и родовых судов и расправ за счет государственной казны отпускалось 11 680 руб. в год⁶. Эта сумма оставалась фиксированной и применялась для расчета бюджета Пограничного суда в последующем. Однако средства на оплату жалования периодически (в основном поквартально) запрашивались в уездном казначействе на основе сведений о кадровом составе суда и покрытии имеющихся вакансий. Случалось, что неизрасходованные средства возвращались обратно в казначейство. В практике Пограничного суда встре-

---

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 44-44 об.

² См.: штаты родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды по состоянию на 1793 г. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 44-44 об.

³ АКАК. Т. 2. С. 1129-1130.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 11 об. – 12.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 15-16.

⁶ АКАК. Т. 2. С. 1129-1130.

чались и нетипичные случаи расходования казенных средств, выделенных на финансовое обеспечение его деятельности. Например, в случае смерти служащего суда до момента погашения вакансии его жалование получали члены его семьи, и каждом таком случае Пограничный суд сообщал в Моздокское уездное казначейство¹.

Однако на практике случалось, что выплаты жалования судьям родовых судов и расправным заседателям задерживались, и они часто подавали жалобы в Моздокский верхний пограничный суд по этому поводу. Например, в 1794 г. в Пограничный суд поступил рапорт «Большой Кабарды владельца» Бекмурзина и Кайтукина родового суда, в котором отмечено, что служащие суда жаловались, что не получают жалование, положенное по штату каждому². Возможно, это было одним из дополнительных оснований их уклонения от исполнения функций правосудия.

По вопросам финансового обеспечения его деятельности Пограничный суд взаимодействовал с непосредственным начальством в лице главнокомандующего войсками на Кавказе³, с которым он в основном согласовывал вопросы назначения и выплаты жалования служащим за счет российской казны⁴. Типичным распоряжением и для главнокомандующего при утверждении в должности нового члена Пограничного суда были распоряжения Моздокскому уездному казначейству «положенное жалование по штату вместе с прошением чиновника по заслуге требовать»⁵. Члены суда получали жалование из этого казначейства также с 1793 г.⁶ Такие распоряжения поступали и при назначении на должность председателя Пограничного суда. Назначение происходило на основании предложения главнокомандующего войсками в регионе одновременно с утверждением в должности Моздокского коменданта (т.к. на протяжении почти всего периода функционирования Пограничного суда эти две должности совмещал один служащий)⁷.

Помимо главнокомандующего войсками на Кавказе, по этим вопросам Пограничный суд напрямую взаимодействовал еще и с рядом финансовых органов: Кавказской казенной палатой, уездными казначей-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 425. Л. 3.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 93 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 504. Л. 1

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 81.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.

ствами. Основная нагрузка в этом плане ложилась на Моздокское уездное казначейство – распорядителя казенных финансовых средств в Моздокском уезде Кавказской губернии. Однако на начальном этапе деятельности (в частности, в 1794 г.) встречались случаи частичного финансирования Пограничного суда и родовых судов и расправ за счет средств Новогеоргиевского (Георгиевского) уездного казначейства¹. Возможно, этот вопрос был связан с административно-территориальными преобразованиями и требует более детального уточнения. При этом исследование истории деятельности Моздокского уездного казначейства (подведомственного с 1793 по 1796 гг. Кавказской, с 1796 по 1802 гг. – Астраханской², а с 1802 г. – вновь Кавказской казенной палате – основным институтам финансовой системы Кавказской губернии, преобразованной в 1827 г. в Ставропольскую казенную палату) и его взаимодействия с Пограничным судом в 1793-1822 гг. тоже может быть предметом самостоятельного исследования.

Вместе с тем объем финансирования Пограничного суда в течение всего периода его деятельности несколько раз пересматривался. Например, на основании именного указа Правительствующему Сенату от 5 сентября 1799 г. устанавливалось, чтобы в Пограничном суде «быть председателем Моздокскому коменданту с жалованием по 300 рублей в год, в прибавок к получаемому им по месту, и при нем двум заседателям из статских чиновников, определенным с жалованием каждому по 300 рублей в год»³. В указе уточнялось, что «отпуск по сему положению ежегодно суммы 400 рублей в дополнение прежде ассигнованных на сие место 500 рублей Сенат представил государственному казначею и министру финансов»⁴.

В отношении генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга к министру финансов графу А.И. Васильеву от 20 марта 1802 г. проводилась роспись всех финансовых расходов на обеспечение деятельности учреждений локального судебно-административного контроля, находившихся в его подведомственности (т.н. пограничные расходы по Астраханской губернии), содержание аманатов. Согласно документу, за счет российской казны финансировались расходы на выплату жалования чиновникам и канцелярским служащим по пограничной части, дела при главно-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 37. Л. 1; 23. Д. 54. Л. 1.

² ГА АО. Ф. 504. Оп. 1. Д. 1-7.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 40-41.

⁴ Там же.

командующим войсками на Кавказской линии, переводчикам и толмачам разных языков (персидского, турецкого, арабского, татарского, калмыцкого и др.), Главного и частных приставских управлений, Пограничного суда и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде, калмыцкого суда Зарго, аманатов от местного населения (кабардинского, осетинского, «горского»), расселения переместившихся с горной местности на равнину местных жителей, «трактование и подарки» приезжавших на встречи с российским военным начальством представителей региональных этноэлит, жалование и пенсии состоящим на российской службе представителям местного населения и т.п. Так, на основании утверждённого штата родовых судов и расправ от 19 апреля 1793 г. и корректирующего его именного указа от 5 сентября 1799 г. на их содержание ассигновалось 5 120 руб. в год¹. Моздокский верхний пограничный суд в то время обходился казне в 6 680 руб. в год². Всего 11 800 руб. в год. Эти данные показывают, что общее финансирование этой группы учреждений локального судебно-административного контроля в год незначительно увеличилось по сравнению с объемом 1793 г. (на 120 руб.). При этом объем финансирования Пограничного суда увеличился на 400 руб. в год, а родовых судов и расправ снизился на 280 руб. в год. Это было связано с увеличением должностных окладов Пограничного суда и сокращением фактического штата судей и расправных заседателей.

После 1802 г. некоторые вопросы финансирования деятельности Пограничного суда согласовывал напрямую с Кавказской казенной палатой³. Примечательно, что основанием для направления средств в суд было своевременное предоставление судом сведений о штатной расстановке и имевшихся вакансиях. Например, на основании анализа сообщения Кавказской казенной палаты вышестоящему начальству от 24 апреля 1808 г. видно, что расходы на содержание Пограничного суда и родовых судов и расправ⁴ включались в структуру губернских расходов⁵. Для сбора данных Кавказская казенная палата периодически направляла в Пограничный суд запросы о предоставлении сведений о штатной

---

¹ АКАК. Т. 1. С. 743-745.

² Там же.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 521. Л. 4.

⁴ А.А.: так в документе, несмотря на то что в историографии утвердилось мнение, что после 1807 г. родовые суды и расправы перестали существовать, а взамен них были созданы духовные суды «мехкеме».

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.

структуре суда. Сведения должны были направляться в экспедицию палаты незамедлительно после получения запроса¹. На что председатель Пограничного суда сразу же давал соответствующий приказ об изготовлении точных копий с имеющихся при суде штатов (как собственных, так и родовых судов и расправ) и, подкрепив сопроводительным письмом, направлял в экспедицию Кавказской казенной палаты².

При исследовании вопроса о финансовом обеспечении работы Пограничного суда определенный интерес представляют сведения и о его деятельности, приносившей доход. Суд, особенно на завершающих этапах функционирования (1816-1822 гг.), за определенную плату выдавал заинтересованным жителям соответствующие письменные документы: аттестаты о профессиональной деятельности различным категориям служащих суда, выписки из документов о разбирательстве дел, письменные засвидетельствования «устных сделок» (в большинстве случаев – о купле-продаже невольников³) или принимаемых сторонами гражданских отношений обязательств. Примечательно, что собираемые от доходной деятельности средства в то время (по данным документов, относящимся к 1816-1822 гг.) направлялись в Моздокское уездное казначейство⁴. Например, в Моздокское уездное казначейство поступала значительная часть денежных средств, полученных Пограничным судом за удостоверение и выдачу письменных документов (в том числе: за выдачу служащим суда аттестатов о службе, подготовку выписок из дел, за засвидетельствование обязательств и «устных сделок» (в основном, продажи зависимых крестьян))⁵.

Социальный состав служащих суда во многом зависел от способа их приема на работу: если статус судей и служащих суда, работавших на назначаемых должностях, практически не учитывался, то на выборные от местного населения должности принимались в основном представители привилегированных сословий. Судьями становились в основном мужчины средних лет, накопившие к моменту назначения опыт гражданской и военной службы в других учреждениях. Тогда как на вспомогательные должности (делопроизводитель, протоколист, архивариус и т.п.) могли приниматься и представители молодежи, делавшие первые шаги на гражданской службе.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 1.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 538; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 81.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 538.

Определенный интерес для настоящего исследования представляют вопросы о каналах движения средств, поступивших в виде пошлин за совершение процессуальных и иных актов действий или взысканных Пограничным судом в виде штрафов в качестве наказаний за правонарушения. Например, в приходе за 1818 г. (журнале регистрации прибыльных статей Пограничного суда) отмечены суммы: 1) взысканные с моздокского жителя осетина Данилы Фартеева за засвидетельствование письменного акта печатями (эти деньги были перечислены из суда в Моздокское уездное казначейство); 2) за выдачу члену суда аттестата о службе, подготовку выписки из дела, засвидетельствование обязательства, засвидетельствование «устного письма», за засвидетельствование сделки (в основном, продажи холопов); 3) «записанные в приход присланные от главного караногайского пристава Балугева при сообщении от 4 февраля 1818 г. за № 27, взысканы с... караногайцев на удовлетворение муллы Магомета Мусаева» (эта сумма поступила в распоряжение самого муллы из суда, о чем есть соответствующая пометка в журнале, рядом с которой помещена подпись муллы с использованием арабоязычной графической основы¹). Средства, поступающие в Моздокский верхний пограничный суд от уплаты штрафов и взимания государственных пошлин, направлялись в казначейство и фиксировались в качестве доходных статей бюджета.

Таким образом, на начальном этапе введения системы учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе их деятельность выстраивалась за счет ассигнований казенных денежных средств по утверждённым в установленном порядке бюджетам. На обеспечение деятельности Пограничного суда из казны выделялось больше средств, чем на остальные учреждения локального судебно-административного контроля. С момента образования Пограничного суда основные средства направлялись на оплату жалования судьям и персоналу, канцелярские и экстраординарные расходы. Размер жалования зависел от занимаемой должности (для председателя, судей из российских офицеров и персонала) и социального статуса (выборных судей от представителей местного населения). Размер жалования судей Пограничного суда был выше, чем судей низовых судов в системе учреждений локального судебно-административного контроля (родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде). По вопросам финансового обеспечения своей деятельности Пограничный суд в пре-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 538.

делах своей компетенции взаимодействовал с военно-административными (главнокомандующим войсками на Кавказе) и финансовыми (казенной палатой и уездными казначействами) органами российского аппарата государства. Они осуществляли по отношению к Пограничному суду распорядительные, ревизионные функции. Для документирования финансирования деятельности Пограничного суда сложилась делопроизводственная практика, ответственными за реализацию которой были секретарь, приходчики и расходчики суда. Примечательно, что средства суда, поступающие от приносящей доход деятельности, обращались в пользу государства и направлялись в распоряжение уездного казначейства. В целом, финансовое обеспечение деятельности Пограничного суда за счет российской казны в 1793-1822 гг. являлось одним из основных механизмов расширения аппарата российского государства на его южной окраине и закладывало определенную модель, в которой функционировали учреждения локального судебно-административного контроля в последующем.

3.2 Кадры Моздокского верхнего пограничного суда

При исследовании динамики социальных процессов в переходные исторические периоды (смена формы государства или политического режима, включение территории одного государства в состав другого и т.п.) большой научный интерес представляют проблемы трансформации и смены социально-политических элит и формы признания и закрепления их статусов в новых политико-правовых реалиях. На материалах истории народов Центрального Кавказа эта проблема детально просматривается на примере деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и включения в его состав представителей местного нобилитета, придерживавшегося пророссийской политической ориентации. Ее решение позволит подробнее изучить состав и статус представителей привилегированных сословий некоторых северокавказских народов в условиях интеграции в состав Российской империи; охарактеризовать государственные нормативные акты относительно этой группы подданных империи; определить способы ритуально-символического закрепления статуса региональных этноэлит (должности, звания, жалование от казны и т.п.); охарактеризовать отношения этноэлит с государственной властью и т.п. Изучение принципов и порядка назначения и вступления в должность служащих Пограничного суда представляет определенный научный интерес еще и потому, что дает возможность

глубже исследовать основные направления этнической политики Российской империи на присоединяемых территориях и механизмы включения представителей региональных элит в ее политико-правовое пространство.

Этническая политика России на Центральном Кавказе с самого начала внедрения первоначальных форм локального судебного-административного контроля учитывала различные формы кооптации местных элит в политико-правовое пространство (например, включение местных жителей в состав Пограничного суда, выплата им жалования и присвоение класных чинов и воинских званий). При этом практиковались демократические принципы комплектования кадрами создаваемых для местных жителей судебных органов – судьи поступали на службу в суды по итогам проводимых выборов в представляемых ими обществах. Напомним, что результаты выборов утверждались высшим военным начальством в регионе, а избранники допускались к работе в судах после принятия присяги по канонам той религии, к которой принадлежали. При этом пограничный суд представляет интерес и как учреждение, в составе которого работали представители коренных народов Центрального Кавказа, и как учреждение, отвечавшее в определенной мере за ротацию судей и расправных заседателей в Большой и Малой Кабарде.

Для исследования этого аспекта проблемы еще раз подчеркнём, что Моздокский верхний пограничный суд состоял из председательствующего (Моздокского коменданта), двух русских офицеров, шести кабардинских князей и шести дворян, одного армянина, одного грузина, одного мурзы от ногайцев, проживавших в то время в районе Пятигорья, трех переводчиков, секретаря суда, протоколиста, регистратора и архивариуса. Своего представителя в этом суде имело и мусульманское духовенство. В нем предусматривались должности муллы для делопроизводства и помощников муллы – для переписок. Как в родовых судах и расправах, состав Пограничного суда переизбирался через каждые три года. Российские офицеры-судьи, служащие суда и представители мусульманского духовенства назначались и освобождались от должности в установленном на основании предложения председателя суда после утверждения главнокомандующим войсками на Кавказской линии. Судьи – делегаты от местного населения утверждались главнокомандующим по результатам проведенных в обществах выборов в рамках установленных в указе Екатерины II «О родовых судах и расправах

в Большой и Малой Кабарде» квот¹. Ими, как правило, были представители привилегированных сословий в своих обществах.

В некоторых случаях судьи назначались не только после народных выборов, но и при наличии дополнительных условий (например, путем назначения на основании перевода с одной должности на другую в случае образовавшийся досрочно вакансии, если выбывший и соискатель вакансии принадлежали к одной родовой ветви). Так, 3 января 1799 г. на имя императора Павла I было направлено сообщение из Пограничного суда, в котором отмечалось, что в соответствии с утвержденным штатом в составе суда предусматривалась должность переводчика с кабардинского языка на русский, которая стала вакантной после того, как работавший в этой должности переводчик поручик князь Николай Канчокин был переведен на должность судьи на место умершего заседателя от Малой Кабарды прапорщика князя Федора Ахлова. Основанием для такого перевода была, в первую очередь, их принадлежность к одной родовой линии².

Служащие Пограничного суда в определенной мере несли ответственность за ротацию судей родовых судов и заседателей расправ в Большой и Малой Кабарде. Как уже отмечалось, обеспечение кадрами родовых судов и расправ было затруднительным по ряду причин. Во-первых, значительная часть кабардинцев демонстрировала нежелание проводить очередные выборы в родовые суды и расправы по истечении почти каждого очередного трехлетнего цикла их функционирования. Во-вторых, довольно частыми были случаи уклонения судей и расправных заседателей от исполнения возложенных на них обязанностей. В-третьих, причиной частой ротации судейского состава являлся высокий уровень смертности.

В любом случае материалы Моздокского пограничного суда позволяют подробно охарактеризовать механизм назначения на должности и увольнения судей и дать описание некоторым формам закрепления их статусов в новых политико-правовых реалиях. Так, штат Верхнего пограничного суда был уже полностью укомплектован 23 сентября 1793 г., и судьи были готовы приступить к исполнению своих обязанностей. Как отмечалось, в первом составе Пограничного суда от российского офицерского состава должности получили комендант Моздокской крепости в звании полковника (начинавший свою службу

---

¹ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 2. Памятники права черкесов (адыгов). Ростов-н/Д, 2010. С. 172-181.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 229. Л. 1.

здесь в должности пристава кабардинского народа), действующий кабардинский пристав в звании полковника и другой полковой или гарнизонный штабс-офицер, проходивший военную службу на Кавказе¹. Председателем был назначен Моздокский комендант, полковник Д. Таганов (в некоторых документах – Тоганов). Д. Таганов был утвержден в должности председателя Пограничного суда на основании именного указа императрицы, данного Правительствующему Сенату 5 сентября 1793 г.² Судьями стали российские офицеры подполковник князь Афанасий Ураков³ и секунд-майор Иван Протопопов. От Большой Кабарды в Моздокский суд были избраны: князя Росланбек Мисостов, Давлет-Мурза Касаев, Магомет Мисостов⁴ и Татархан Кайтукин и дворяне – Жангет Елтаров, Тембек Бабуков, Давлетгирей Отпанов и Асланбек Буков. От Малой Кабарды – князя Канчой Келеметов и Дударука Таусултанов, дворяне – Жамбулат Астемиров и Мисост Анзоров. Также судьями стали армянин Степан Арутюнов, грузин Андрей Курупокос и «из мурз, живущих около Бештовых гор по р. Калаусу Маытовской фамилии» Касай Кельмамбетов. Переводчиками были назначены поручик Уграов и поручик Чегерин. Обязанности муллы исполнял Ирмухамет Кутлуев⁵. Как видим, основным механизмом ритуально-символического закрепления привилегированного статуса пророссийски ориентированной социальной элиты было именно включение их в состав учреждаемых российскими властями административных и судебных органов.

Впоследствии внешняя ротация кадров Пограничного суда была достаточно частым явлением. При этом процедуры утверждения в должностях служащих суда на выборные и назначаемые должности были разными. Однако различия имели место на начальных стадиях, когда делегировавшим судей народам предлагалось провести выборы или

---

¹ АКАК. Т. 2. С. 1129-1130.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 19112. Санкт-Петербург, 1830. С. 784. Цит. по: Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа...

³ Следует обратить внимание на то, что А. Ураков во время включения в состав Моздокского верхнего пограничного суда занимал должность пристава Кабарды. В то время присутствие пристава находилось в Моздоке, а после – в Прохладной. Также примечательно, что в последующем приставы Кабарды не входили в состав Моздокского верхнего пограничного суда, но в его штате по-прежнему служили 2 российских офицера.

⁴ А.А.: Заседатель Моздокского верхнего пограничного суда Магомет Мисостов принял христианство в 1795 г., в после крещения получил имя – Алексей (ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 104. Л. 3).

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12-23 об.

представителям военной администрации – предложить кандидата на назначаемые должности. Впоследствии утверждение в должности и приведение к присяге для всех соискателей проходило по схожей схеме. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Наиболее подробно процедуру утверждения служащих на невыборные должности можно охарактеризовать на материалах дела штатного переводчика Моздокского верхнего пограничного суда Николая Канчокина¹ в 1794 г. Материалы дела открывает прошение соискателя должности на имя императрицы с просьбой допустить к исправлению вакантной должности переводчика². Далее следует представление из Суда на имя И.В. Гудовича с просьбой назначить просителя на должность переводчика³. В ответ на это И.В. Гудович в предложении, адресованном в Пограничный суд, выразил согласие допустить претендента к должности⁴. Это и стало основанием для допуска претендента к присяге и работе.

Несмотря на столь обстоятельное отношение военной администрации к деятельности Моздокского верхнего пограничного суда, сразу же после его образования обнажились те же сложности с исполнением обязанности делегированных от местного населения судей, что и в родовых судах и расправах то же время. Случалось, что и в Пограничном суде судьи уклонялись от исполнения обязанностей, что вызывало соответствующую реакцию у начальства. Например, еще в 1794 г. от Большой Кабарды в Суде заседали князья майор Росланбек Мисостов и Девлет-Мурза Касаев. По прошествии года службы они были отправлены в отпуск домой, а обратно не вернулись. На что этим судьям предписывалось незамедлительно прибыть в Пограничный суд и приступить к своим обязанностям⁵. Также по состоянию на 10 декабря 1793 г. избранный в Пограничный суд от Мисостовой и Атажукиной фамилий Тембек⁶ Бабуков не явился в Моздок для исполнения обязанностей. Для того чтобы обязать его приступить к работе, Суд обратился в родовую расправу Мисостовой и Атажукиной фамилий с распоряжением об обеспечении явки для разбирательства этого человека⁷.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

⁶ А.А.: Так в оригинале.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

Наиболее детально динамику кадрового состава Моздокского верхнего пограничного суда можно проследить на основе анализа судебных решений, где присутствовавшие на заседаниях судьи ставили подписи или иным способом выражали согласие с принятым решением (отпечатки пальцев или перстней). Так, материалы судебной практики показывают, что в 1795 г. приказы по итогам заседаний Пограничного суда подписывали¹ секунд-майор Алексей Мисостов, секунд-майор Татархан Кайтукин, секунд-майор Канчой Келементов, князь Девлет-Мурза Касаев², владелец Темрюк Мисостов, мурза Ж. Мамбетев, уздень Жангет Елтаров, уздень Исмаил Пшицуков, Джембулат Айдемиров³, Исмаил Е... (неразб. – А.А.)⁴, Мисостхан Зоров⁵, уздень Девлет-Гирей Отпанов⁶, Т... (неразб. – А.А.) Ахлов⁷, Мисост Анзоров⁸. Председательствовал полковник Дмитрий Таганов, также участвовал секунд-майор Иван Протопопов и Андрей Франгов. Как видим, в течение первых двух лет своей деятельности председатель суда оставался на своей должности. Один из двух судей от российского офицерского состава был заменен (вместо пристава Кабарды А. Уракова работал В. Франгов). Четыре из шести судей от кабардинских княжеских фамилий сохраняли должности и продолжали активно работать, один был заменен, сведений еще об одном обнаружить не удалось. Также был заменен выборный представитель от ногайского населения, кочевавшего в окрестностях Пятигорья. Частичным изменениям подвергся и состав представителей от знатных кабардинских фамилий.

В этом плане определенный интерес представляет коллективное письмо Давлетуки Ахлова, Дола Мударова и еще 3 человек на имя председателя Пограничного суда полковника Таганова «об определении избранного ими из роду Ахлова в сей суд заседателем князя У. Ахлова». Рассмотрим его подробно в настоящем исследовании. Судьям для рассмотрения был предложен перевод с документа, присланного из Малой Кабарды, следующего содержания:

---

¹ А.А.: описание воинских званий, должностей, сословной принадлежности и социального статуса приводится в соответствии с тем, как это зафиксировано в оригиналах анализируемых документов.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 121. Л. 2; А.А. – примечательно, что это была собственноручная подпись, без печати, что он был указан именно как «князь».

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 121. Л. 8 об.

⁴ Там же. Л. 24 об.

⁵ Там же. Л. 37 об.

⁶ А.А.: последние три фамилии плохо разборчивы, возможны неточности.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 121. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 37 об.

«Перевод с письма Татарского, присланного Малой Кабарды от владельцев Девлетуки Ахлова, Дола Мударова, Темира Ахлова, Гилястана К... (неразб. – А.А.), Шолоха Келеметева, Калмансута Ахлова, на имя господина полковника и кавалера Моздокского коменданта Тоганова, получен марта 1-го дня 1797 г. Вашему высокоблагородию донести имеем, выбрали мы общего нашим в заседатели сей Моздокский пограничный суд, живущего в Моздоке из братьев наших владельца Уцмия Ахлова, о котором покорнейше просим вашего высокоблагородия о причислении его тамо в заседатели...»¹.

Сведения документа говорят о том, что во внештатной ситуации замещение вакантных должностей в Пограничном суде также осуществлялось на основании выборов. Причем для организации выборов приглашались представители конкретной группы фамилий, на которых распространялись образовавшиеся вакансии. Результаты выборов фиксировались в письмах знатных кабардинцев на имя председателя Суда.

Утверждение результатов выборов и назначение судьи на должность осуществлялось по принятой формуле: председатель суда направлял соответствующий рапорт главнокомандующему войсками, тот утверждал кандидата в должности и уведомлял об этом суд, суд инициировал приведение избранника к присяге, после чего допускал его к работе. Так, 30 июня 1797 г. судьи Пограничного суда приняли приказ направить на утверждение И.В. Гудовича кандидатуру Ф. Ахлова². В нем отмечалось, что:

«в присутствии сего суда председатель господин генерал-майор и кавалер Тоганов внес рапорт, присланный к нему Малой Кабарды от владельцев Девлетуки Ахлова, Дола Мударова, Темрюки Ахлова, Гелятана Кайтукина, Шолоха Келеметова и Алмансата Ахлова, в котором значит, что обществом избрали они на текущее трехлетие в сей суд в заседатели жительствовавшего в городе Моздок из братьев своих владельца прапорщика Уцмия Ахлова на место заседателя владельца Темрюки Ахлова же, кого в неразделе с оными Ахловыми в означенной Кабарде и имение состоит, почему о определении его и просят учинить рассмотрение: вследствие чего в сем пограничном суде **ОПРЕДЕЛЕНО**: как из фамилии Гелестановой владелец Шолох Ахлов в сей суд на текущее трехлетие избран в заседатели и состоит уже определенным, а из Таусултанова рода в означенной Малой Кабарде за малолетством в означенной Малой Кабарде живущих другого избрать некого, поколику объясненный владелец прапорщик Уцмий, а по получении в христианском законе наречен Федор Ахлов

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

состоит из одного Таусултанова роду, а для того вашему сиятельству представить и об определении его в сей суд в заседатели просит благо рассмотрения»¹.

И.В. Гудович утвердил предлагаемую Моздокским верхним пограничным судом кандидатуру и распорядился «о приводе его на сию должность к присяге о допущении в исправлению сей должности сделать сему суду на основании законов сове определение, и об оном дать от себя знать Большой и Малой Кабарды приставу господину коллежскому советнику и кавалеру Лабе»². Пристав Кабарды полковник Лаба был уведомлён об этом отдельным письмом³. После чего соискатель должности был допущен к присяге. К материалам личного дела судьи был приобщен текст присяги на русском языке. Он был скреплен печатью прапорщика Федора Ахлова. Примечательно, что она была круглой формы, посредине которой выгравирована большая буква «А». К присяге привел священник Евстратий Николаев⁴.

Также определенный интерес представляет и процедура увольнения с занимаемой должности судей. Рассмотрим ее на основе прошения в Пограничный суд Алексея Мисостова об увольнении с должности в связи с истечением срока полномочий в 1796 г.⁵ На основании его прошения суд направил на имя И.В. Гудовича представление⁶. И.В. Гудович на это предложил суду «в определении на его место другого поступить по законам»⁷. 26 октября 1797 г. на имя пристава Большой и Малой Кабарды коллежского советника и кавалера Лабы направлено уведомление, в котором отмечено:

«владельца майора Алексея Мисостова от заседательской должности уволить, на место его по силе Высочайшего о губерниях Учреждения главы 3 статьи 76 удостоенного из фамилии Жембулатовой при выборе чинимом по повелению вышеупомянутого господина генерала... Гудовича в кандидаты на текущее трехлетие по большинству голосов, владельца Магомет Докшукина в сей суд в заседатели определить, о чем в учрежденной в Большой Кабарде Бек-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 179. Л. 4-4 об.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8-8 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 4.

мурзиной и Кайтукиной фамилий родовой суд послан указ, и велеть немедленно вышеписанного владельца Магомета Докшукина к отправлению должности в сей суд выслать...»¹.

Магомет Докшукин был утвержден в должности 24 ноября 1797 г.² и допущен к присяге.

Другой пример. На основании анализа содержания дела «об исключении из суда заседателя А-ва от должности за дурное его поведение и причинение мулле обиды», датируемого 1809-1810 гг., можно восстановить процедуру отрешения заседателей суда от должности до истечения сроков полномочий. Так, 14 января 1810 г. на имя главнокомандующего армией А.П. Тормасова из Пограничного суда поступил рапорт, в котором сообщалось о причинах отстранения от должности заседателя от ногайских мурз А-ва и содержалась просьба о проведении досрочных выборов судьи на это место³. 8 февраля от А.П. Тормасова в суд поступило «предложение», в котором отмечено о принятии решения об отстранении от должности этого судьи⁴. При этом А.П. Тормасов попросил членов суда разъяснить,

«почему в сем суде вместо означенного числа по штату заседателей из азиатцев приложили печати при сем представлении только два из таковых свои печати; впредь же если кого из заседателей не было в присутствии и не приложил печати на предложении по болезни, или по отбытии куда в представлении своих показывать непременно отлучку заседателей и причины неприсутствия их»⁵.

В этот же день на заседании суда было решено отстранить от должности этого судью и объявить о новых выборах⁶. 1 апреля 1810 г. пограничный суд отправил на имя управляющего (пристава) ногайским и абазинским народом генерал-майора Султана Менгли-Гирея «предложение» избрать от народа другого судью на место уволенного⁷. Однако дальнейших сведений по этому вопросу в анализируемом деле не имеется, поэтому материалы не позволяют установить, состоялись ли

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 183. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 423. Л. 1-1 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 4 об. – 5.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 13.

указанные выборы или нет. Аналогичные решения применялись Моздокским верхним пограничным судом и в отношении остальных служащих. Например, 13 февраля 1809 г. в Пограничном суде слушали предложение И.В. Гудовича, в котором он предписывал суду исключить из штата муллу О-ва¹.

Следует отметить, что в истории Моздокского верхнего пограничного суда были периоды, когда в нем председательствовали не военные, а гражданские служащие. Это было, например, после ликвидации наместничества и Кавказской губернии в 1796 г. и до разделения Астраханской губернии в 1802 г. Так, в 1797 г. в должности председателя Пограничного суда и судей от российской стороны был утвержден гражданский служащий (например, в конце XVIII – начале XIX в. должность председателя занимал коллежский советник Албанский), но на основании именного указа Правительствующему Сенату от 5 мая 1803 г. было восстановлено действовавшее на момент учреждения Пограничного суда правило о совмещении комендантом крепости должности его председателя².

В некоторых случаях вопросы организации выборов и внешней ротации состава Пограничного суда находились на личном контроле императора и обсуждались на уровне главнокомандующего войсками на Кавказе и пристава кабардинского народа³. Так, во всеподданейшем рапорте от 23 апреля 1800 г. главнокомандующий войсками на Кавказе генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг сообщал о том, что по истечении очередного трехлетнего цикла функционирования Пограничного суда в конце 1799 г. выборы судей от местного населения не были своевременно проведены⁴. А также сообщалось о невозможности организовать проведение очередных выборов в зимнее время из-за неблагоприятных погодных условий и о данных им кабардинскому приставу Кабарды надворному советнику Г.Е. Стемпковскому предписаний о проведении выборов при наступлении «удобного к тому времени»⁵. К.Ф. Кнорринг сообщал императору о том, что взял организацию выборов под собственный контроль, направился в станицу Прохладную для личного руководства организацией выборов и намерении завершить их к 28 апреля 1800 г.⁶

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 58-58 об.

² Бутков П.Г. Неопубликованная рукопись... С. 52.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 37.

⁴ АКАК. Т. 1. С. 780.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Важной социодемографической характеристикой состава Моздокского верхнего пограничного суда является возраст судей и других служащих, который можно установить на основе анализа формулярных списков. Как правило, такие формуляры содержали следующую информацию о судьях и служащих¹: «фамилия, имя, отчество, должность, возраст, «из какого звания произведен», сколько имеет во владении мужского пола, когда в службе, какими чинами, наградами, с каким должностей поступил на текущую работу», сведения о наказаниях за правонарушения и другие позиции, имеющие отношение к должностным характеристикам служащего суда. Так, например, на основании сведений формулярного списка Пограничного суда по состоянию на август 1800 г. видно, что председателю Ивану Иванову на тот момент было 49 лет², судьям из российских военных офицеров Егору Никитину – 46³ и Семену Григорьеву – 38 лет⁴, секретарю 12 класса Петру Тихонову – 29⁵, протоколисту Исхаку Васильеву – 31. Примечательно, что большинство служащих суда до этого имели опыт работы в других административных и судебных органах. Например, протоколист Исхак Васильев до назначения в Пограничный суд в 1793 г. работал подканцеляристом (1786), канцеляристом Моздокского уездного суда (1787), а затем губернским регистратором⁶. Регистратор Иван Егоров до назначения в Моздокский верхний пограничный суд имел опыт работы в губернском магистрате Астраханской области, подканцеляристом Кавказского верхнего земского суда⁷.

Разделение Астраханской губернии на Астраханскую и Кавказскую в 1802 г. повлекло за собой уточнение штатной структуры Пограничного суда и родовых судов, административной подведомственности, источников и объема финансирования⁸. В именном указе Правительствующему Сенату от 1 января 1802 г. о примерных штатах 37 российских губерний говорилось о необходимости пересмотра объема финансирования подведомственных структуры, в том числе и по пограничной части, т.к. их «предметы определены были в давнейших годах и следовательно с течением времени и обстоятельств вероятно переменились

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 205. Л. 3 об. – 4.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 35 об.

⁴ Там же. Л. 36 об.

⁵ Там же. Л. 37 об.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 39 об.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 40-41.

и некоторые из них сделались ненужными»¹. Этот документ санкционировал возврат к той модели кадрового обеспечения деятельности Пограничного суда, которая была утверждена в 1793 г.

С 1803 г. должность председателя Пограничного суда занимал моздокский комендант полковник И.М. Протопопов. Вместе с тем в первых составах Пограничного суда И.М. Протопопов в звании майора работал в качестве судьи². В высочайшем рапорте генерал-лейтенанта князя П.Д. Цицианова от 26 марта 1803 г. по этому поводу была приведена следующая информация:

«при учреждении в обеих Кабардах верхнего пограничного Моздокского суда, моздокские коменданты занимали в оном место председателя; что соответствовало предмету учреждения сего суда в пользу благоустройства горских народов, доставляя суду в лице коменданта сугубые способы для приведения приговоров в надлежащее исполнение, которое нередко требует воинского пособия. О возобновлении сего нужного соединения беру смелость Всеподданнейше представить на Высочайшее рассмотрение вашего императорского величества тем паче, что нынешний моздокский комендант полковник Протопопов при первом учреждении сего суда, будучи майором, находился несколько лет в оном в звании заседателя и по долголетнему пребыванию своему на Кавказской линии приобрел опытами нужные познания о нравах и обычаях сопредельных народов. Буде предложенное мною сие перемещение для пользы службы Вашего императорского величества удостоится Высочайшего одобрения, то осмелюсь представить на милосердное воззрение Вашего Императорского Величества, не благоугодно ли будет в вознаграждение трудов коменданта свыше его должности назначаемых, оставить ему и то жалование, которое сопряжено со званием председателя. Коллежскому же советнику Албанскому, ныне занимающему место председателя в верховном пограничном Моздокском суде, яко человеку старому и слабому здоровьем и во уважение тридцатилетней службы его в офицерском чине, осмеливаюсь испрашивать всемилостивейшего увольнения от службы...»³.

В некоторых случаях вопросы внешней ротации кадров в Пограничном суде решались на основании именных указов императора Правительствующему Сенату. Например, в указе императора Александра I Правительствующему Сенату от 5 мая 1803 г. устанавливалось:

---

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 40-41.

² Там же. Л. 21-21 об.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 235. Л. 21-21 об.

«по представления астраханского и кавказского военного губернатора генерал-лейтенанта князя Цицианова, признав важным должность председателя верхнего пограничного Моздокского суда соединять по прежнему со званием Моздокского коменданта, повелеваем: исполняющего ныне должность председателя в сем суде коллежского советника Албанского по старости и болезни уволить вовсе со службы... а Моздокскому коменданту полковнику Протопопову при отправлении должности представить с сим званием, ныне соединяемой, сверх настоящего его оклада по уважении трудов его и долговременной службы производить им жалование, с местом сим сопряженное»¹.

На основании анализа протоколов суда за 1805 г. можно установить, что действующими служащими суда были председатель моздокский комендант полковник И.М. Протопопов, заседатель коллежский асессор Маслов, выборные представители привилегированных сословий кабардинцев: майор Алексей Мисостов, майор Канчао Ахлов, Касай Картулов, уздень Кумал Сидакон, представитель от грузин Иван Романов, от армян – Моносий Адамов². Следует обратить внимание, что в этот период представительство кабардинцев в Пограничном суде стало значительно сужаться. Это во многом связано с военно-политической и этнодемографической ситуацией в самой Кабарде («карательные экспедиции» российских военных отрядов, массовые миграции кабардинцев в Западную Черкессию и Чечню, эпидемия чумы и т.п.). Вместе с тем из первого состава Моздокского верхнего пограничного суда спустя 12 лет продолжали работать лишь начинавший карьеру в должности назначаемых от российской военной администрации судьи председатель И.М. Протопопов и с некоторыми перерывами Алексей (Магомед) Мисостов.

В 1807 г. моздокским комендантом и председателем Моздокского верхнего пограничного суда был назначен полковник Дианов. Основанием его назначения на должность стало «предложение»³ главнокомандующего войсками на Кавказской линии Пограничному суду, в котором он уведомлял суд, что на должность председателя назначается новый моздокский комендант полковник Дианов⁴. Далее на основании предложения главнокомандующего войсками на Кавказской линии суд принимал решение о допуске Дианова к присяге⁵. Текст присяги

---

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237. Л. 22-22 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 46.

³ А.А.: Так официально назывался документ, который поступал в суд по этому вопросу.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 354. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

оформлялся в виде «клятвенного обещания» российскому императору. Примечательно, что в данном случае факт приведения Дианова к присяге был заверен подписью на арабоязычной графической основе¹. Видимо, акт присяги был засвидетельствован муллой Пограничного суда². Далее в суд поступало письмо моздокского коменданта, в котором он извещал, что вступает в должность³. После этого следовал рапорт председателя суда на имя главнокомандующего войсками на Кавказской линии о том, что все необходимые процедуры по вступлению в должность председателя суда моздокского коменданта соблюдены⁴ и суд готов продолжить работу с новым председателем.

В 1812 г. моздокским комендантом и, соответственно, председателем Пограничного суда был назначен полковник Циклауров⁵.

В 1815 г. эту должность занимал майор Котырев⁶. В сообщении генерала от инфантерии Н.Ф. Ртищева Моздокскому верхнему пограничному суду от 2 декабря 1815 г. отмечалось:

«Назначив Моздокского гарнизонного батальона майора Котырева к исправлению должности Моздокского коменданта и председательствующего в Моздокском пограничном суде, я предлагаю сему суду производить ему Котыреву положенное по штату жалование председателю суда, назначив выдачу оною о вступлении его в его должность»⁷.

Клятвенное обещание Котырева было оформлено 10 января 1816 г. Его к присяге приводил протоиерей и благочинный Михаил Самсонов⁸.

Процедуру принятия на работу в суд служащих на несудейские должности рассмотрим на примере принятия в суд на должность протоколита Изькова в 1808 г. В этом году председатель Пограничного суда направил рапорт И.В. Гудовичу, в котором просил утвердить в должности нового протоколита. В ответ на это в суд поступило

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 354. Л. 3-4.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 456. Л. 1.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 2 об.

«предложение» И.В. Гудовича, в котором он выразил согласие на включение в штат суда нового служащего¹. После чего на очередном заседании суда был подписан «приказ» о допуске претендента к присяге, а затем – к исполнению обязанностей².

Назначение на должность муллы Пограничного суда также подлежало согласованию с высшим военным начальством в регионе. В 1809 г. при назначении в суд на должность муллы Куртмамбетова судьи постановили «привести на верность службе к присяге и к отправлению должности допустить, коему и жалование, положенное по штату вместе с прошением чиновника в отпуск из здешнего уездного казначейства по заслуге требовать»³. Такая же процедура применялась и при назначении на должность муллы в 1814 г., когда на имя императора поступила просьба муллы «из татар астраханской волости казанской слободы Магомета Исаева о назначении [его] на должность муллы»⁴, и в 1818 г., в деле о котором отложились акт согласования кандидатуры с высшим начальством в регионе и перевод текста присяги на русский язык⁵.

Анализ материалов суда показывает, что в 1808-1822 гг. в условиях сложившейся общественно-политической ситуации в регионе введение в состав суда заседателей от грузин также протекало в точном соответствии с нормативными документами. Так, например, 28 февраля 1810 г. на заседании суда было объявлено, что судья от грузин скончался после продолжительной болезни. Суд принял решение оповестить об этом генерала А.П. Тормасова и объявить о выборе нового заседателя в суд от грузинского общества Моздока и его окрестностей⁶. Примечательно, что рапорт о необходимости проведения выборов нового делегата был направлен на исполнение в Моздокскую градскую полицию⁷. В Моздокское уездное казначейство из пограничного суда было направлено сообщение о необходимости выплатить причитающееся до дня смерти «жалование» родственникам умершего⁸. 20 мая 1810 г. из моздокской полиции поступило сообщение о проведении выборов судьи из грузин.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 370. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 81.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 475.

⁵ См.: ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 542.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 425. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 3.

В документе содержится имя выбранного (Иван Евсеев) и краткая характеристика его личности¹. Сведений о процедуре проведения выборов в документах не приведено. Однако в этот же день на очередном заседании пограничного суда было принято решение направить кандидатуру «новоизбранного» заседателя на согласование с главнокомандующим А.П. Тормасовым². Рапорт был отправлен 28 марта 1810 г.³ Предложение А.П. Тормасова с согласием на утверждение поступило в пограничный суд 8 июня 1810 г.⁴ 20 июня 1810 г. на заседании суда было принято решение о допуске избранного к присяге⁵. Присяга (клятвенное обещание) была дана соискателем должности 12 июля 1810 г.⁶ После чего избранный был допущен к работе в суде.

Как отмечалось в настоящем исследовании, после замены нормативной основы судопроизводства в родовых судах и расправах в 1807 г. деятельность Пограничного суда не претерпела существенных изменений. В суде по-прежнему сохранялось представительство (хотя и в усечённом формате) от кабардинского населения региона. Поэтому следует обратить внимание, что в материалах Пограничного суда содержатся сведения о том, что выбранной обществом Малой Кабарды на трехлетие в сей суд в заседатели уздень Кургоко Перхичев после принятия присяги 22 декабря 1807 г. был допущен к должности⁷. Именно в 1806-1807 гг. в очередной раз возникла проблема проведения выборов в Большой и Малой Кабарде и избрания делегатов в Моздокский пограничный суд.

На основании анализа расходных протоколов Моздокского верхнего пограничного суда можно получить некоторые сведения о его персональном составе в это время. Так, в 1807 г. расходные протоколы подписывали заседатели: майор Алексей Мисостов, Касай Картулов, Биарслан Кайтукин⁸, уздень Кургоко Перхичев, (представитель от кочевавшего в районе Пятигорья ногайского населения) мурза Батиргирей Батирзин, армянин Зураб Синанов⁹, секретарь Петр Фирсов. Состав суда не претерпел существенных изменений и в следующем году.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 425. Л. 3.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 425. Л. 10-10 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 362. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 103.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 363. Л. 65.

На основании анализа журнала заседаний за 1808 г. видно, что в состав Суда входили председатель моздокский комендант полковник Дианов, заседатели: титулярный советник Лидизман, майор Алексей Мисостов, владелец Биарслан Кайтукин, Кургоко Перхичев¹, из армян – Зураб Синанов², мурза Батиргирей Битирсин³.

В 1809 г. власти вновь обсуждали вопросы о выборах судей в Моздокский верхний пограничный суд на очередной трехлетний срок⁴. В это время Пограничный суд состоял в активной переписке с генерал-майором от инфантерии С.А. Булгаковым по вопросам «о выборе сего суда на будущее трехлетие из кабардинских владельцев и от ногайцев одного мурзы заседателей вновь других»⁵.

При этом были выявлены некоторые препятствия к проведению выборов. Так, 25 февраля 1809 г. члены Моздокского верхнего пограничного суда обсуждали вопросы о том, что на основании утвержденного штата суда и Учреждения «о губерниях» (1775) всех судей, кроме российских штаб-офицеров, необходимо было переизбирать каждые три года и констатировали, что некоторые назначавшиеся по итогам общественных выборов заседатели Пограничного суда по истечении трехлетнего срока «далее продолжать служение не желают, ... с давнего времени по разным встречающимся обстоятельствам со всеми переменами просят об увольнении их от должностей и о выборе вместо их в заседатели других»⁶. Это стало основанием для обращения членов Пограничного суда к главнокомандующему войсками на Кавказской линии с просьбой о распоряжении провести очередные выборы⁷.

В предложении главнокомандующего Гудовича от 16 марта 1809 г. Моздокскому пограничному суду разъяснялось, что высшее начальство в установленном порядке было уведомлено об увольнении судей, отработавших трехлетний срок. Однако было решено оставить прежний состав при своих должностях до тех пор, пока не будут проведены очередные выборы. Генерал от инфантерии С.А. Булгаков предлагал «по известности ему кабардинским и прочим тамошних народов владельцев избрать достойное число оных... надежных и хорошего поведения»⁸.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 363. Л. 8.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Ч. 1. Л. 1.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 6.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 67-67 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 45 об.

В документе отмечалось, что император считал наиболее приемлемой формой формирования состава Пограничного суда именно выборы судей на общих собраниях представителей местного населения. И.В. Гудович писал, что «Его Императорскому Величеству весьма приятно будет, ежели дворянство и граждане с большою ревностью собираться станут к их выборам и с возможным беспристрастием»¹.

В рапорте председателя Моздокского суда на имя И.В. Гудовича от 6 апреля 1809 г. со ссылкой на нормативно-правовые акты высших органов власти Российской империи отмечалось, что для работы в нем следует допускать «лучших людей»:

«от Большой Кабарды из фамилии Бекмурзиной и Кайтукиной владельцев двух, Мисостовой и Атажукиной владельцев двух, Малой Кабарды Гилястановой и Таусултановой владельцев двух, да и из их родов узденей первой степени пять, из мурз татарских, живущих около Бештовых гор – одного, и делать распоряжение к их должности немедленно прислать в сей суд, о чем главноуправляющему Большой Кабарды господину генерал-майору Дельпоццо сообщить, а начальнику ногайского и абазинского народа господину генерал-майору Султану Менгли-гирею дать знать, чтобы он на место находящегося в сем суде из ногайским мурз заседателем вновь другого на ныне текущее трехлетие избрал и для допущения к должности немедленно прислал в сей суд...»².

В том же году такой же выбор предлагалось сделать и от «поселившихся в городе Моздоке грузин и армян из лучших людей... двух заседателей»³. Организацию выборов было решено возложить на служащих Моздокской городской полиции. Получается, что власти пытались по-прежнему сохранить принятый в 1793 г. порядок комплектования кадрами Пограничного суда несмотря на то что в низовых учреждениях локального судебно-административного контроля произошли существенные изменения по смене нормативной основы судопроизводства.

Заседателей Пограничного суда, у которых в то время истек срок полномочий, предлагалось уволить и отправить в места их жительства⁴. А в это время самый опытный судья Моздокского верхнего пограничного суда Алексей Мисостов предпринял очередную попытку увольнения с занимаемой должности. Однако 16 сентября 1809 г. в Моздокский

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 46.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 46; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 151-152.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 47.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 47; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 151-152.

верхний пограничный суд поступило предложение главнокомандующего войсками на Кавказе, в котором отмечалось, что судья от Большой Кабарды князь Алексей Мисостов не может быть уволен из суда, пока кабардинцы не выберут на его место другого¹. И еще раз предлагалось властям провести выборы судей от Большой и Малой Кабарды на очередное трехлетие, а пристава Кабарды И.П. Дельпоццо – привести это в исполнение². В ответ на это распоряжение судьи Пограничного суда приняли решение оставить майора А. Мисостова в должности до проведения очередных выборов³.

Однако в первой половине 1809 г. выборы не были проведены по невыясненным причинам. Некоторую ясность в эту ситуацию вносит сообщение генерала от инфантерии А.П. Тормасова от 31 октября 1809 г., в котором он уведомляет Моздокский верхний пограничный суд о том, что «по случаю потери всех связей с азиатцами, а паче и с кабардинцами, на основании Высочайших указов выбор судей произвести неудобно, а со стороны кабардинцев предлагает [держать связь] с... генерал-майором [И.П.] Дельпоццо»⁴. При этом тот факт, что действовавшие в то время нормативные документы регламентировали прежний порядок комплектования кадрами состава суда, когда избирались представители от кабардинцев, ногайцев и других проживавших в регионе народов, не вызывает сомнений. Содержание этого письма также показывает, что в это время коммуникация Пограничного суда с судами, учрежденными в Большой Кабарде, прекратилась и очередные выборы от них в Пограничный суд не были приведены.

Кроме того, в 1809 г. Моздокский верхний пограничный суд по этому поводу направлял целый ряд предложений на имя кабардинского пристава генерал-майора И.П. Дельпоццо «о присылке в сей суд из кабардинских владельцев лучшей фамилии и о допущении оногo к должности суде сего»⁵. Такие же сообщения были направлены и адрес пристава ногайского и абазинского народов генерал-майора С. Менгли-Гирея, в которых ему предписывалось доложить «о выборе в сей суд из подведомственных ему народов на будущее трехлетие одного избрать судью и присылке для допущения к должности»⁶ или избрать «на место

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 80 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 89 об.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же.

умершего сего суда заседателя из подведомственных ему мурз другого»¹.

Несмотря на это, в 1809-1822 гг. представлявшие эти народы судьи принимали активное участие в деятельности Моздокского верхнего пограничного суда. Как показывает анализ личного состава суда, после 1809 г. представителями от Большой и Малой Кабарды оставались те же судьи, которые были избраны ранее – уздень Кургоко Перхичев от Малой Кабарды и князя майор Алексей Мисостов и Биаслан Кайтукин – от Большой. На основании же списка расходования средств на содержание Суда за январь 1810 г. видно, что его состав был представлен следующим образом: председатель – моздокский комендант полковник Диянов, судьи (заседатели): титулярный советник Карл Лидизман, кабардинские князья майор Алексей Мисостов, Биарслан Кайтукин, уздень Кургоко Перхичев, заседатели от армян – Зураб Синанов, грузин – Иван Евсеев. Кроме того, в штате суда состояли секретарь 10-го класса Петр Фирсов, протоколист 10-го класса Петр², архивариус 12-го класса – Павел Орлов, переводчики: Тимофей Моисинов, Захар Степанов, мулла и два его помощника³.

В 1810 г. заседатель от ногайцев мурза Мамбет Алимурзов был отстранён от должности⁴. В этом же году, как отмечалось, заседатель от грузин Егор Иванов умер, и на его место был выбран из общества грузинского Иван Евсеев⁵.

20 ноября 1811 г. в Моздокский верхний пограничный суд поступило «предложение» генерал-лейтенанта Н.Ф. Ртищева, согласно которому суду вменялось в обязанность подготовить сведения о штате и о количестве вакансий. 25 ноября 1811 г. был подготовлен «Список учиненной в Пограничном суде о состоянии в нем присутствующих, с показанием при должности налицо состоящих, а также на число штатного положения на ныне текущее трехлетие из владельцев и узденей Большой и Малой Кабарды по предписанию главного начальства неизбранных»⁶.

Он был представлен Н.Ф. Ртищеву в следующем виде⁷:

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 9.

² А.А.: фамилию не удалось установить.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 424. Л. 19 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 3 об – 6.

№		
1.	Председатель моздокский комендант полковник и кавалер Дианов	При должности
	Заседатели	
2.	Коллежский асессор Иван Гендауров	
3.	Титулярный советник Крал Лидизман	
	ИЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ Большой Кабарды Мисостовой и Атажукиной фамилии	
4.	Майор Алексей Мисостов	При должности
	Одного владельца из той же фамилии	Не избрано
	Бекмурзиной и Куйтукиной фамилии	
	Двух владельцев	Не избрано
	Малой Кабарды Гилястановой ¹ и Таусултановой фамилии	
5.	Биарслан Кайтукин	При должности
	Одного владельца	Не избрано
	ИЗ УЗДЕНЕЙ Большой Кабарды Мисостовой и Атажукиной фамилии	
	Двух узденей	Не избрано
	Бекмурзиной и Атажукиной фамилии	
	Двух узденей	Не избрано
	Малой Кабарды Гилястановой и Таусултановой фамилии	
6.	Кургоко Перхичев	При должности
	Одного узденя	Не избрано
	Из ногайских мурз одного	Не избрано
7.	Из грузин Иван Евсеев	При должности
8.	Из армян Зураб Синанов	
9.	Секретарь 10-го класса Петр Фирсов	
10.	Протоколист 10-го класса Петр Ципалев	
11.	Архивариус 12 класса Павел Орлов	Не определено
	Регистратора вакансия	
	ПРИКАЗНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ	
12.	Канцелярист Яков Раздрочин	При должности
13.	Канцелярист Семен Агишев	

¹ А.А.: Так в оригинале.

ПЕРЕВОДЧИКИ		
14.	Из дворян Тимофей Моисанов	При должности
	А одного вакантно	Не определено
15.	Мулла Мурат Картмамбетов	При должности
16.	На месте двух помощников муллы Тохтамыш Сулеманов	

Получается, что выборы в пограничный суд после 1806 г. не проводились, а отработавшие полный трехлетний цикл судьи не увольнялись и продолжали исполнять свои обязанности в течение неопределенного времени.

К 1816 г. наиболее существенные изменения по сравнению с 90-ми гг. XVIII в. произошли в персональном составе Моздокского верхнего пограничного суда. Они коснулись прежде всего количественного состава суда, в особенности – численности делегируемых от Большой и Малой Кабарды судей. Если в 1793 г. в состав Пограничного суда входили председатель (комендант Моздока), два российских офицера, 6 кабардинских князей и 6 представителей знатных фамилий, по одному делегату от ногайцев, армян и грузин, представитель от мусульманского духовенства и 2 его помощника, секретарь, делопроизводитель, архивариус (делегаты от местного населения включались в состав суда по итогам народного голосования), то с конца 90-гг. XVIII в. численность судей от Кабарды под влиянием целого ряда факторов (неприятие населением новой административно-судебной системы, массовые миграции, эпидемиологическая ситуация, карательные экспедиции российских военных отрядов и т.п.) стала постоянно сокращаться, и к середине 10-х гг. XIX в. в составе суда насчитывалось 3 вместо определенных нормативными документами 12 судей от кабардинцев; а в начале 20-х гг. XIX в. 2 из 12. При этом и они уже не избирались, а назначались. Кроме того, в 1816 г. после создания в Моздоке специального армянского суда из состава был выведен представитель от армянского населения региона¹.

На основании списка о размерах заработной платы за 1817 г. в составе суда числились председатель – моздокский комендант майор Андрей Котырев; судьи (заседатели) – коллежский асессор Демьян Цыгульский, коллежский асессор Карл Лидезман; «кабардинские владельцы» – Алексей Мисостов, Биарслан Кайтукин, уздень Кургоко

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 519. Л. 20 об.

Перхичев; судья от грузин – Иван Евсеев; секретарь титулярный советник Павел Орлов, протоколист Василий Цыгульский, архивариус коллежский регистратор Семен Агишев, переводчики – Кичиев, Алиханов, Зурабов, мулла Магомед Мусаев, помощник муллы – Али Тлепшуков¹. Как видим, представитель от армян в состав данного суда уже не входил, а А. Мисостов на тот момент трудился в суде уже в течение 24 лет.

Анализ материалов Моздокского верхнего пограничного суда показывает, что в начале 20-х гг. XIX в. в его составе работали председатель Моздокский комендант подполковник Котырев, судьи – надворный советник Моисей Ковалевский, надворный советник Дмитрий Цыгульский, делегаты от кабардинцев – владелец коллежский регистратор Биарслан Кайтукин, уздень Джанибек Хуртитов, от ногайцев – мурза Калиболат Джантемиров, от грузин – Василий Павлов². В начале 20-х гг. XIX в. для рассмотрения дел в Пограничном суде с участием армян из Моздокского армянского суда делегировали Остапа Персидинова³. Вместе с тем, фактическая численность судей Пограничного суда с течением времени менялась в сторону уменьшения. Как видим, в этом составе суда уже не числился А. Мисостов, его место не было замещено другим представителем кабардинских фамилий, к которым он относился. Кроме того, с течением времени представительство кабардинского народа в суде сократилось с двенадцати делегатов до двух. Полагаем, что уменьшение численности делегатов от кабардинского населения в составе суда наряду с расширением территориального суверенитета России в сторону гор являлось одним из факторов снижения его значимости как пограничного судебного учреждения для этой группы населения Центрального Кавказа.

В целом, служба в Моздокском верхнем пограничном суде в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. стала для некоторых представителей северокавказских народов одним из действенных каналов социальной мобильности в условиях включения региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Таким образом, персональный состав Моздокского верхнего пограничного суда на протяжении всего периода его действия формировался на основании принципов этнического и сословного представительства проживавших на подведомственной ему территории народов. При этом властями были разработаны и апробированы демократические формы

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 11 об. – 12.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 563. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

его комплектования – представители местного населения попадали на службу в суд по результатам народных выборов. В этих условиях представители местного нобилитета, заступая на службу в суд, приобретали социальный статус, который закреплялся в нормативных документах российских властей. Ритуально-символическое иллюстрирование их нового статуса выражалось непосредственно в назначении на должности судей, присвоении некоторым из них российских военных чинов, выплате жалования за службу от российской казны. Вместе с тем, фактическая численность судей Пограничного суда с течением времени менялась в сторону уменьшения. Выборы делегатов от кабардинского населения фактически не проводились с 1806 г., что отчасти снижало его значимость как пограничного судебного учреждения по отношению к ним.

3.3 Социальный и гендерный состав участников процесса

Инкорпорация народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в последней трети XVIII – начале XIX в. – сложный и многосторонний процесс, который включал в себя не только комплекс военно-политических мероприятий и административно-территориальных преобразований, но и поиск механизмов по формированию у населения первых признаков российского гражданского самосознания. В свою очередь это во многом достигалось за счет включения местных жителей в сферу деятельности создаваемых в регионе учреждений локального судебно-административного контроля (пограничных и родовых судов, приставских управлений). В этом плане большой научный интерес представляет гендерный и социальный состав участников разбирательств в Пограничном суде. С одной стороны, исследование этого вопроса дает возможность определить специфику организации и деятельности судебно-административных органов России в регионах в прошлом, определить особенности взаимодействия центра и периферии в империи, рассмотреть процессы территориального расширения сферы применения российских нормативно-правовых актов. С другой – определить особенности включения в орбиту российского права народов, каждый из которых сформировал самобытную соционормативную культуру; выявить особенности трансформации институтов народного управления и правосудия под влиянием эндогенных и экзогенных факторов; определить истоки формирования у населения российского гражданского самосознания на примере участия в деятельности российских органов государства.

Социальный состав участников процесса был разнообразным. Фигурантами судебных разбирательств были как представители привилегированных, так и зависимых сословий относившегося к его подведомственности населения. Это подтверждается на основе анализа широкого круга делопроизводственной документации. Например, в описи Пограничного суда за 1810 г. упоминаются следующие дела: по иску жителя Большой Кабарды знатного кабардинца Д. Кучмазукова к односельчанину И. Докшукину о правах на зависимых крестьян¹; по сообщению генерала от инфантерии С.А. Булгакова о передаче в суд для разбирательства по нормам российского права кабардинца и двух чеченцев за кражу скота и разбой². В этих случаях заявителями выступали в основном представители региональных властей (например, Главный и частные пристапы) или привилегированных сословий. Прощения могли подаваться в суд заявителями лично или через представителей. В некоторых случаях, когда в результате правонарушения вред был причинен представителям зависимых сословий, инициаторами судебных разбирательств выступали их владельцы. Например, в докладном регистре Пограничного суда за 1793 г. зафиксировано «прошение владельца секунд-майора Дола Мударова от подвластных его холопов» по спору о собственности на скот³.

В конце XVIII – начале XIX в. в материалах суда все чаще стали фигурировать женщины. Поэтому исследуя гендерный аспект деятельности Пограничного суда, необходимо обратить внимание на две группы дел: в которых женщины выступали фигурантами разбирательств и инициаторами. Интересный сюжет в этом плане содержится в деле, рассмотренном в 1795 г. Моздокским верхним пограничным судом по рапорту родовой расправы Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий о передаче заявления К-ва на разбирательство духовным судом дела о разводе с женой⁴. 17 апреля 1795 г. в Пограничном суде состоялось разбирательство по этому вопросу. Анализ материалов дела показывает, что 3 октября 1794 г. на заседании указанной родовой расправы было принято решение, в соответствии с которым дела о разногласиях между супругами следует передавать на рассмотрение народного духовного суда⁵.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 7.

² Там же. Л. 7 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 17.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

В качестве фигурантов разбирательств женщины чаще всего выступали по делам о кражах невест, неуплате калыма, наследственных спорах, а также спорах о правах владельцев на представителей зависимых сословий и т.п. Например, в 1810 г. в Пограничном суде рассматривалось дело по иску полковника князя И. Атажукина (в анализируемом документе – Атажукова) в отношении отставного хорунжего С. Безорюкина «за передержательство им у себя собственной его Атажукова *женщины* из черкесов П. с ея детьми (выделено нами. – А.А.)»¹.

По спорам, в которых в качестве инициаторов выступали женщины, Моздокский верхний пограничный суд не накопил богатой практики. Однако случаи, когда женщины обращались с исковыми заявлениями в суд, были не единичными. Наиболее резонансное дело, которое разбиралось в суде в начале 1800-х гг., было связано с убийством титулярного советника пристава майора Дзюбина. Например, в 1809 г. в суд было подано прошение «вдовы титулярной советницы майорши Дзюбиной» с приложением регистра «деньгам и вещам убийцами мужа ее [пристава] ограбленным». Суть требования состояла в том, что «по случаю поступления дела сего в сей суд к законному суждению оных убийц, доставить ей Дзюбиной удовлетворение»². 23 апреля 1809 г. в Моздокском пограничном суде после разбора прошения Матрены Дзюбиной судьи решили:

«прошение для рассмотрения и соображения с делом приобщить к оному, а управляющему ногайским и трухменским народом господину надворному советнику Ахвердову сообщить, с тем дабы благоволил учинить достоверную выправку, какое именно есть и в чем оно состоит, Найманова аула у ногайца С-ва, который в сем суде состоит под следствием по делу в рассмотренном убийстве пристава Дзюбина и двух бывших с ним казаков и в грабеже его имения, а также и у товарища его ногайца Ч-ва, который хотя с ним в убийстве и не участвовал, но из имения части на свою долю при дележе получил, и буде оное у них найдется сделать опись и отдать надежным людям, и оную опись при своем уведомлении доставить в сей суд в непродолжительном времени...»³.

В 1818 г. супруга заседателя Пограничного суда К. Перхичева подала в суд заявление в отношении караногайца И-ва о материальной

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 434. Л. 2 об.

² Там же. Л. 50 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 171-171 об.

компенсации за украденных у мужа 4-х лошадей¹. Анализ материалов дела показывает, что потерпевшая к моменту разбирательства уже получила материальную компенсацию, и поэтому дело было закрыто на основе примирения сторон². Круг этих примеров можно продолжить, но и этого достаточно, чтобы определить степень вовлеченности женщин в деятельность Пограничного суда.

Получается, что женщины могли выступать в качестве просительниц в Моздокском верхнем пограничном суде.

Таким образом, определение социального и гендерного составов участников процесса отправления правосудия в Пограничному суде является одним из перспективных направлений исследований этнополитической истории народов Центрального Кавказа в условиях включения в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Социальный состав фигурантов разбирательств охватывал представителей всех сословных групп населения: от владельцев до подвластных. Причем в некоторых случаях в деятельности суда сохранялись традиционные иерархические социальные связи, когда в интересах подвластных инициаторами разбирательств выступали их владельцы. Гендерная характеристика деятельности суда выражается в том, что сторонами разбирательств могли выступать как мужчины, так и женщины. Причем женщины могли быть как потерпевшими или объектами споров, так и истцами – инициаторами судебных разбирательств. Все это говорит о том, что включенность в деятельность Пограничного суда представителей разных сословных и этнодемографических групп повышала значимость этого учреждения в системе локального судебно-административного контроля в регионе и выступала одним из основных векторов их инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.

3.4 Правоприменительная практика Моздокского верхнего пограничного суда

Правоприменительная практика Моздокского верхнего пограничного суда представлена широким многообразием дел: от решения имущественных споров и конфликтов на этой почве, до установления социального статуса некоторых жителей региона. Практика суда сама по

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 100 об.

² Там же.

себе также может восприниматься как динамичное явление. Круг рассматриваемых вопросов менялся по мере развития социальных отношений и включения в правовое поле России новых народов и территорий. В этой части монографии основные направления деятельности Суда рассматриваются в пределах его компетенции, обозначенной в нормативно-правовых актах. Их исследование выстраивается в основном на анализе делопроизводственных документов, что отражает правоприменительный уровень их практики.

Анализ документов показывает, что Моздокский верхний пограничный суд разбирает дела об убийствах (в том числе, и на бытовой почве)¹; причинении ран и телесных повреждений²; краже (отобрании) скота и лошадей³; взыскании долгов⁴; вооруженных нападениях с целью завладеть чужим имуществом⁵. Решения по этим категориям дел суд выносил на основании норм российского права. Кроме того, суд выносил решения о материальных компенсациях за имущественный ущерб в результате уголовных преступлений (убийств, краж и т.п.)⁶; а также об удостоверении социального статуса жителей Моздока и его окрестностей⁷, устанавливал правила продажи невольников⁸ и т.п. Суд разбирает подобные дела в отношении представителей большинства проживавших на данной территории народов: кабардинцев, осетин, армян, грузин и др. Для этого применялись некоторые формы традиционной системы регулирования общественных отношений местных жителей. Основанием для принятия судом дел к разбирательству были сообщения приставов, комиссий военных судов при пехотных полках, Моздокского армянского, нижних земских и уездных судов, командующего войсками на Кавказской линии, комендантов крепостей (Моздокской, Кизлярской, Георгиевской и др.), предложения главнокомандующего войсками на Кавказе⁹, прошения жителей региона.

Далее рассмотрим основные направления деятельности Моздокского верхнего пограничного суда на конкретных примерах.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 335.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 5; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 205. Л. 53 об.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 134.

⁵ Там же. Л. 223.

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 50 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 65 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 1.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 1.

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 563. Л. 1-142.

С первых дней после учреждения Моздокский верхний пограничный суд рассматривал дела, связанные с убийствами, компенсациями материального ущерба, урегулированием межсословных отношений, а также принимал решение по управлению собственной деятельностью. Так, на основании анализа докладного регистра Пограничного суда за 1793 г. можно установить, что он принимал к рассмотрению дела: о взыскании материальной компенсации по прошению «владельца Большой Кабарды» за убийство сына; об отыскании принадлежавших жительнице Моздока двух невольников, которые бежали в Большую Кабарду; споры о праве на холопов, которые возникали между жителями окрестностей Моздока и владельцами Большой Кабарды; вопросы организации деятельности суда и формах его коммуникации с иными органами и учреждениями в регионе, споры о нарушенном праве собственности на скот¹ и др. В исходящем регистре Пограничного суда на 1793 г. сделаны отметки о выдаче билетов на перемещение за пределы Линии с указанием места назначения и срока действия; указов родовым судам и расправам в Большой и Малой Кабарде о высылке в Пограничный суд кабардинцев – фигурантов дел, рапортах и представлениях на имя главнокомандующего войсками на Кавказской линии от служащих суда; сообщениях в адрес уездного казначейства². С учетом того, что Моздокский верхний пограничный суд приступил к своим обязанностям лишь во второй половине 1793 г., интенсивность его деятельности была достаточно невысокой.

С 1794 г. количество дел, находившихся на рассмотрении Моздокского верхнего пограничного суда, стало увеличиваться. В докладном регистре Суда за 1794 г. фиксировались рапорта военных, членов родовых судов; членов родовых расправ; предложения (кавказского наместнического правления по вопросам деятельности Пограничного суда и его связям с родовыми судами и расправами); прошения потерпевших о возбуждении производств по правонарушениям; сообщения из Кавказской казенной палаты по вопросам финансовой деятельности Пограничного суда и подведомственных учреждений; уведомления уездных судов Кавказской области о передаче на рассмотрение Пограничного суда подсудных дел³. На основании предложения И.В. Гудовича в Моздокский верхний пограничный суд, составленном в 1794 г., видно, что в суде разбирались дела:

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 27 а

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 28.

– между заседателем Пограничного суда О-вым о захвате у него «Большой Кабарды владельцем И-вым» силою из его табуна 5 лошадей и принадлежащих ему 13 крестьян¹;

– между куртатинским жителем новокрещённым осетином Т-мым «о возвращении взятой Малой Кабарды владельцем А-вым и детьми у Т-ва дочери его родной матери»²;

– от тифлисского жителя армянина З-ва «о продаже ему Большой Кабарды владельца А-ва узденем его М. под видом собственной своей за двадцать рублей лошади, которая напоследок оказалось воровской»³.

В 1794 г. Пограничный суд разбирает дела об убийстве князем К. князя Б.⁴; убийстве знатного кабардинца Ш-ва подвластными князя Т-ва⁵; попытке совершить побег в Закубанье ногайским мурзой Исламом К.⁶ В 1795 г. разбиралось дело о незаконном барантовании одного унаута (бесправного) и десяти коров у расправного заседателя Бекмурзиной и Кайтукиной родовой расправы А-ва князем Т.⁷ В то время интенсивность взаимодействия Пограничного суда с родовыми судами и расправами была достаточно высокой.

В 1796 г. в Пограничном суде по уведомлению Моздокского нижнего земского суда решалось дело о воровстве подвластными премьер-майора Шабазгирея Куденетова у жителя слободы Курской К-на пары быков⁸. На основании материалов дела видно, что потерпевший подал заявление о краже в Моздокский нижний земский суд, а последний в свою очередь уведомлением направил его на рассмотрение по подведомственности в Пограничный суд⁹. В ноябре 1796 г. в этом же суде решалось дело также по уведомлению Моздокского нижнего земского суда над четырьмя ногайцами и одним кумыком об убийстве двух ставропольских купцов¹⁰.

Увеличение документооборота между Моздокским верхним пограничным судом и родовыми судами и расправами отмечается после смены их состава по истечении первого срока функционирования. Сообщения касались в основном назначения на должность новых судей

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.

⁵ Там же. Д. 30. Л. 26.

⁶ Там же. Д. 30. Л. 22.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 64-68.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 72-68.

и расправных заседателей, утверждения их в должностях, приведения к присяге и т.п. Так, в исходящем регистре за 1797 г. содержатся сведения от приставов о направлении на утверждение И.В. Гудовича кандидатур, избранных от Большой и Малой Кабарды и от ногайцев, кочевавших в районе Пятигорья¹. Кроме того, в этом же регистре приводятся и такие данные, как:

– сообщение кабардинского пристава полковника Лабы о том, что Малая Кабарда приведена к присяге «на всеподданническую верность Его императорскому Величеству» (апрель 1797 г.), и о том, что он направил избранного в Малой Кабарде делегата в Пограничный суд на имеющуюся вакансию;

– предложение И.В. Гудовича о допуске избранных в Пограничный суд судей на очередное трехлетие от Большой Кабарды Мисостовой и Атажукиной фамилий;

– сообщение премьер-майора Гана о направлении в Пограничный суд заседателя от ногайцев;

– рапорт заседателей Бекмурзиной и Кайтукиной родовой расправы о том, что вновь избранные члены расправы допущены к исполнению должностей;

– аналогичный рапорт Бекмурзина и Кайтукина родового суда о том, что избранные «владельцы Безрука Кильчукин, Такушина Айдемиров, и письмоводитель Ширданов афендий» допущены к должности;

– рапорт Мисостова и Атажукина родового суда и расправы о том, что выбранные владельцы Адильгери Сидакаев и Темирбулат Мисостов, узденья председатель Асланука Танбиев, К... (неразб. – А.А.) Кушмезуков, Ахмед Сидаков, Хаджи-нурадин Шогенов и Алимугамет Кекезуков допущены к исполнению должностных обязанностей;

– прошение председательствующих родового суда и родовой расправы в Малой Кабарде о приведении узденей в повиновение и об определении к ним мулл, помощников и переводчиков;

– прошение заседателя Пограничного суда Алексея Мисостова об увольнении его с занимаемой должности;

– предложения И.В. Гудовича о введении избранного на место умершего заседателя родового суда Мисостова и Атажукина владельца Мусы Карамурзина владельца майора Биарслана Касаева и т.п.;

– сообщение Моздокского коменданта генерал-майора Таганова с приложением документа на грузинском языке².

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 169. Л. 10.

² Там же.

Ранее мы обращали внимание на этнический состав участников судебных разбирательств в Моздокском верхнем пограничном суде и отмечали, что суды были предназначены для решения дел между представителями коренного населения региона. Исключение составляло кабардинское население, внутренние споры которого решались в родовых судах и расправах. При этом материалы суда показывают, что внутренние споры других жителей региона могли разбираться в Пограничном суде. Например, в 1797 г. в Суде решалось дело о внутреннем споре между ногайцами, одной из сторон которого являлся служащий Пограничного суда. В своем прошении он отмечал следующее:

«жительство я имею при реке Куме, выше редута... из коего живший на Калаусе мурза М-в подвластных моих ногайцов, около семидесяти дворов, подманив переселил к себе, хотя я неоднократно истребовал от названного М-ва, о возвратить оных подвластных моих мне, однако же по сие время не могу оных получить. Для того Моздокского верхнего пограничного суда прошу о возвращении от названного М-ва подвластных моих ногайцов, вышеописанное число семей, куда следует учинить свое сношение, и что оные мною подлинными означенным мурзою М-вым действительно сманены, прилагаю его данное мне ... (неразб. – А.А.) к мурзе свидетельство, на что имею ожидать милостивой резолюции»¹.

Упомянутое в этом прошении свидетельство было подготовлено с использованием арабоязычной графической основы и приложено к материалам дела. Судьям Пограничного суда для рассмотрения был предложен перевод свидетельства на русский язык². Примечательно, что данное письменное свидетельство может рассматриваться еще и как форма доказывания просителем своей позиции в суде. И суд на основании данного свидетельства принял решение предписать ответчику возвратить требуемые семьи³.

При этом власти периодически обсуждали вопросы, связанные с уточнением компетенции Моздокского верхнего пограничного суда и разграничения предметов его ведения. В этом отношении одним из основных направлений деятельности властей в ходе преобразований системы приставских управлений на Кавказе было исключение дублирования полномочий между ними и Пограничным судом. В некоторых случаях

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 177.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 6.

это нашло закрепление в нормативных актах, регламентировавших деятельность приставских управлений. Например, после образования главного приставского управления в 1800 г. и отнесения к его подведомственности помимо прочих кабардинского народа (и частного кабардинского пристава) в п. 4 наставления главному приставу И.М. Макарову, выданном Коллегией иностранных дел, по этому поводу устанавливалось следующее:

«А как в сих народов между кабардинцами, которые доселе состояли под управлением астраханских генерал-губернаторов, а ныне под управлением тамошнего военного губернатора по Высочайшему соизволению учреждены в разных местах суды и избираются в заседаниях в них же судьи для рассмотрения по их правам обид и жалоб их, которые суды и поднес существуют, то с сей стороны подается нам немалое облегчение по возложенной на вас обязанности, а остается только наблюдать вообще поступки сего народа и деяния владельцев его, и нет ли от самих тех судей жалоб в неправом каком-либо деле решении, о коем буде случится, вы долг имеете представить тамошнему военному губернатору на рассмотрение и давать ваше мнение»¹.

Анализ журнала заседаний Моздокского верхнего пограничного суда за 1805 г. показывает, что производство дел в суде возбуждалось на основании сообщений Моздокского коменданта, моздокского нижнего земского суда, отношений генерал-лейтенанта кавказской кавалерии Г.И. Глазенапа, кизлярского коменданта полковника Ахвердова, рапортов приходчика и расходчика, сообщений Кавказского губернского правления, Александровского нижнего земского суда, Георгиевского нижнего земского суда и др. Кроме того, в качестве оснований для разбирательств могли быть экстракты, составленные на основе сведений из различных дел².

Прошения в суд подавались и в частном порядке: например, от моздокского жителя Малой Кабарды Кургоко Перхичева³ (который на тот момент еще не был введен в состав суда); группы кизлярских жителей⁴, моздокской жительницы черкешенки И-вой⁵, «андреевских» и чеченских владельцев (прошение «на татарском диалекте»)⁶, моздокского

---

¹ АКАК. Т. 1. С. 727-731.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ Там же. Л. 130.

жителя католика О-ва на заседателя суда майора Канчао Ахлова¹, живущего около «Бештовых гор» на реке Калаусе Едисинского мурзы Есения², армянина (моздокского жителя)³, нахичеванского мещанина Ф-ва⁴ и др. Как видно, ограничений в том, представители каких именно групп местного населения имели право обращаться в суд с сообщением о правонарушениях, не было. Основное требование заключалось в том, чтобы дело относилось к подсудности пограничного суда. Следует обратить внимание, что с течением времени количество частных обращений в Пограничный суд возрастало, что косвенно свидетельствует о повышении его значимости в общественном сознании местного населения. Однако значительное количество самообращений все же исходило от жителей Моздока и Моздокского уезда, нежели от населения порубежных территорий.

Одним из факторов, сдерживавших развитие Пограничного суда в середине нулевых годов XIX в. в отношении кабардинцев, была эпидемия чумы. Это активно обсуждалось в переписке представителей военной администрации. В частности, в 1805 г. на основании сообщения пристава Кабарды генерал-майора И.П. Дельпоццо в Пограничный суд видно, что взыскать штрафы с жителей Малой Кабарды по приказу Моздокского верхнего пограничного суда не представлялось возможным по причине «моровой язвы»⁵. В настоящем исследовании нами уже были рассмотрены некоторые направления деятельности Пограничного суда в отношении кабардинского населения региона в первые два десятилетия XIX в. и отмечен ряд объективных факторов, ограничивавших возможности полной реализации им установленных в нормативных актах полномочий.

Ещё одним направлением инкорпорации народов Центрального Кавказа в российское правовое пространство было применение в деятельности Пограничного суда институтов, несвойственных для соционормативной культуры местных жителей того времени. В частности, в документах сохранились сведения об обращении к услугам поверенных⁶. В некоторых документах зафиксированы факты участия поверен-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 133 об.

² Там же. Л. 203.

³ Там же. Л. 231.

⁴ Там же. Л. 243 об.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 233.

⁶ Поверенные – участники судебного процесса, уполномоченные другими лицами или учреждениями действовать от их имени.

ных в заседаниях суда. Поверенный выполнял в основном представительские функции и наделялся правом действовать в суде от имени поверителя. В правоприменительной практике Пограничного суда насчитывается множество примеров участия поверенных в интересах своих поверителей в решении имущественных споров¹. В практике Пограничного суда встречались дела, когда право представлять интересы в суде третьим лицам было оформлено соответствующими письменными документами с подписями поверителей². Например, в деле по прошению грузинского дворянина Х-ва по имущественному спору в отношении брагунского владельца Т-ва в 1805 г. отмечено «с изъяснением прошения поверенного дворянина Х-ва...»³. Примечательно, что поверенные принимали участие и по другим категориям дел⁴. Однако по мере повышения спроса на их услуги военные власти начали вводить некоторые ограничения в отношении должностных лиц, которые могли быть допущены к участию в судебном разбирательстве в качестве поверенных. Например, в 1809 г. на основании предложения Кавказского губернского правления находящимся при должностях чиновникам было запрещено быть поверенными по частным делам⁵. Анализ делопроизводственной документации позволяет говорить о довольно частом использовании института поверенных для решения спорных дел и жителями территорий, расположенных за пределами Кавказской линии.

Определенный научный интерес представляет правоприменительная практика Моздокского верхнего пограничного суда в 1807–1822 гг. (подчеркнем, времени смены нормативно-правовой основы судопроизводства в родовых судах и расправах). В это время практика Суда как и прежде оставалась разнообразной и насыщенной. В докладном регистре за 1807 г. отмечены документы Кавказского губернского правления по разным вопросам организации деятельности Пограничного суда, Ставропольского нижнего земского суда, Кавказской палаты уголовного и гражданского суда, рапорта приходчика и расходчика суда по вопросам финансирования деятельности суда, уведомления о принятии новых нормативно-правовых актов. Кроме того, на основании анализа журнала исходящей документации за 1807 г. можно установить, что

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 49; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 103; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 173.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 544. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 49.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 103; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 340. Л. 173.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.

Суд состоял в переписке с И.В. Гудовичем в основном по кадровым вопросам (согласование кандидатур на разные должности суда); Кавказским губернским правлением, Кавказской казенной палатой, Моздокским уездным казначейством (по вопросам финансирования его деятельности); генерал-майором Султаном Менгли-Гиреем (по вопросам проведения следственных действий с подведомственными ему абазинцами, по вопросам высылки в суд некоторых жителей подведомственных ему народов); ногайским приставом Макаровым по аналогичным вопросам; Георгиевским нижним земским судом (по вопросам проведения следственных и розыскных мероприятий)¹.

На основе анализа журналов заседаний Моздокского верхнего пограничного суда за 1807 г. видно, что в нем решались дела о краже владельцем Большой Кабарды К. имущества у новокрещенных черкесов (моздокских кабардинцев) в Моздоке², об убийстве с участием карангайцев³, о захвате абазинскими владельцами имущества у нахичеванского армянина⁴, о барантовании имущества и денег у кабардинца Г. заседателем Моздокского пограничного суда титулярным советником И. Касаевым⁵, о воровстве имущества жителем Ставропольского уезда у ногайцев⁶, о несанкционированном пересечении Линии кабардинцами⁷, об убийстве кабардинца С. в Большой Кабарде⁸. Кроме того, в журнале имеются сообщения о задержании «абрека, взятого от кабардинских владельцев»⁹, т.е. в 1807 г. Моздокский верхний пограничный суд продолжал решать большое количество дел с участием кабардинского населения региона.

Примечательно, что в материалах Пограничного суда за 1808 г. встречались дела об ответственности за проезд мимо карантинных застав без специального разрешения, как например, по случаю «существующей в Кабардах заразительной болезни... по делу кабардинского узденя И-ва за проезд мимо карантинных в российские границы владельца М-на с пятью товарищами»¹⁰. А 1 мая 1809 г. в Пограничном суде слушали предложение Кавказского губернского правления о направлении

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 362.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397. Л. 5.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 111.

⁶ Там же. Л. 114.

⁷ Там же. Л. 127.

⁸ Там же. Л. 130.

⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 397, ч. 1. Л. 93.

в Кавказскую палату уголовного суда заседателя Моздокского суда титулярного советника И-ва за соучастие в укрытии вещей «от заразной болезни подверженных»¹. Примечательно, что он работал в качестве заседателя Пограничного суда с 1797 г.²

В 1808 г. за воровство ногайцами крупного рогатого скота у жителей Александровского уезда Моздокский верхний пограничный суд принял решение о назначении наказаний по российской законам³.

Одной из функций наказаний, налагаемых Моздокским верхним пограничным судом по особо тяжким делам, была превенция, поэтому случалось, что их исполнение было публичным. Например, в одном из протоколов Пограничного суда установлено:

«сию экзекуцию (А.А. – имеется в виду 125 ударов кнутом) хотя на месте преступления на дороге между крепостей Павловской и Марьинской и Екатериноградской следовало произвести, но как тамо по небытию из живущих по линии горских и других разного рода жителей не видя преступников наказывающихся. Мало могут воображать произведенное за соделанное преступление над преступниками наказание; то по сему случаю оною экзекуцию над означенными узденями П-вым, М-вым и П-вым через палача произвести в городе Моздоке, дабы всяк тут из живущих разного рода горских и других народов определяемое наказание видел и через то в основные добропорядочного жителя мог впечатлить в сердце своем страх»⁴.

Другой важной функцией Пограничного суда было проведение следственных мероприятий и сбор доказательств на досудебной стадии по делам, относящимся к их подведомственности. По особо важным делам эти мероприятия документировались в установленном на тот момент порядке и отложились в материалах суда. Напомним, что в 1809 г. пограничный суд рассматривал дело об убийстве пристава Дзюбина, по которому в качестве подозреваемых проходили несколько кабардинцев, жителей Большой Кабарды, и ногайцев, проживавших на подведомственной территории главного пристава Ахвердова⁵. В этом плане большой научный интерес представляет сообщение пристава Большой и Малой Кабарды генерал-майора И.П. Дельпоццо от 5 апреля 1809 г. «с приложением *писанной на татарском языке бумаги* (курсив наш.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 422. Л. 183-183 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 430. Л. 3.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 420. Л. 5.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 124. Л. 15 об. – 16.

⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 2; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 420. Л. 3 об.

– А.А.), полученной им из кабардинского Бекмурзиной и Кайтукиной фамилии... (А.А. – возможно, суда)»¹ о том, что ему не представлялось возможным выслать в Моздок подозреваемых в убийстве пристава кабардинцев.

Весьма информативным для характеристики основных направлений деятельности Пограничного суда во второй половине 10-х гг. XIX в. представляет собой «докладной регистр на 1815 г.». В нем имеются следующие записи:

– отношение генерал-майора И.П. Дельпоццо «об учинении розыска убийцы осетина Черноярской станицы»;

– отношение военнотружашего, в котором «уведомляет суд, что узденъ Е-ов увез мальчика Мо (холопа, невольника), купленного у него подполковником К., находится по имеющимся у него сведениям в Большой Кабарде у владельца Кучука Джанхотова. Поэтому пытался истребовать своего холопа через пристава Кабарды Гурмандые»². В резолюции по делу указывалось, что кабардинскому приставу майору Гурмандые было предписано истребовать от владельца Большой Кабарды подполковника Кучука Джанхотова находящегося у него невольника узденя Е-ва. Это решение было оформлено в виде приказа, контроль за исполнением налагался на Моздокский верхний пограничный суд;

– уведомление Ставропольского нижнего земского суда о поимке «безбилетников», которые назвали себя кабардинцем и ногайцем, и по подсудности отнесены к Пограничному суду;

– уведомление Ставропольского земского суда с приложением дела об убийстве «на Черкасской большой дороге селения Медвежьего ногайцем Б. калмыка»;

– прошения о приеме на работу в суд в качестве переводчика армянина Ивана Алиханова. В нем он уведомлял суд, что компетентен делать переводы с армянского, грузинского, черкесского, татарского и русского, а также мог читать и писать на грузинском языке;

– сообщение Георгиевского плацмайора Булгакова «с препровождением в сей суд для законного суждения за смертоубийство [принадлежавшего] мурзе К-ву крепостного холопа К-ва из черкес Огурла при открытом листе»;

– сообщение главного караногайского пристава Балугева, в котором уведомляет, что он на основании инструкции государственной коллегии иностранных дел и наставления главнокомандующего «в здешнем

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411. Л. 48 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 517.

крае без произведения им... (неразб. – А.А.) по просьбам частных людей в сей суд подаваемых присылать ногайцев в сей суд не будет»;

– прошение моздокского жителя «черкесского муллы» Т-ва, в котором он просил принять его на работу в Моздокский верхний пограничный суд на вакансию помощника муллы;

– прошение моздокского жителя черкеса М-ва и армянина Т-ва о принятии на поручительство находившегося в Пограничном суде под следствием «Кизлярского окоченного муллу» Т-ва в связи с болезнью на период до выздоровления;

– сообщение моздокской полиции от 11-го августа за № 750 с представлением «произведенного оною следственного дела о краденной скотине... с преступником ногайцем К-вым для законного суждения с уведомлением, что прикосновенный по сему делу Большой Кабарды уздень капитан А-ов оною требован чрез майора Гурмандые и по сие время не выслан»;

– прошения местных жителей «для поступления по законам» с преступниками по делам о причинении ран и телесных повреждений¹.

Данные о характере входящей корреспонденции в Моздокский верхний пограничный суд в середине 10-х гг. XIX в. можно получить на основании анализа журнала «На расписку вступающих из разных мест бумаг Моздокского верхнего пограничного суда» за 1815 г. Их анализ дает возможность глубже исследовать правоприменительную практику Пограничного суда в этот период. В этом году в суд поступили:

– уведомление кизлярского городничего о разбойном нападении;

– многочисленные отношения генерал-майора И.П. Дельпоццо по вопросам производства конкретных дел в отношении жителей Большой и Малой Кабарды;

– сообщения главного карангайского пристава о высылке в суд участников процесса, проживавших на подведомственной ему территории;

– сообщения Моздокской городской полиции о правонарушениях, подсудных пограничному суду;

– прошения жителей Моздока с сообщениями о правонарушениях, подсудных пограничному суду;

– уведомления Ставропольского, Моздокского и других земских судов Кавказской области;

– предложение кавказского гражданского губернатора М.Л. Малинского о прикомандировании члена Пограничного суда в Моздокскую

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 517.

карантинную заставу на место заболевшего инспекторского товарища Летича для управления заставой;

– переписка с главным калмыцким приставом Ваценко¹ и др.

После назначения на должность главнокомандующего войсками на Кавказе генерала от инфантерии А.П. Ермолова (при котором Моздокский верхний пограничный суд был ликвидирован) суд сохранял прежнюю интенсивность своей деятельности, что подтверждается данными делопроизводственных документов. Так, в 1818 г. в числе исходящих из Пограничного суда документов были:

– указы суда служащим суда по текущим вопросам его деятельности;

– билеты и открытые листы;

– отношения в другие суды о содействии в доставлении в суд отдельных участников процесса (например, Ставропольскому земскому суду; Моздокскому армянскому суду, Моздокскому нижнему земскому суду, Александровскому земскому суду);

– отношения в адрес приставов и других должностных лиц о вызове суд местных жителей, проживающих на подведомственных им территориях (например, главному калмыцкому и трухменскому приставу, прохладненской карантинной заставе, командующему на Кавказской линии генерал-майору И.П. Дельпоццо);

– сообщения по текущим вопросам деятельности суда (например, Караногайскому приставу Балуюеву, Кабардинскому приставу Аносову, Кавказскому губернскому прокурору, Моздокскому армянскому суду, Моздокскому уездному казначейству, Кавказской казенной палате, Моздокской почтовой конторе, Моздокскому армянскому духовному правлению, Моздокской полиции, Кавказскому гражданскому губернатору, приставу ногайского и абазинского народов);

– требования (в Моздокское уездное казначейство о принятии расходной экстраординарной суммы суда);

– рапорта А.П. Ермолову².

Кроме того, в это время увеличилось количество рассмотренных дел с участием представителей ногайского населения региона. В качестве примера приведем описание некоторых из них. 25 октября 1818 г. в суд поступило предписание А.П. Ермолова, на основании которого судьям предлагалось дать объяснение «на каком основании приступил суд к перерасследованию дела об увозе тайным образом ногайцем М-вым

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 498.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534.

жены сына ногайца И-ва и об отдаче оной в замужество, против ее желания за другого»¹. В этой части исследования еще раз приведем информацию о том, что в 1818 г. на основании отношения супруги Кургоко Перхичева в Пограничном суде рассматривалось дело о краже у него караногайцем И-вым 4-х лошадей² и о закрытии разбирательства на основе примирения сторон³.

Кроме того, на основании анализа настольного регистра Моздокского верхнего пограничного суда «на записку уступаемых в оный уголовных, следственных и гражданских дел» за 1818 г. видно, что:

– по состоянию на начало 1818 г. оставались нерешенными: 1) дело от 5 февраля 1815 г. по уведомлению Ставропольского нижнего земского суда об убийстве калмыка предположительно ногайцами; 2) по сообщению генерал-майора И.П. Дельпоццо о решении дела по российским законам Жембулатовского мурзы К-ва с крепостным человеком черкесом О. за совершенное им в 1816 г. убийство Жембулатовского мурзы К-ва;

– следственные дела: 1) по сообщению Ставропольского нижнего земского суда дело о воровстве трухменцами у казаков лошадей; 2) по сообщению Александровского нижнего земского суда дело о покушении ногайцами на воровство; 3) по сообщению моздокской городской полиции дело о краже товаров у армянских торговцев по кавказской дороге;

– гражданские дела: 1) по сообщению исполнявшего обязанности моздокского коменданта плац-майора Циклаурова о принятии христианства незаконнорожденным О.;

– вновь поступившие в 1818 г. следственные дела: 1) по сообщению полковника Гринева на основании выписки из дела, произведённого военным судом над казаками моздокского казачьего полка; 2) по открытому листу Александровского земского суда с препровождением регистра, по которому требовалась материальная компенсация за украденный скот; 3) по прошению вышедшего из России за Кубань жителя деревни Когоруко из черкес А-ва (по принятии христианства Моисея Степанова) об освобождении его от крепостной зависимости⁴.

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534. Л. 93 об.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 100 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

Обзор этих примеров можно и дальше расширять. Но и этого достаточно, чтобы сформировать представление о специфике деятельности Пограничного суда в конце 10-х гг. XIX в.

На рубеже 10-20-х гг. XIX в. круг разбираемых Моздокским пограничным судов дел существенных изменений не претерпел. В нем рассматривались дела по убийствам, кражам (в том числе, кражам людей), ранениям, споры о социальном статусе жителей региона, имущественные и наследственные споры¹ и т.п. При этом значительно увеличился объем разбираемых дел. На рубеже 10-20-х гг. XIX в. Пограничный суд решал вопросы управления своей текущей деятельностью; выдавал билеты на проезд за пределы Линии и открытые листы; вел переговоры с нижними земскими и уездными судами региона и приставами по вопросам доставления участников разбирательств в судебные присутствия и проведения отдельных следственных мероприятий²; разбирал жалобы и прошения местных жителей³, вопросы об удостоверении социального статуса жителей региона⁴, удостоверении письменных документов⁵, дела об убийствах⁶, ограблениях⁷ и взыскании материальной компенсации за украденное⁸, воровстве и покушении на воровство⁹, краже невест и принудительной выдаче замуж¹⁰, о крепостной зависимости и освобождении «от рабства»¹¹, безбилетном проезде и несанкционированном перемещении через Прохладненскую карантинную заставу¹², наследственных и имущественных спорах¹³, взыскании неустойки за неисполнение условий контракта¹⁴, взятии на поруки¹⁵ и т.п.

При этом следует учитывать, что увеличение нагрузки на Моздокский верхний пограничный суд проходило на фоне сокращения штат-

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 534.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536. Л. 2 об.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 33-34 об.

⁵ Там же. Л. 93 об.

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 536. Л. 16 об.

⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 537. Л. 100 об.

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Л. 93 об.

¹¹ Там же. Л. 5 об.

¹² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 545. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 138.

¹⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 563. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 119.

ной численности его служащих. Однако, как отмечалось, штатная численность была сокращена за счет уменьшения количества судей, делегированных от кабардинского населения региона. По этому сокращение присутствия кабардинских делегатов в составе Моздокского верхнего пограничного суда коррелируется с сокращением количества разбираемых дел с участием кабардинцев.

В истории суда и судебных органов на Центральном Кавказе важное место занимают вопросы посреднического (народного, третейского) разбирательства и их легитимности в рамках российской правовой системы. Медиаторское (посредническое) разбирательство споров и конфликтов с элементами народного правосудия практиковалось на Центральном Кавказе на протяжении всего дореволюционного периода. А первые примеры разбирательств с применением альтернативных государственным форм правосудия были зафиксированы именно с учреждением Пограничного суда. Точнее с его появлением продолжали параллельно функционировать медиаторские суды. Так, в целом ряде его документов содержатся косвенные или прямые указания на применение народных форм правосудия. Рассмотрим некоторые из них в рамках настоящей работы. Например, в деле, разбираемом в 1794 г. на основании прошения заседателя Пограничном суде О-ва о захвате из его табуна 3 лошадей узденем А-ым¹, также содержатся косвенные упоминания о передаче дела на рассмотрение посредников. В приказе Пограничного суда от 25 января 1795 г. указано: «три кобылицы немедленно отобрав, возратить ему О-ву, и поступить с ним за то после учинения о кабардинских обычаях положения»². Этот документ также позволяет предположить, что народное неформальное правосудие функционировало параллельно с установленными в Кабарде родовыми судами и расправами.

Интересная информация в этом плане содержится в деле, рассмотренном в 1795 г. Моздокским верхним пограничным судом по рапорту родовой расправы Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий «о позволении К-ву с женой разобрать [спор] духовным судом»³. В приказе Пограничного суда записано, что:

«1795 г., апреля 17 в Моздокском верхнем пограничному суде по рапорту Бекмурзина и Кайтукина родовой расправы по справке показывает, прошлого 794 года октября 3 дня в постановлении, чиненном самими кабардинцами

---

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

в общем присутствии¹ в пункте 5 сказано: /если муж с женой или жена с мужем в житие своем не будут согласны, и захотят развестись, оное разбирательство представить духовенству, и когда из спорящих кто не будет послушен духовному разбирательству, с того взять в штраф два быка, чего ради приказали: в оную родовую расправу послать указ, и велеть вышеобозначенным... (неразб. – А.А.), чтобы оные о разбирательстве, учиненном об оной женщине дела по силе обвиненного в..., учинённого в сем кабардинцами положении явились к духовному разбирательству и решению»².

Документ подтверждает факт посреднического разбирательства на основе религиозных норм по делам, касавшимся семейно-брачных отношений. В целом, введение российских судов не исключало функционирование судов по адату (в данном случае) и по шариату. При этом еще раз отметим, что исследование специфики деятельности посреднических судов на Центральном Кавказе в период функционирования как Моздокского верхнего пограничного суда, так и на протяжении всего дореволюционного времени может быть предметом специального исследования.

Таким образом, правоприменительная деятельность Пограничного суда выстраивалась с опорой на российские нормативные акты и выражалась в решении споров и конфликтов, иных видов его внесудебной деятельности, взаимодействии с другими судами и административными органами и т.п. Круг рассматриваемых пограничным судом вопросов расширялся по мере изменения социальных отношений в регионе, возрастания необходимости официального заверения соглашений и сделок, включения в правовое поле России новых народов и территорий и т.п. При этом специфику деятельности Пограничного суда в этом отношении также можно условно рассматривать в рамках двух последовательных этапов: до 1807 г. и после. Суд на основании норм российского права разбирал дела об убийствах, ранениях, кражах и грабежах, рассматривал имущественные споры, удостоверял социальный статус состоящих в его подведомственности жителей региона и т.п. По особо важным делам (убийства, ранения, кражи) Моздокский верхний пограничный суд выносил решения на основании норм российского права. Помимо этого, суд проводил предварительное следствие и сбор доказательств по относящимся к его подсудности делам, а также по запросам иных учреждений, но в отношении проживавших на подведомственной

---

¹ А.А.: так в документе.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.

ему территории горцев. Он в пределах своей компетенции взаимодействовал практически со всеми гражданскими органами власти и военными администрациями региона (другими судами, приставами, военным командованием региона). Круг разбираемых Моздокским верхним пограничным судом вопросов в 1807-1822 гг. не изменился по сравнению с 1793-1807 гг. При этом существенно снизилось количество разбираемых дел с участием кабардинцев – жителей Большой и Малой Кабарды. Это было связано не только с осложнением военно-политической ситуации в Кабарде, но и с расширением сети приставских управлений и модернизацией форм взаимодействия между ними и пограничным судом. Увеличение числа приставских управлений и расширение территориальной подведомственности Пограничного суда должно было привести к усилению его значимости как учреждения контроля за народами порубежных территорий. Однако продвижение России вглубь Кавказа и превращение Моздока из пограничного населенного пункта во внутренний уездный город, наоборот, привело к утрате Пограничным судом своего прямого назначения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование расширяет наши представления об институциональных основах становления и развития российского аппарата государства на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. Моздокский верхний пограничный суд в системе органов суда и власти в регионе представлял собой один из важных каналов инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Сразу же после своего основания Моздокский верхний пограничный суд стал вызывать неподдельный интерес у исследователей. В системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. он представлял собой временное переходное судебное учреждение, созданное для включения в политико-правовое поле России населения порубежных территорий и наделенное судебными, административными, полицейскими, нотариальными, таможенными и некоторыми другими полномочиями. Исследовательская традиция в отношении него начала складываться в первые годы его функционирования, что в определенной мере заложило устойчивый вектор изучения истории его деятельности вплоть до настоящего времени. Устоявшийся перечень характеристик (исторические обстоятельства и условия учреждения, структура и объем полномочий, территориальная организация и реакция местного населения на нововведения) применялись исследователями для изучения особенностей социально-политической и экономической истории региона. Тогда как доступные источники (нормативно-правовые, делопроизводственные, с элементами статистического обобщения, картографические и т.п.) позволяют ставить и решать новые научные задачи. В рамках исторического институционализма эти источники дали возможность исследовать учреждение Моздокского верхнего пограничного суда как одно из первых мероприятий по установлению институтов российской государственности в этом регионе, определить его роль и место в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля, изучить особенности финансового и кадрового обеспечения его деятельности, состава участников процесса и правоприменительной практики. Все это подчеркивает значимость Суда как важнейшего института российской государственности на этапах интеграции народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России.

Распространение российской делопроизводственной культуры на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XIX в. выразилось в активном документообороте между учреждениями локального судебного-административного контроля и другими институтами российского аппарата государства и представителями региональных этноэлит. Формы документирования коммуникации учреждений локального судебного-административного контроля зависели от характера иерархических связей коммуникантов: рапорты и представления – от нижестоящих организаций в вышестоящие; предписания и ордера – из вышестоящих в нижестоящие; отношения, уведомления и сообщения – между организациями, не состоявшими в административной зависимости. В целом анализ источниковой базы позволяет рассмотреть такие направления инкорпорации региона в политико-правовое пространство России, как: применение различных источников права при решении споров и конфликтов, ритуально-символическое закрепление статусов населения в новых политико-правовых реалиях, особенности отправления ими нотариальных функций и коммуникация с представителями региональной этноэлиты. Кроме того, источники позволяют подробно исследовать механизмы коммуникации российской власти и региональной этноэлиты, нотариальные функции на примере засвидетельствования сделок и договоров, проблемы признания и закрепления социального статуса отдельных жителей и групп населения. Анализ этой части делопроизводственной практики Пограничного суда позволяет глубже исследовать такие общие и частные вопросы инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в., как: история учреждения и деятельности российских органов власти на Кавказе; решение споров и конфликтов местного населения в условиях соционормативного плюрализма (основанного в то время на применении в практике российского, мусульманского и обычного права); социальная мобильность региональных этноэлит в новых политических реалиях; сбор сведений об обычаях и традициях местного населения, расположении и численности населенных пунктов и т.п.

Образование Моздокского верхнего пограничного суда было одним из первых опытов внедрения Россией на Центральном Кавказе учреждений локального судебного-административного контроля. Пограничный суд был создан в крепости Моздок на основании специального распоряжения Екатерины II в 1793 г. и функционировал до 1822 г. Он выполнял функции пограничного административно-судебного, таможенного и нотариального учреждения в отношении коренного населения

региона, проживавшего за пределами Кавказской (Азово-Моздокской) линии и отнесённого на основании международных соглашений к ведению России. К его территориальной подведомственности относились народы (кабардинцы Большой и Малой Кабарды, моздокские кабардинцы, осетины, трухменцы, чеченцы, абазины, карабулаки, ногайцы и т.д.), проживавшие «за пределами» укрепленной кордонной (Азово-Моздокской, Кавказской) линии. Причем территориальная подведомственность Пограничного суда постоянно расширялась по мере включения в политико-правовое пространство России тех или иных северокавказских народов и территорий. Суд создавался как временная мера для вовлечения местных жителей в политико-правовое пространство империи и утратил свое значение по мере продвижения России вглубь Кавказа и нивелирования Моздоком статуса пограничной крепости. Апробированная властями на примере Пограничного суда модель организации и управления деятельностью учреждений локального судебно-административного контроля была впоследствии перенесена на создаваемые позже учреждения пограничного типа со схожим функционалом (Кабардинский временный суд в крепости Нальчик с 1822 по 1858 гг.; Владикавказские инородный с 1828 по 1830 гг. и окружной с 1830 по 1836 гг. в крепости Владикавказ; Чеченский народный суд «макхама чачани» в крепости Грозной с 1852 по 1858 гг.). Эта же модель частично создавала основу для введения в конце 50-х гг. XIX в. в регионе системы военно-народного управления.

Деятельность Моздокского верхнего пограничного суда регламентировалась нормативными актами общего и локального действия. К общим относились акты власти, определявшие административно-территориальное устройство империи того времени, а также функционирование политико-правовых образований разного уровня и отдельных государственных органов. К локальным относились акты, непосредственно затрагивавшие различные аспекты деятельности пограничного суда. Анализ сохранившейся до настоящего времени делопроизводительной документации Суда (докладные и настольные регистры–журналы, списки членов суда и ведомости оплаты их труда, протоколы следственных действий, указы и приказы, переписка с родовыми судами и расправами Большой и Малой Кабарды и т.п.) открывает новые исследовательские возможности для изучения особенностей его коммуникации с иными учреждениями локального судебно-административного контроля, определения его места в системе органов государственной власти в регионе, характеристики динамики его кадрового состава, понимания специфики правоприменительной практики и т.п.

При этом до сих пор открытыми остаются проблемы билингвизма в его коммуникации с региональными этноэлитами и качества перевода делопроизводственной документации, составленной с использованием арабоязычной графической основы, а также изучения механизмов формирования сводных документов об обычаях и традициях народов региона (таких как, например, «Народное условие, сделанное 1807 г. июля 10 после прекращения в Кабарде заразы в отмену прежних обычаев»).

Моздокский верхний пограничный суд сочетал в своей деятельности как российские принципы государственной военной и гражданской службы того времени, так и нормативные обычаи горцев северокавказского региона. Пограничный суд выполнял следующие функции:

- судопроизводственные (разбирал спорные и тяжёлые дела между представителями разных этнических групп региона или российскими подданными с одной стороны и жителями порубежных приграничных территорий с другой);

- административные (выдавал билеты на право перемещения за пределы кордонной линии, собирал сведения о жизни горцев северокавказского региона);

- делопроизводственные (переводил документы с языков местных народов на русский и обратно, выступал посредником при коммуникации представителей российской власти с коренным населением региона);

- нотариальные (засвидетельствование сделок и актов, имеющих правовое значение, подтверждение и удостоверение социального статуса жителей региона) и т.п.

Пограничный суд являлся важным звеном в складывавшейся с конца XVIII в. в регионе многоуровневой системы суда и управления. Он выступал вышестоящей судебной инстанцией по отношению к родовым судам и расправам в Большой и Малой Кабарде, а также эти его полномочия сохранялись в нормативных документах и после преобразования последних в духовные суды (после 1807 г.). Кроме того, некоторые решения пограничного суда подлежали обязательному утверждению высшим военным начальством в регионе.

Взаимоотношения Моздокского верхнего пограничного суда с родовыми судами и расправами характеризуются двояким сценарием. С одной стороны, это форма поиска взаимовыгодного сотрудничества, подкрепляемого ритуально-символическими способами фиксации привилегированного статуса представителей местной этнической элиты (получение российских воинских званий и гражданских чинов, денежное вознаграждение за счет российской казны судьям и расправным за-

седателям за выполняемую работу). С другой – неприятие частью местного населения нововведений в этой сфере, что выражалось в саботировании деятельности родовых судов и расправ, срыве очередных выборов в судьи, массовыми миграциями в Западную Черкессию и Чечню и т.п. В 1807-1822 гг. под влиянием внешних политических и этнодемографических факторов (война, массовая миграция местного населения, чума и, как следствие, – этнодемографический кризис) взаимоотношения Пограничного суда и подведомственных учреждений локального судебного-административного контроля в Большой и Малой Кабарде в документах практически не прослеживаются (уменьшились поток документов между ними и общая численность участников судебных разбирательств от кабардинцев, не были проведены выборы в Пограничный суд от кабардинцев и т.п.).

На протяжении всего периода своего функционирования Моздокский верхний пограничный суд в пределах своей компетенции состоял во взаимоотношениях с российскими военными администрациями и гражданскими органами власти в регионе. В 1793-1822 гг. он взаимодействовал Кавказским губернским правлением, кавказским губернским прокурором, нижними земскими и уездными судами других уездов Кавказской области, Моздокским армянским судом (с 1816 г.), с полицейскими структурами Кизляра и Моздока, приставами (кабардинским, главным караногайским, главным калмыцким и тухменским, ногайским и абазинским), духовными правлениями, уездным казначейством, казенной палатой, прохладненской карантинной заставой, моздокской почтовой конторой и т.п. Для коммуникации между ними была разработана и применялась специфичная система учета всего потока документации. Анализ документации, сопровождавшей их коммуникацию, позволяет охарактеризовать суд как посредническое учреждение во взаимоотношениях российской власти с народами данного региона.

Штат и структура Пограничного суда формировалась на паритетных началах: от российской власти и от местного населения. Это дает возможность определить основные каналы социальной мобильности и формы закрепления социального статуса в новых политико-правовых реалиях (выборы от местного населения, утверждения в должностях на основании решения высшей военной власти в регионе, присяга, как своеобразная форма допуска к работе, присвоение российских воинских званий и классов чина, назначение жалования от российской казны и т.п.). Сложности комплектования кадрами Пограничного суда обострились после 1807 г. Они выражались в невозможности заполнить все вакантные места пограничного суда, котируемые для делегатов от

Большой и Малой Кабарды. Это, как отмечалось, связано со сложной ситуацией в данном субрегионе Центрального Кавказа, связанной с этнодемографическими изменениями. В этот период выборы не проводились, а представительство кабардинцев в Пограничном суде частично обеспечивали судьи, избранные до 1807 г.

Анализ делопроизводственных документов Моздокского верхнего пограничного суда дает возможность охарактеризовать специфику его правоприменительной практики на протяжении всего периода его деятельности. Так, дела по особо важным преступлениям (убийства, причинение ран и телесных повреждений, кражи и т.п.) в Пограничном суде решались на основании норм российского права. Кроме того, суд проводил предварительное следствие и сбор доказательств по различным категориям дел, предоставлял услуги переводов на русский язык различных документов для нужд представителей российской власти в регионе. При этом на данном этапе внедрения первоначальных форм локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе сохранялись и некоторые традиционные формы решения споров и урегулирования конфликтов. У большинства народов региона продолжало функционировать народное правосудие на основе обычаев или конфессиональных норм.

Деятельность Пограничного суда на завершающем этапе его функционирования (1816-1822 гг.) приобрела некоторые особенности под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. По мере снижения роли Моздока как порубежного населенного пункта Пограничный суд продолжал выполнять свои функции в полном объеме. При этом численность делегируемых от Большой и Малой Кабарды судей в составе Пограничного суда существенно уменьшилась. Также изменения в штате суда в это время были связаны и с реорганизацией системы локального судебно-административного контроля и созданием в Моздоке новых судебных органов. Механизмы коммуникации Пограничного суда с иными административными и судебными структурами региона на завершающем этапе его деятельности значимых изменений не претерпели. Трансформации имели место лишь во взаимодействия с учреждениями локального судебно-административного контроля: посредниками в отправлении функций правосудия между Моздокским судом и местным населением становились в основном приставы. Причем их число по сравнению с концом 90-х гг. XVIII в. увеличилось за счет отнесения к его подведомственности новых территорий и народов. Равно как и этнический состав участников судебных разбирательств к этому времени также существенно расширился по сравнению с ранними этапами.

Применение российских нормативных актов в деятельности, засвидетельствование совершаемых и признание совершённых сделок, удостоверение социального статуса и применение в практике суда несвойственных традиционному правосознанию представителей местного населения институтов являются важными направлениями включения народов региона в правовую систему России в 1793-1822 гг. Однако поначалу это осложнялось невысоким качеством коммуникации между представителями российской власти и местным населением. Эта сложность выражалась в обмене между судом и подведомственными инстанциями документами на разных языках, необходимости их перевода на русский язык и приспособления к российской политико-правовой риторике того времени. Однако с течением времени сложности межъязыковой коммуникации были сведены к минимуму. Все это формировало институциональную основу включения местных жителей в правовое поле империи. Кроме того, это являлось одним из способов формирования у представителей региональных этноэлит и местного населения в будущем истоков российского гражданского самосознания и приобщения к имперской правовой культуре того времени.

Вводя на Центральном Кавказе административные органы с функциями правосудия, российское правительство апробировало некоторые принципы разграничения сфер применения источников права, использовавшихся при решении споров и урегулировании конфликтов. Моздокский верхний пограничный суд представлял собой своеобразный культурный гибрид, сочетавший элементы различных социоцивилизационных систем. В повседневной жизни народов Центрального Кавказа по-прежнему применялись традиционные формы решения споров и конфликтов. При этом действие российских правовых норм распространялось на территории, которые еще не были окончательно включены в состав Российской империи. Все это позволяет охарактеризовать роль и место Пограничного суда в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1816-1822 гг. как значимое учреждение, занимавшее промежуточное положение между российской властью и коренным населением Центрального Кавказа в части отправления функций решения споров и конфликтов.

Таким образом, Моздокский верхний пограничный суд в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. представлял собой временное переходное судебное учреждение, созданное для включения в политико-правовое поле России населения

порубежных территорий и наделенные судебными, административными, полицейскими, нотариальными, таможенными и некоторыми другими полномочиями. Исследовательская традиция в отношении него начала складываться в первые годы его функционирования, что в определенной мере заложило устойчивый вектор изучения темы вплоть до настоящего времени. Устоявшийся перечень характеристик (исторические обстоятельства и условия учреждения, структура и объем полномочий, территориальная организация и реакция местного населения на нововведения) применялись исследователями для изучения особенностей социально-политической и экономической истории региона. Тогда как доступные источники (нормативно-правовые, делопроизводственные, с элементами статистического обобщения, картографические и т.п.) позволяют ставить и решать новые научные задачи. В рамках исторического институционализма эти источники дали возможности исследовать учреждение Пограничного суда как одно из первых мероприятий по установлению институтов российской государственности в этом регионе, определить его роль и место в системе органов власти и учреждений локального судебно-административного контроля, изучить особенности финансового и кадрового обеспечения его деятельности, состава участников процесса и правоприменительной практики. Все это подчеркивает значимость Пограничного суда как важнейшего института российской государственности на начальных этапах интеграции народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Архивные материалы

1. Архив Русского географического общества. Разряд 52. Описание 1. Ед. хр. 3.
2. ГА АО. Ф. 504. Оп. 1. Д. 1-7.
3. ГА ОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1633.
4. ГА ОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 14.
5. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 10; 30; Оп. 2. Д. 281.
6. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 141.
7. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 376; 6164; 6715.
8. РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 69.
9. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 237; 235; Оп. 2. 1816 г. Д. 261 В.
10. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1799 г. Д. 12.
11. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13 доп. Д. 2; Оп. 13 доп. Д. 3; Оп. 17. Д. 12.
12. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138.
13. ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 5, 10, 17, 18, 19, 25, 27 а, 28, 31, 34, 35, 36, 37, 42, 43, 45, 46, 51, 54, 55, 56, 58, 65, 66, 67, 69, 73, 75, 76, 78а, 102, 104, 109, 110, 112, 113, 121, 124, 161, 166, 167, 168, 169, 177, 179, 183, 186, 202, 205, 229, 234, 340, 346, 347, 352, 353, 354, 360, 361, 362, 363, 364, 370, 372, 383, 389, 391, 392, 397, 410, 411, 412, 420, 422, 423, 424, 425, 430, 438, 448, 456, 475, 498, 504, 509, 511, 517, 519, 521, 525, 526, 527, 534, 536, 537, 538, 542, 545, 563, 595,
14. ЦГА РСО-Алания. Ф. 258. Оп. 1. Д. 1, л. 56.

Опубликованные источники:

15. Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. Т. 1. Сост. З.Ж. Глашева. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2018. 492 с.
16. Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. 2-е переработанное и дополненное. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2023. 816 с.

17. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.
18. АКАК. Т. 1. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1866. 816 с.
19. АКАК. Т. 2. Тифлис: Типография главного управления Наместника кавказского, 1868. 1238 с.
20. Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах: Сб. док. Сост. Л.М. Парова. Назрань: Республиканская типография при Правительстве Республики Ингушетия, 1995. 245 с.
21. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1. Памятники права адыгов (черкесов) и акты органов Российского государства. Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2009. 671 с.
22. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 2. Памятники права адыгов (черкесов). Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2010. 640 с.
23. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 11. Памятники права Балкарии. Ростов н/Д: ООО Издательство Перо, 2012. 464 с.
24. Документальная история образования многонационального государства Российского. М., 1998. Кн. 1. В 4 кн. Кн. I: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках / Ин-т социально-политических исследований Рос. акад. наук; Ред. Г.Л. Бондаревский. М.: НОРМА, 1998. 672 с.
25. Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.
26. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.). Сб. док. Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
27. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
28. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1882. 448 с.
29. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1883. 396 с.
30. Неизвестный автор. Описание кабардинцев, 1815-1818 гг. // Ученые записки КБНИИ. Т. XIII. Нальчик, 1957. С. 387.
31. Неопубликованная рукопись П.Г. Буткова по истории Кабарды. Сост. Р.К. Кармов. Нальчик: б/и, 2020. 240 с.

32. Обычное право, мусульманское право и акты российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Хрестоматия. / Сост. М.А. Исмаилов, Л.Г. Свечникова, Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2008. 496 с.
33. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев. Сост. Х.М. Думанов и Ф.Х. Думанова. Майкоп: Меоты, 1997. 295 с.
34. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 19112. Санкт-Петербург, 1830.
35. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17118. Санкт-Петербург, 1830.
36. ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29138. Санкт-Петербург, 1830.
37. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.). Нальчик: Эль-фа, 2003. Т. 2. 488 с.
38. Ставровский. Записки о Кабарде. Спб., 1865 // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 34.
39. Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI в.): учебное пособие. Нальчик: Каб-Балк. гос. ун-т, 2015. 268 с.

Литература:

40. Абазова М.В., Бечелов З.Ш. Из истории становления судебной системы в Кабарде // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2016. № 1 (11). С. 128-131.
41. Авакян Р.О. Самоуправление, национальное судопроизводство и культурное наследие армянских колоний-поселений Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.) // Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств. Материалы VII научно-практической конференции (г. Нальчик, 22-23 июня 2017 г.). Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. С. 12-47.
42. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонда имени Б.Х. Акбашева при участии Международной Черкесской ассоциации, 2006. 1248 с.
43. Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. 108 с.
44. Айдарова Н.Г. Административные и судебные реформы в Осетии (конец XVIII – начало XX в.). Дисс. к.ю.н. Ставрополь, 2009. 196 с.
45. Айдарова Н.Г. Государственно-административная политика Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12(60). С. 132-134.

46. Айдарова Н.Г. Эволюция судебной системы в Осетии в конце XVIII-XIX вв. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6 (54). С. 105-108.

47. Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. "Будущие дети России...": проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 392 с.

48. Албогачиева М.С.-Г. Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX-XXI вв.) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. Санкт-Петербург, 2012. С. 142-208.

49. Алоев Т.Х. "Беглые" кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799-1829 гг. Дисс. канд. ист. н-к. Нальчик, 2006. 187 с.

50. Альханов Н.М., Хажиханова Х.Л., Дахаева З.И. Становление и развитие правовых институтов на Северном Кавказе // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 15-21.

51. Арсанукаева М.С. Введение российской судебно-правовой системы в горских районах Северного Кавказа в первые десятилетия XIX века // Вестник Российской правовой академии. 2010. № 2. С. 12-17.

52. Арсанукаева М.С., Халифаева А.К. Медиация в обычном праве народов Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.): особенности и значение // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 66-75.

53. Арсанукаева М.С., Халифаева А.К., Джалилов Ш.Н. Язык судопроизводства по делам с участием горцев Северного Кавказа (XIX – начало XX века) // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 4-7.

54. Афаунова М.И. Институт приставства в Кабарде (1769-1822) // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 99-111.

55. Афаунова М.И. Попытки установления родовых судов и расправ в Кабарде (1793-1807) // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 37-54.

56. Бабич И.Л. Из истории правовой политики России на Северном Кавказе (XVIII-XIX вв.) // Политика и право, 2002. № 11. С. 124-137.

57. Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. 128 с.

58. Бабич И.Л. Особенности становления государственности и права на Северном Кавказе (на примере адыгских горских обществ в XVII-XX веках) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 3 (51). С. 50-56.

59. Бгажноков Б.Х. К вопросу о возникновении и рубежных территориях Черкесии // Исторический вестник. 2006. № 3. С. 129-152.
60. Бебрерова Е.Г. Торговые отношения горцев и официальной власти: пути преодоления северокавказского фронта в первой половине XIX в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-н/Д, 26-27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2014. С. 105-113.
61. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.
62. Белогуб Н.В. Судостроительство и судопроизводство в центральной части Северного Кавказа в конце XVIII – середине XIX вв. // Экономика, политика, право: актуальные вопросы, тенденции и перспективы развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 июня 2019 года. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 257-259.
63. Бзасежева Р.К. Исторические предпосылки и этапы этнической миграции кабардинцев в Закубанье в первой четверти XIX века // Успехи современного естествознания. 2006. № 11. С. 74-75. Электронный ресурс. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12164> (дата обращения: 10.11.2024).
64. Битова Е.Г. Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской Империи (первая половина XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 1. С. 30-37.
65. Блейх Н.О. Конфессиональная стратегия Российской державы в социально-правовом взаимодействии с мусульманами Северного Кавказа (конец XVIII – начало XIX вв.) // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 2. С. 23-29.
66. Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. 174 с.
67. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Издательство ИР, 1970. 380 с.
68. Блиева З.М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Автореферат дис. канд. ист. н-к. Ленинград, 1984. 17 с.
69. Блиева З.М. Развитие административных и судебных учреждений в Кабарде (1769-1822) // Молодые ученые Осетии 75-летию Великого Октября. Орджоникидзе: б/и, 1988. С. 45-48.

70. Блиева З.М. Российские судебные учреждения в Осетии: опыт, особенности организации (конец XVIII – 50-е годы XIX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2018. № 3. С. 31-35.

71. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дисс. д-ра ист. н-к. Владикавказ, 2004. 476 с.

72. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: СОГУ, 1992. 108 с.

73. Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46.

74. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 174 с.

75. Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М. Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 79-119.

76. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. I. 385 с.; Ч. II. 485 с.

77. Бурькина Л.В., Федосеева Л.Д. К вопросу об административно-судебной реформе на Северном Кавказе в XIX в.: историографический аспект // Кубанские исторические чтения : Материалы XI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30 июня 2020 года / Ответственные редакторы Курусканова Н.П., Улезко Б.В. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2020. С. 243-251.

78. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1869. Ч. 1. 545 с.; Ч. 2. 592 с.; Ч. 3. 620 с.

79. Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1956. 192 с.

80. Вартанян Х.С. Проблемы интегрирования горцев Центрального и Северо-Восточного Кавказа в государственно-правовое поле Российской империи в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 54-56.

81. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). Нальчик: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2017. 544 с.

82. Виноградов Б.В. Из опыта интегрирования северокавказских горцев в российскую государственную систему в конце XVIII – начале XIX вв. // Научная мысль Кавказа. 2005. № 2. С. 56-60.

83. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар; б/и, 2004. 91 с.

84. Волгина А.П. Историко-правовой анализ статуса российских судебных учреждений на Северном Кавказе в XIX в. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 104-110.

85. Волконский Н.А. Кавказ в 1787-1799 г. // Кавказский сборник. Т. 15. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. С. 1-52.

86. Воропанов В. Национально-религиозный вопрос в политике Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Востоковедение, евразийство, геополитика. 2006. № 3 (76). С. 72-80.

87. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Автореф. дисс. канд. юрид. н-к. Краснодар, 2007. 26 с.

88. Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дисс. ... д-р. ист. н-к. М., 2004. 489 с.

89. Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.). Монография / Гапуров Ш.А. Грозный: АО Издательский полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. 576 с.

90. Гапуров Ш.А., Магамадов С.С. Из истории российско-горских отношений в дореволюционный период: попытки нового прочтения // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: Сборник научных статей. Краснодар, 28 февраля – 02 марта 2014 года. Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Экоинвестком", 2015. С. 56-67.

91. Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Кабарда в кавказской политике России (конец XVIII – первая четверть XIX века). Акад. наук Чеченский Респ., Чеченский гос. ун-т. Грозный: АН ЧР, 2012. 374 с.

92. Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Россия и Северный Кавказ в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (некоторые аспекты политических взаимоотношений) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 2(17). С. 150-162.

93. Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Страницы политической истории Кабарды (рубеж XVIII-XIX вв.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 2(15). С. 81-90.

94. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX века. Москва: Наука, 1967. 331 с.

95. Глашева З.Ж. Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 5(79). С. 78-88.

96. Глашева З.Ж. Введение // Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи: Сборник документов и материалов. Том II. Нальчик: Издательская типография Принт Центр, 2020. С. 5-68.

97. Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 1-72.

98. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1876. С. 132-231.

99. Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске с 1816 по 1826 год. СПб.: Типография Краля Крайя, 1829. 464 с.

100. Джумагулова А.Т. Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Современная наука и инновации. 2014. № 3 (7). С. 35-40.

101. Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. 168 с. (Адыгская историческая серия (АИС)).

102. Дзарасов А.О. Универсалистские тенденции в судебно-административной практике Российской империи на Северо-Восточном и Центральном Кавказе в первой трети XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2016. № 1. С. 23-28.

103. Дзидзоев А.Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в. Автореф. дис. ... канд. юрид. н-к. Спб., 2011. 23 с.

104. Дзидзоев А.Д. Судебная политика Российской империи на Кавказе в дореформенный период // Юридическая мысль. 2010. № 5(61). С. 11-16.
105. Дзотцоева А.А. Первые специальные судебно-административные учреждения для горцев Центрального Кавказа // Новая наука: От идеи к результату. 2015. № 6-1. С. 178-181.
106. Долгиева М.Б., Картоев М.М., Кодзоев Н.Д., Матиев Т.Х. История Ингушетии. Ростов н/Д: Южный издательский дом, 2013. 600 с.
107. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб.: Типография департамента уделов, 1871-1887. Т. 1-6.
108. Думанов З.Б. Из истории Реформы системы судопроизводства в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История науки и техники. 2007. № 9. С. 17-23.
109. Думанов З.Б. Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX века). Дисс. канд. ист. н-к. Майкоп, 2010. 184 с.
110. Думанов Х.М. Взаимодействие адыгэ хабзэ, норм шариата и русского законодательства в Кабарде в XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник. 2008. № 7. С. 93-106.
111. Думанов Х.М. Полиюридизм в судебной системе Кабарды второй половины XIX и в начале XX в. // Парламентаризм в КБР: становление, проблемы, перспективы: Материалы региональной научно-практической конференции (к 70-летию Высшего законодательного органа КБР и 15-летию Парламента КБР). Нальчик: Парламент КБР, 2008. С. 62-72.
112. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX века). Автореферат дис. ... д-р. ист. н-к. Москва, 1991. 46 с.
113. Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х. Право и судебные органы адыгов // Исторический вестник. 2006. № 4. С. 111-142.
114. Думанов Х.М., Кетов М.Ю. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII – XIX в. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2000. 140 с.
115. Думанов Х.М., Крымшокалова (Думанова) Ф.Х. Вхождение Кабарды в правовое пространство Российского государства в конце XVIII – первой четверти XIX веков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 25-29.

116. Думанов Х.М., Першиц А.И. Полиюридизм у народов Северного Кавказа // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2006. № 6. С. 56-64.
117. Думанов Х.М., Смирнова Я.С. К уточнению понятия «обычное право» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2000. № 1. С. 77-82.
118. Журтова А.А. Теоретико-методологические основы исследования делопроизводственных материалов по проблемам кавказоведения // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 4. С. 237-260.
119. Загурский Л. Краткий очерк ермоловского времени на основании VI Актов, собранных Кавказской археографической комиссией. Тифлис: тип. И. Чанцева и Ко, 1876. 23 с.
120. История адыгейского народа, составленная по кабардинским преданиям Ш.Б. Ногмовым. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1861. 180 с.
121. История Востока. Т. 4, кн. 1: Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М.: ППП Тип. Наука, 2004. 608 с.
122. История и культура народов Северного Кавказа: Краткий курс лекций. Для студентов всех направлений подготовки / Т.А. Елоева, С.В. Дарчиева, Н.Л. Кобесашвили, Р.И. Таучелова; Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), изд-во Терек, 2014. 164 с.
123. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука 1967. 484 с.
124. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. 396 с.
125. История многовекового содружества: К 450летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Отв. ред. Б.Х. Бгажников. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
126. История Северного Кавказа: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. 282 с.
127. История Северо-Осетинской АССР. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 334 с.

128. Кажаров В.Х. Актуальные проблемы политической истории кабардинцев в XVI – первой половине XIX в.: историографический анализ // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 1(51). С. 161-166.
129. Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 904 с.
130. Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2012. 83 с.
131. Кажаров В.Х. Историческое кабардиноведение и историческое сознание кабардинцев в 60-80-е гг. XX в // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4(42). С. 16-22.
132. Кажаров В.Х. Кабарда в период «духовного правления» (1807-1822 гг.) // Исторический вестник. 2006. № 4. С. 255-271.
133. Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. 2006. № 3. С. 398-425.
134. Кажаров В.Х. Политическая история Кабарды в XVI-XVIII веках в постсоветской историографии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 21-28.
135. Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60-90-е гг. XVIII в // Исторический вестник. 2006. № 4. С. 206-254.
136. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 440 с.
137. Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007. 232 с.
138. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1995. 125 с.
139. Каров А.Х. Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX в. Дис. канд. ист. н-к. Нальчик, 2000. 202 с.

140. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (Материалы I Кошехабьского форума «История – достояние народа»). Майкоп: Меоты, 1991. С. 41-64.

141. Кидирниязов Д.С. Административная политика российского правительства на Северном Кавказе (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Научные известия. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2020. Т. 16. № 1. С. 35-41.

142. Кидирниязов Д.С. Административная программа Российского государства на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // Кавказ: история и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГЛИ, 2014. С. 104-116.

143. Кидирниязов Д.С. Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е гг. XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 18-32.

144. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 432 с.

145. Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 452 с.

146. Кобахидзе Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской Империи // Российская история. 2012. № 4. С. 3-15.

147. Кобахидзе Е.И. К истории становления судебно-административной системы в дореформенной Осетии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 2. С. 54-59.

148. Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской Империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ: СОГУ, 2003. 236 с.

149. Кобахидзе Е.И. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Автореф. дис. ... д-р. ист. н-к. СПб., 2010. 48 с.

150. Кобахидзе Е.И. Традиционная юридическая практика у осетин и ее трансформация в ходе российских судебно-административных преобразований конца XVIII – 50-х гг. XIX в. // Актуальные про-

блемы истории и этнографии народов Кавказа: сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 215-243.

151. Кожев З.А. Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI-XVIII вв.) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 12-26.

152. Кубатко А.Н. История становления российской судебной системы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX в.). Пятигорск: изд-во «Технологический университет», 2003. 197 с.

153. Кубатко А.Н. История становления российской судебной системы на Северном Кавказе: Конец XVIII – начало XX в. Дис. ... канд. ист. н-к. Пятигорск, 2002. 204 с.

154. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе (вступительная статья, подготовка текста и редакция ... д-р. ист. н-к. Т.Х. Кумыкова). Нальчик, 1991. 190 с.

155. Кузьминов П.А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 4. С. 64-83.

156. Кузьминов П.А. Становление российской административно-судебной системы в Центральном Предкавказье в конце XVIII — начале XIX в. // Труды современного гуманитарного университета (СГУ). Проблемы гуманитарных наук. М., 2000. Вып. 18. С. 72-83.

157. Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик, 1963. С. 90-102.

158. Леонтович Ф.И. Предисловие // Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. С. 1-81.

159. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVII-XIX вв. Ростов н/Д: Изд. СКАГС, 2001. 392 с.

160. Малахова Г.Н., Чегарнова В.Н. Исторические аналогии политики soft power на Северном Кавказе (конец XVIII – XIX вв.) // Дискурс-Пи. 2014. № 4(17). С. 86-92.

161. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1998. 352 с.

162. Манаков П.В. Динамика деятельности генерала П.Д. Цицианова в Кабарде в контексте тенденций и противоречий в российско-кабардинских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(90). С. 45-48.

163. Маргиев В.Н. История государства и права Осетии. Майкоп: Меоты, 1997. 28 с.

164. Маремкулов А.Н. К вопросу создания и развития нормативно-юридической системы в ходе реализации судебной реформы на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // Право Кавказской цивилизации: истоки, особенности, мировое значение (к 150-летию окончания Кавказской войны): Материалы IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-н/Д, 2015. С. 127-129.

165. Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX в.: политико-правовой аспект. Нальчик: Эльбрус, 2003. 152 с.

166. Маремкулов А.Н. Трансформация обычного права в процессе реализации политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 34-38.

167. Маремкулов А.Н. Трансформация судебной системы в Кабарде в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: историко-правовой аспект // Проблемы совершенствования правовой системы Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции. Кабардино-Балкарский государственный университет. М., 1999. С. 25-31.

168. Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Центральном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов н/Д: СКАГС, 2005. 316 с.

169. Марзей И.Р. Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769-1864 гг. Дисс. канд. ист. н-к. Нальчик, 2021. 193 с.

170. Матвеев В.О. Кавказская война: от фронта к фронтиру: историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, КГУ, 2015. 272 с.

171. Мирзоев А.С. Воинский класс и военная организация традиционного черкесского общества (XV – середина XIX в.) // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 4. С. 12-32.

172. Мирзоев А.С. Трансформация института кровной мести у народов Центрального Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.:

факторы, механизмы, казусы // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 79-110.

173. Муратова Е.Г., Эржибова Ф.А. История Кабарды и Балкарии в научном наследии Петра Симона Палласа // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 3. С. 12-28.

174. Нагоев И.Б. Обострение политических противоречий Российской империи и Кабарды в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2015. № 1(24). С. 27-36.

175. Нахушева И.Р. Деятельность генерал-майора И.П. Дельпоццо в должности пристава кабардинцев в 1805-1810 гг. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 3(46). С. 48-53.

176. Нахушева И.Р. Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 60-78.

177. Нахушева И.Р. Приставское управление Кабарды в 1807-1822 гг.: особенности деятельности и динамика кадрового состава // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 4(96). С. 104-110.

178. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями Ад. П. Берже. Тифлис: Типогр. Главного управления Наместника Кавказского, 1861. 232 с.

179. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи; пер. с фр. канд. филол. наук Л.Ф. Сахибгареевой; под ред. канд. ист. наук И.В. Кучумова; отв. ред. акад. РАН В.А. Тишков. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. 848 с.

180. Охонько Я.Н. Управление инородцами Северного Кавказа по Учреждению для управления Кавказской области 1827 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 3. С. 118-123.

181. Очерки истории российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. 203 с.

182. Потто В.А. Два века Терского казачества. В 2-х т. Владикавказ, 1912. Т. I. 247 с.; Т. II. 235 с. Репринтное воспроизведение. Ставрополь, 1991.

183. Прасолов Д.Н. вопросу о преемственности представительных институтов кабардинцев и балкарцев в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1(36). С. 52-58.

184. Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3(52). С. 52-61.

185. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 208 с.

186. Прасолов Д.Н., Калмыков Ж.А., Думанов Х.М. Кабарда и Балкария в административной и судебной системе Нальчикского округа // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 214-219.

187. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Дисс. д-ра ист. н-к. Армавир, 2011. 529 с.

188. Россия и народы Северного Кавказа в XVI - середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству / К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Н.В. Варивода, А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.

189. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

190. Суздальцева И.А. Армянский суд Кизляра XVIII–XIX вв. // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного-гуманитарно-технического университета, 2018. С. 167-171.

191. Сулейманов Б.Б., Магомедов Б.М. О судебной политике царской России в Дагестане в конце XVIII – первой половине XIX в. // Российское правосудие. 2011. № 8(64). С. 101-106.

192. Ташева Е.А. Внедрение российских институтов управления в Малой Кабарде // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2023. № 33. С. 17-26.

193. Толстов В.Г. Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1896. 44 с.

194. Унежев К.Х. Формы и методы колониальной политики царизма в годы Кавказской войны 1763-1864 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12-3. С. 24-30.
195. Урушадзе А.Т. Кабарда в политике А.П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности // Былые годы. 2011. № 4(22). С. 12-16.
196. Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – начало XIX в.). Ростов н/Д: Издательство Южного Федерального университета, 2016. 280 с.
197. Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная типография Главного штаба Кавказской армии, 1860. 159 с.
198. Фарои Т.В. Проблемы эффективности правовой политики России на Северном Кавказе в XIX в. – начале XX в. // Социально-гуманитарный вестник : Всероссийский сборник научных трудов : посвящается 25-летию научно-педагогической деятельности кандидата юридических наук, доцента Татьяны Валерьевны Фарои / Краснодарский центр научно-технической информации (ЦНТИ) – Филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, Краснодарское отделение Российского общества интеллектуальной истории. Том Выпуск 19. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2016. С. 71-75.
199. Хатуев Р.Т. Российское имперское право и шариатский суд на Центральном Кавказе: начальный опыт сосуществования (конец XVIII в. – первая треть XIX в.) // История государства и права. 2010. № 22. С. 27-31.
200. Хачетлова С.М. Институт кровной мести у адыгов в XVIII-XIX вв.: проблема трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1(56). С. 200-203.
201. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
202. Хубиев Э.Ю. К вопросу о динамике шариатского движения в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник. 2007. Вып. VI. С. 112-131.
203. Чегарнова В.Н. Становление института государственной службы на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Дисс. канд. ист. н-к. М., 2015. 250 с.

204. Чикаева К.С. Дворянское депутатское собрание на Северном Кавказе в XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 240.
205. Шаов И.К. Правовые аспекты инкорпорации Северо-Западного и Центрального Кавказа в Российскую империю. XVIII-XIX вв. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 256 с.
206. Шаов И.К. Рецепция исламского права в систему российского местного права (Центральный Кавказ 1793-1822 гг.) // Право и практика. 2019. № 4. С. 36-41.
207. Шаов И.К., Дзыбова С.Г., Хлебникова А.А. Некоторые аспекты инкорпорации Кавказа в Российскую Империю // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 9-1. С. 67-75.
208. Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 76-83.
209. Эсадзе С.Э. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. 620 с.
210. Эсадзе С.Э. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. 520 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.

ГА АО – Государственный архив Астраханской области.

ГА ОО – Государственный архив Оренбургской области.

ГА СК – Государственный архив Ставропольского края.

ИГИ КБНЦ РАН – Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований.

КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

РАН – Российская академия наук.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

СКАГС – Северо-Кавказская академия государственной службы.

СПб. – Санкт-Петербург.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗДОКСКОГО ПОГРАНИЧНОГО СУДА И РОДОВЫХ СУДОВ И РАСПРАВ	13
1.1 Моздокский верхний пограничный суд в исследовательской практике	13
1.2 Документальное измерение деятельности Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ	41
ГЛАВА 2. МОЗДОКСКИЙ ВЕРХНИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СУД: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ, ОБЪЕМ ПОЛНОМОЧИЙ И МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ	69
2.1 Обстоятельства и условия учреждения Моздокского верхнего пограничного суда	69
2.2 Моздокский верхний пограничный суд в системе органов суда и управления на Центральном Кавказе	77
2.3 Моздокский верхний пограничный суд во взаимодействии с подведомственными учреждениями локального судебно-административного контроля	85
2.4 Полномочия и подсудность Моздокского верхнего пограничного суда	123
ГЛАВА 3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАКТИКА МОЗДОКСКОГО ВЕРХНЕГО ПОГРАНИЧНОГО СУДА	134
3.1 Финансовое обеспечение деятельности Моздокского верхнего пограничного суда	134
3.2 Кадры Моздокского верхнего пограничного суда	143
3.3 Социальный и гендерный состав участников процесса	166
3.4 Правоприменительная практика Моздокского верхнего пограничного суда	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	196
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	214

Научное издание

Абазов Алексей Хасанович

МОЗДОКСКИЙ ВЕРХНИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СУД
В СИСТЕМЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЛАСТИ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В 1793–1822 ГОДАХ

Корректор *Копылова Т.Д.*

Художник *Макоева Д.А.*

ISBN 978-5-907951-17-4

Подписано в печать 00.00.2024 г. Формат 60×84 1/16 .
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ № 178

Издательская типография Принт Центр
360015, г. Нальчик, ул. Братьев Кушховых 79 А
www.print07.ru
E-mail: msanuar@mail.ru

